

Елена Егорова

**«Следы невиданных
зверей...»**

*Мир фауны в жизни и творчестве
А.С. Пушкина*

**Москва
2020**

ББК 84(2Рос=Рус)6

Е 30

Егорова Е.Н. «Следы невиданных зверей...». Мир фауны в жизни и творчестве А.С. Пушкина. *Научно-популярные очерки.* — Москва: Литературное объединение «Угреша» Московской областной организации Союза писателей России; ДМУП «Информационный центр»; МОБОО «Общество «Семь Я», 2020. — 376 с., ил.

Книга члена Союза писателей России Елены Николаевны Егоровой адресована школьникам от 11 лет и взрослым. Серия очерков, посвящённых роли животных в жизни и творчестве А.С. Пушкина, позволит читателям по-иному взглянуть на его произведения и факты биографии, обратить внимание на интересные и важные подробности, познакомиться с рисунками великого поэта, на которых изображены звери, птицы и рептилии, а также с уникальными автопортретами в образе животных.

Такое литературное путешествие в мир пушкинской фауны поможет школьникам и взрослым лучше воспринимать и глубже понимать творчество национального гения.

В основу очерков, включённых в настоящую книгу, легли доклады, сделанные автором в 2007–2019 годах на международных научных конференциях «Хозяева и гости усадьбы Вязёмы» («Голицынские чтения») и «Пушкин в Подмоскowie и Москве», проводимых Государственным историко-литературным музеем-заповедником А.С. Пушкина (село Большие Вязёмы Одинцовского района Московской области). Доклады стали плодом многолетнего изучения автором произведений и писем А.С. Пушкина, научных статей и архивных материалов.

Издание снабжено удобными справочными разделами, облегчающими чтение. В книге опубликованы рисунки А.С. Пушкина и исторические изображения, упомянутые в тексте.

Изюминка книги — цветные страницы с оригинальными иллюстрациями юных художников и их педагогов из разных регионов России, победителей и лауреатов Всероссийского творческого конкурса «Следы невиданных зверей», проведённого в рамках одноимённого проекта.

ISBN 978-5-6041100-3-4

© Егорова Е.Н., текст, дизайн, 2020

© Литобъединение «Угреша» Московской областной организации СП России, 2020

© ДМУП «Информационный центр», 2020

© МОБОО «Общество «Семь Я», 2020

Предисловие

*Там на неведомых дорожках
Следы невиданных зверей...
Руслан и Людмила. Пролог*

С детских лет нас чарует сказочное пушкинское Лукоморье из поэмы «Руслан и Людмила». В этом небольшом прологе читателей встречает знаменитый «кот учёный», поющий песни и говорящий сказки, завораживают «следы невиданных зверей», привлекает бурый волк, преданно служащий заточённой в темнице царевне.

В произведениях А.С. Пушкина мир фауны богат и разнообразен, животным отведена немаловажная роль. Некоторые из них являются настоящими литературными персонажами, упоминания других помогают правильно воспринимать описанную великим поэтом обстановку, поэтические образы и символику, поведение людей.

Пушкин с детства любил братьев наших меньших, кроме разве что кусачих насекомых — комаров, мух, клопов. На рисунках поэта в черновых рукописях запечатлены многие животные. Особенно он любил изображать лошадей, кошек и птиц.

Сравнивая поэтическое творчество с эхом, А.С. Пушкин писал:

*Ревёт ли зверь в лесу глухом,
Трубит ли рог, гремит ли гром,
Поёт ли дева за холмом,
На всякий звук
Свой отклик в воздухе пустом
Родишь ты вдруг.*

Наблюдения за миром фауны, народные персонажи из мира животных, его символика, фольклорные источники — всё это нашло яркое отражение в творчестве А.С. Пушкина, который даже иногда рисовал себя в образах некоторых зверей.

В основу очерков, включённых в настоящую книгу, легли доклады, сделанные мной в 2007–2019 годах на международных научных конференциях «Хозяева и гости усадьбы Вязёмы» («Голицынские чтения») и «Пушкин в Подмосковье»

и Москве». Эти конференции проводятся Государственным историко-литературным музеем-заповедником А.С. Пушкина, объединяющим усадьбы Вязёмы и Захарово Одинцовского района Московской области — места детства великого поэта.

Книга предназначена для широкого круга читателей — школьников средних и старших классов и взрослых. В текстах очерков намеренно сохранены все ссылки и комментарии, содержащие подробности, важные для тех, кто интересуется жизнью и творчеством А.С. Пушкина и стремится глубже понимать его произведения.

Приглашаю читателей совершить увлекательное путешествие по ранее неизвестным им дорожкам мира пушкинской фауны, по следам невиданных и самых обычных животных — зверей, птиц, рептилий, рыб и насекомых.

«Ретив и смирен верный конь...»

В доавтомобильную эпоху лошади играли в жизни людей исключительно важную роль. Без них невозможны были ни сухопутные путешествия, ни сражения, ни сельскохозяйственные работы. Поэтому и символика лошади многообразна, как сама жизнь. Лошадь в зависимости от масти и обстоятельств символизирует свет и тьму, мудрость и быстроту мысли, скорость передвижения и бег времени, жизнь и смерть, женскую грацию и мужество, любовное вожделение и благородство. Крылатый конь Пегас — общеизвестный символ поэтического творчества.

Лошадь была не просто транспортным средством. Хороший конь дорогого стоил, к нему относились как к товарищу и соратнику, его любили, холили и лелеяли. А.С. Пушкин в этом отношении, конечно, не исключение. Поэт был ловким наездником, любил прогулки верхом в любое время года, много путешествовал в экипажах. Наслаждение от верховой езды воспето им в стихах¹:

*Как быстро в поле, вокруг открытом,
Подкован вновь, мой конь бежит!
Как звонко под его копытом
Земля промёрзлая звучит!*

«Как быстро в поле, вокруг открытом...». 1828

*Пороша. Мы встаём, и тотчас на коня,
И рысью по полю при первом свете дня;
Арапники в руках, собаки вслед за нами...²*

«Зима. Что делать нам в деревне?...». 1829

*Ведут ко мне коня; в раздольи открытом,
Махая гривую, он всадника несёт,
И звонко под его блистающим копытом
Звенит промёрзлый дол и трескается лёд.*

Осень. IX. 1833

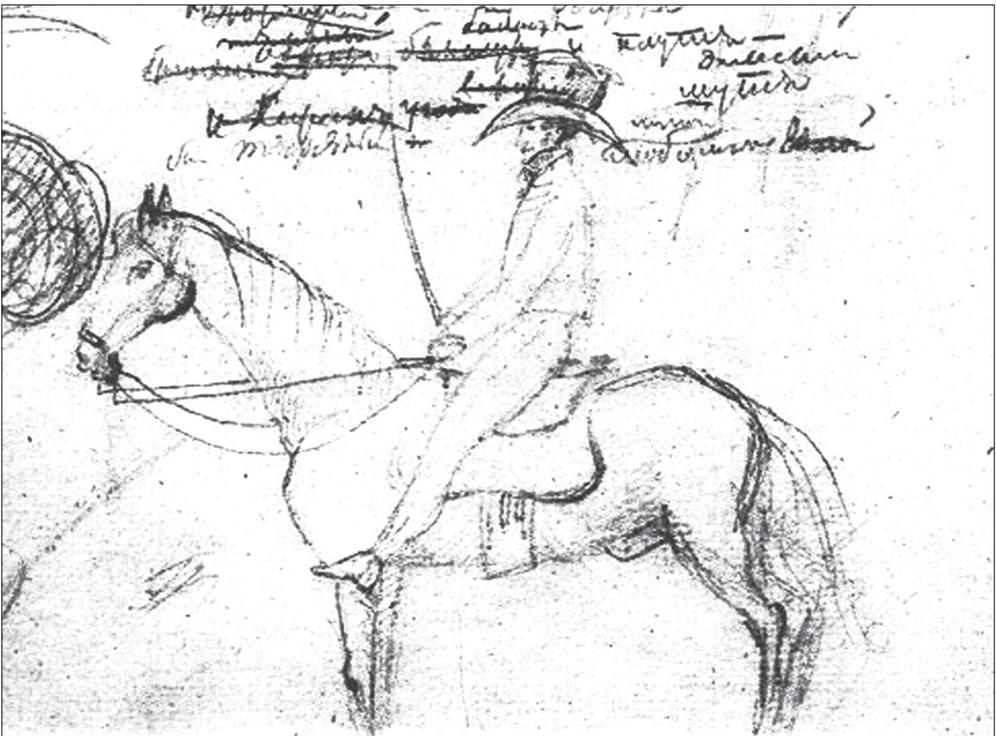
Однако зимой верховая езда по скользкому льду была опасна даже для такого хорошего наездника, как Пушкин. 28 января 1825 года он писал П.А. Вяземскому из Тригорского в Москву: «Пишу тебе в гостях с разбитой рукой — упал на льду не с лошади, а с лошадьёю: большая разница для моего наезднического честолюбия». Скорее всего, это собы-

тие Пушкин имел в виду в XLIII строфе IV главы «Евгения Онегина»:

*В глуши что делать в эту пору?
Гулять? Деревня той порой
Невольно докучает взору
Однообразной наготой.
Скакать верхом в степи суровой?
Но конь, притупленной подковой
Неверный зацепляя лёд,
Того и жди, что упадёт.*

Конные автопортреты

Известно несколько конных автопортретов поэта. Первый автопортрет он набросал карандашом в 1826 году в черновиках V главы «Евгения Онегина». Пушкин изобразил себя в широкополой шляпе, ловко сидящим на жеребце. Поза всадника статична, но в ней чувствуется внутреннее

Автопортрет в рукописи V главы «Евгения Онегина». 1826 г.

напряжение, словно он вот-вот собирается пришпорить своего коня. Жеребец очень красив. Возможно, это тот самый аргамак, которого упоминает Н.М. Языков в стихотворном послании к П.А. Осиповой от 8 декабря 1827 года³:

*И часто вижу я во сне:
И три горы, и дом красивый,
И светлой Сороти извивы
<...>
И те отлогости, те нивы,
Из-за которых вдалеке
На золотом аргамаке⁴,
Заморской шляпою покрытый,
Спеша в Тригорское, один —
Вольтер и Гёте и Расин —
Являлся Пушкин знаменитый...*

Автопортрет в черновике стихотворения «Делибаш». 1829 г.

Два других конных автопортрета Пушкина относятся к 1829 году и связаны с путешествием поэта в Арзрум к месту военных действий. Оба портрета очень динамичны. Первый находится в черновике стихотворения «Делибаш»: поэт мчится на лошади в широкополой шляпе и бурке на фоне пологих гор. В стихах говорится о схватке бесстрашного турецкого воина делибаша с не менее отважным русским казаком. Продолжением этой темы стало изображение мчащегося турецкого бойца с обнажённой саблей, сделанное поэтом в

Турецкий воин. 1829 г.

Автопортрет в бурке с копьём. 1829 г.

альбоме своей московской знакомой Елизаветы Николаевны Ушаковой⁵. В этом же альбоме находится самый известный

конный автопортрет Пушкина в бурке и с копьём. Пушкин словно «примерял» на себя роль участника сражений с турками, очевидцем которых ему довелось быть.

Необычным и очень оригинальным автопортретом является тот, где поэт изобразил себя в виде... лошади. В автографе стихотворения «Андрей Шенье» среди красивых конских голов начертан вытянутый, имеющий сходство одновременно с лошадью и обезьяной, но вполне узнаваемый профиль поэта⁶. Пушкин словно примерял на себя образ лошади, приоткрывая тайны своей творческой лаборатории, когда автор невольно перевоплощается в своих героев, даже если это животные. В стихотворении «Андрей Шенье» многие строки посвящены именно поэтическому творчеству, осмыслению роли поэта в обществе, хотя напрямую автопортрет в образе лошади с текстом стихотворения «Андрей Шенье» не связан. Кони здесь упоминаются в переносном смысле. Перед казнью французский поэт на минуту усомнился в правильности выбора своего творческого поприща:

... Что делать было мне,

Мне, верному любви, стихам и тишине,

На низком поприще с презренными бойцами!

Мне ль было управлять строптивыми конями

И круто направлять бессильные бразды?

Автопортрет в образе лошади (в левом нижнем углу). 1825 г.

Лошади в стихах и на рисунках

Согласно «Словарю языка Пушкина»⁷, поэт упоминает этих животных 579 раз в таких вариантах: лошадь (277), лошадка (6), лошак (2), конь (269), кобыла (9), кобылица (3), кобылка (7), жеребец (6). 11 раз встречается в его произведениях легендарный Пегас. Причём слово «лошадь» чаще употребляется Пушкиным в прозаических произведениях при упоминании гужевого транспорта. В стихах преимущественно фигурирует более поэтичная форма «конь», причём без соотнесения с полом:

Но знаешь: не велеть ли в санки
Кобылку бурую запречь?
Скользя по утреннему снегу,
Друг милый, предадимся бегу
Нетерпеливого коня...

Зимнее утро. 1829

В рукописях Пушкина многочисленны изображения лошадей, полных красоты, изящества, экспрессии движений. Голова лошади — самый первый рисунок поэта в лицейской тетради (ПД № 829. Л. 26). Это автоиллюстрация к стихотворению «Усы» о разудалом гусаре, которому мудрец даёт наставления:

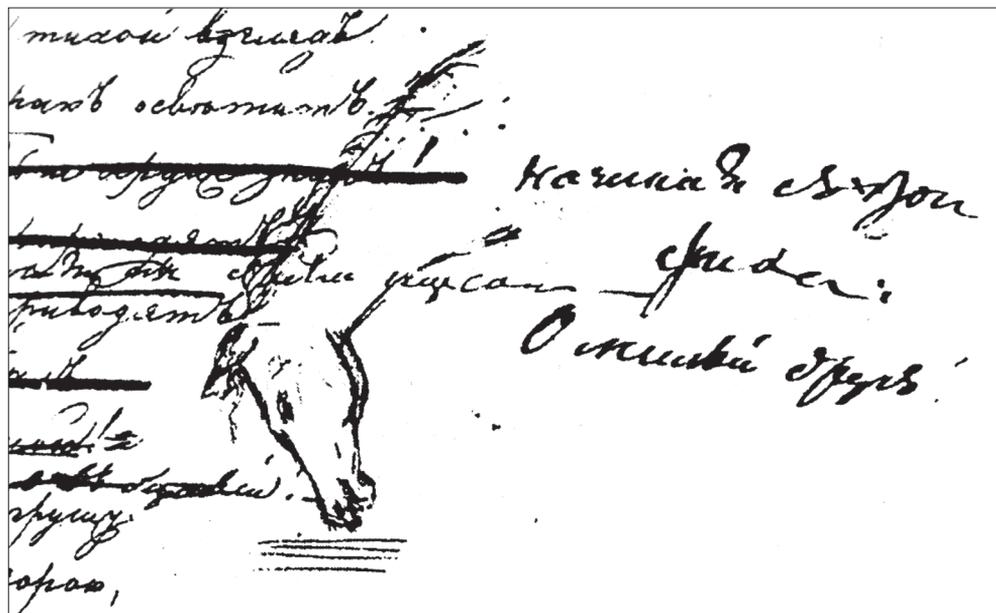

Рисунок конской головы в лицейской тетради

*Весёлый гость, любовник пылкий,
За чьё здоровье бьёшь бутылки?
Коня, красавицу и усов.*

На л. 33 поэт вновь набросал голову лошади в черновике стихотворения «Разлука»⁸, где говорится о страданиях покинутого любовника. Лошадь склонилась, видимо, к воде. Изображение расположено возле слов «О милый друг!», в окончательном варианте «О милая...»:

*О милая, повсюду ты со мною:
Но я уныл и втайне я грущу.
Блеснёт ли день за синею горою,
Взойдёт ли ночь с осеннею луною —
Я всё тебя, прелестный друг, ищу...*

На первый взгляд, рисунок не имеет отношения к стихотворению. Но если вспомнить, что лошадь может символизировать женскую красоту и любовное вожделение, всё становится ясным. Лошадиная голова на рисунке выглядит женственной.

В ранней поэме Пушкина «Монах» соблазняемый бесом отшельник Панкратий во сне

*В зелёный лес, как белоусый паж,
Как лёгкий конь, за девкою погнался.*

Позднее поэт будет не раз обращаться к эротической символике лошади, однако в лицейской тетради она скорее исключение, чем правило. И в стихах, и на рисунках конь — знак героической темы, символ мужества и воинской отваги⁹:

*Толпа наездников младых
В дубраве едет молчаливой,
Дрожат и пышут кони их,
Главой трясут нетерпеливой.*

Наездники. 1816

*Мой конь в ряды врагов орлом
Несётся с грозным седоком.*

Послание к Юдину. 1815

*Ретивы кони бранью пышут,
Усеян ратниками дол,
За строем строй течёт, все мезтью, славой дышат,
Восторг во грудь их перешёл.*

Воспоминания в Царском Селе. 1814

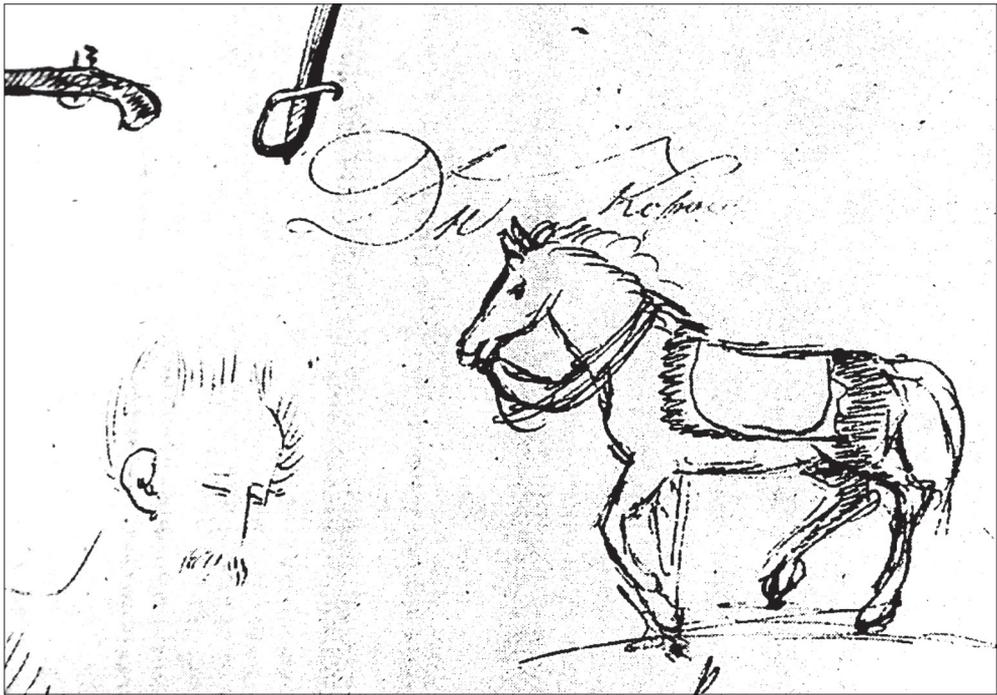

Рисунок коня и портрет гусара в лицейской тетради

В лицейской тетради юный Пушкин изобразил увитую цветами урну на холме, скорее всего, могильном. Над нею раскидистое дерево с висящей на ветке лирой. На обороте этого листа под черновиком неоконченной элегии «Позволь душе моей открыться пред тобою...» поэт нарисовал саблю, пистолет и коня без всадника¹⁰, покрытого попоной, набросал портрет гусара. Рисунки с текстом элегии прямо не связаны. С одной стороны, это своего рода иллюстрация к стихотворению В.А. Жуковского «Певец», где говорится о могиле поэта, а с другой стороны, возможно, какой-то новый замысел о гибели певца на дуэли или в схватке. Позднее он воплотится в «Евгении Онегине».

Образ коня без седока, бродящего около погибшего хозяина или одиноко скачущего с поля сражения, в творчестве Пушкина встречается неоднократно:

*Вкруг холма обходит друг сильного — конь;
В очах горделивых померкнул огонь,
Он бранную голову клонит.
Беспечным копытом бьёт камень долин*

*Расторгну цепь судьбы жестокой,
Влечу я с братьями в огонь,
Влечу грозой! — и одинокой
В долину выбежит мой конь.*

Наездники. 1816

Образ коня в поэзии часто ассоциируется с вольностью и свободой. Прекрасные зарисовки вольных лошадей, сделанные с удивительным мастерством, часто встречаются в пушкинских автографах¹¹.

В черновике «Кавказского пленника» Пушкин рисует осёдланную лошадь, скачущую без седока, около стихов:

*Свобода! он одной тебя
Ещё искал в пустынном мире.
Страстями чувства истребя,
Охолодев к мечтам и к лире,
С волненьем песни он внимал,
Одушевлённые тобою,
И с верой, пламенной мольбою
Твой гордый идол обнимал.*

В рукописи неоконченной поэмы «Тазит» есть зарисовка памятника Петру I в Петербурге, но без фигуры императора-реформатора. Так Пушкин ещё в 1829 году обозначил замысел поэмы «Медный всадник», но не только это. Исследовательница Л.А. Краваль отметила: «Думается, что конь со скалой, но без всадника — это Россия «без удерживающего». Поэтому на рисунке конь — это не «гордый конь», конь-огонь, а грациозная трепетная лошадка, цивилизованная, экипированная. Испуганная, зависшая над

Рисунок в черновике поэмы
«Тазит». 1829 г.

бездной; потому и раздавленный было змей поднял голову, потому и скала треснула»¹². В линии трещины, ассоциировав её с картой, Л.А. Краваль увидела очертания кавказского побережья Чёрного моря и Каспия и сделала интересный вывод: «Рисунок наглядно показывает, как мысль об усмирении беспокойных горских народов, о проповеди Евангелия на Кавказе из поэмы о черкесе-христианине Тазите переселилась в идею самодержавия «Медного всадника».

Идея уподобления государственного управления обузданию строптивых лошадей прозвучала у Пушкина в «Борисе Годунове». В сцене в царских палатах слова Басманова Годунову таковы:

*Всегда народ к смятенью тайно склонен:
Так борзый конь грызёт свои бразды;
На власть отца так отрок негодует;
Но что ж? конём спокойно всадник правит,
И отроком отец повелевает.*

В «Медном всаднике» конь — грозный, поднявшийся на дыбы — символизирует мощь обновлённой петровской России:

*Ужасен он в окрестной мгле!
Какая дума на челе!
Какая сила в нём сокрыта!
А в сём коне какой огонь!
Куда ты скачешь, гордый конь,
И где опустишь ты копыта?
О мощный властелин судьбы!
Не так ли ты над самой бездной
На высоте, уздой железной
Россию поднял на дыбы?*

По мнению А.А. Смирнова¹³, «в осёдланном Петром коне сходятся потоки энергии императора и бушующей стихии природы, которая превращается ещё в одного боевого коня, но уже подобного медному коню — «И тяжело Нева дышала, // Как с битвы прибежавший конь».

Образы Петра I на коне в «Медном всаднике» и «Полтаве» перекликаются:

*Выходит Пётр. Его глаза
Сияют. Лик его ужасен.
Движенья быстры. Он прекрасен,*

*Он весь как божия гроза.
Идёт. Ему коня подводят.
Ретив и смирен верный конь.
Почуя роковой огонь,
Дрожит. Глазами косо водит
И мчится в прахе боевом,
Гордясь могущим седоком.*

Смелое поведение боевых лошадей, которые во время битвы становятся соратниками воинов, явно привлекает поэта:

*Нетерпеливый конь кипит
И снег копытом мочным роет.*

Руслан и Людмила. Песнь пятая.
Сражение с Черномором

*Блистая в латах, как в огне,
Чудесный воин на коне
Грозой несётся, колет, рубит,
В ревущий рог, летая, трубит...
То был Руслан. Как божий гром,
Наш витязь пал на басурмана;
Он рыщет с карлой за седлом
Среди испуганного стана.
Где ни просвищет грозный меч,
Где конь сердитый ни промчится,
Везде главы слетают с плеч
И с воплем строй на строй валится...*

Руслан и Людмила. Песнь шестая.
Сражение с печенегами

Иначе ведут себя лошади, лишившиеся в схватке седока:

*Сражённый в нескольких шагах,
Младой казак в крови валялся,
А конь, весь в пене и пыли,
Почуя волю, дико мчался,
Скрываясь в огненной дали.*

Полтава

Трусливых седоков лошади в сражении не слушаются, сбрасывая их. Таков итог поединка героев поэмы «Руслан и Людмила» Фарлафа с Рогдаем, когда спасающийся бегством Фарлаф оказывается во рву:

*Ко рву примчался конь ретивый,
Взмахнул хвостом и белой гривой,
Бразды стальные закусил
И через ров перескочил;
Но робкий всадник вверх ногами
Свалился тяжко в грязный ров,
Земли не взвидел с небесами
И смерть принять уж был готов.*

Руслан и Людмила. Песнь вторая

Такое поведение Пушкин пародирует в «Евгении Онегине» (глава VI, строфа V), отдавая должное «геройству» Зарецкого во время Отечественной войны 1812 года:

*И то сказать, что и в сраженье
Раз в настоящем упоенье
Он отличился, смело в грязь
С коня калмыцкого сваясь,
Как зюзя пьяный, и французам
Достался в плен: драгой залог!*

Неоднократно в произведениях Пушкина описывается пугливое, тревожное поведение лошадей при виде мертвецов:

*Зарецкий бережно кладёт
На сани труп оледенелый;
Домой везёт он страшный клад.
Почуя мёртвого, храпят
И бьются кони, пеной белой
Стальные мочат удила,
И полетели как стрела.*

Евгений Онегин. Глава VI. Строфа XXXV

Подобно ведут себя лошади в стихотворениях «Какая ночь, мороз трескучий...» и «Альфонс садится на коня...». Пугаются кони не только мертвецов, но и бесов. Наиболее ярко это отражено в известном стихотворении «Бесы».

Иногда образ лошади связан у Пушкина с нечистой силой. Герой стихотворения «Гусар» попадает вслед за своей прелестной сожительницей Марусенькой на шабаш ведьм. Марусенька велит своему незадачливому любовнику возвращаться домой, пока цел, и предлагает кочергу в качестве транспортного средства. Гусар не соглашается:

*Коня! — На, дурень, вот и конь. —
И точно, конь передо мною.*

Автоиллюстрация к стихотворению «Гусар». 1833 г.

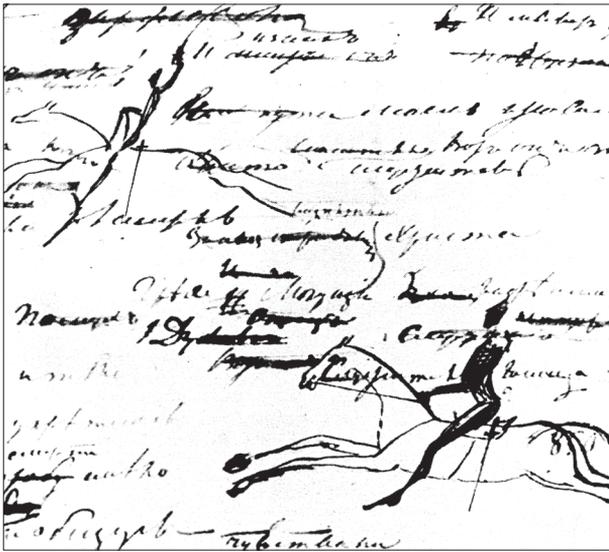
*Скребёт копытом, весь огонь,
Дугою шея, хвост трубою.*

*— Садись. — Вот сел я на коня,
Ищу уздечки, — нет уздечки.
Как взвился, как понёс меня —
И очутились мы у печки.*

*Гляжу: всё так же, сам же я
Сижу верхом, и подо мною
Не конь, а старая скамья:
Вот что случается порою...*

Оригинальна автоиллюстрация в черновике этого стихотворения: гусар, мчащийся на коне, в окружении ведьм на метлах и прочей нечисти.

Рисунки, запечатлевшие творческие замыслы поэта ещё до их воплощения в слове, в пушкинских рукописях встречаются довольно часто. Среди них есть зарисовки лошадей и всадников. Один из примеров — упомянутый выше рису-

Рисунки палладинов на конях
в черновике поэмы «Полтава». 1828 г.

избравшем дамой сердца Пресвятую Богородицу. При виде рисунков вспоминаются строки:

*Между тем как палadini
Встречу трепетным врагам
По равнинам Палестины
Мчались, именуя дам,*

*Lumen coelum, sancta Rosa!¹⁵
Восклищал всех громче он,
И гнала его угроза
Мусульман со всех сторон.*

Толкование этих рисунков неоднозначно. Так, Л.А. Краваль¹⁶ увидела сходство более крупно нарисованного поэтом рыцаря, сидящего на коне в статичной позе с гордой осанкой, с силуэтом императора Николая I, которого называли «рыцарем Европы», по словам Генриха Гейне. Рисунок, по мнению исследовательницы, свидетельствует о напряжённом ожидании Пушкиным решения царя по делу о богохульной поэме «Гавриилиада». Нам же представляется, что эти рисунки поэта имеют отношение не только к стихотворению «Жил на свете рыцарь бедный...», но и к картинам Полтавского сражения, описание которых находится на л. 61–68 той же тетради. Русские кавалеристы, защищая своё отечество и свою

нок в черновиках «Тазита». Другой яркий пример — два наброска быстро мчащегося паладина в черновике «Полтавы». К сочиняемым в этот момент строкам о допросе Кочубея в тюремной камере Орликом рисунки явно не имеют отношения. Они, по определению Т.Г. Цявловской¹⁴, относятся к замыслу стихотворения «Жил на свете рыцарь бедный...» — о паладине,

веру, разили воинов Карла XII и Мазепы подобно тому, как средневековые рыцари бились с мусульманами.

Великий поэт в своих тетрадях рисует лошадей гораздо чаще, чем любых других животных. В дополнительном 18-м томе собрания сочинений, выпущенного издательством «Воскресение» к 200-летию со дня рождения А.С. Пушкина, опубликовано более 400 рисунков. Лошади изображены на 35 из них, кошки — на 10, собаки — на 3, змеи — на 3.

Особенно оригинален рисунок в черновике 8-го письма «Романа в письмах». Это «поясное» изображение лошади в боливаре и сюртуке, которое повернуто на 180 градусов по отношению к тексту и поэтому почти наверняка отношения к его содержанию не имеет. Рисунок мог появиться как раньше, так и позже текста: Пушкин иногда заполнял свои тетради в разных направлениях, используя одни и те же листы несколько раз. Вид у нарисованной лошади, на наш взгляд, явно басенный. Возможно, это графическое воплощение размышлений поэта над каким-либо сатирическим произведением: например, над известной басней И.И. Хемницера «Конь верховый», где гордый своим убором и положением конь хвастается ими перед рабочей клячей. А может быть, это дружеский шарж на кого-то из знакомцев поэта, любивших пощеголять и пофлиртовать: взгляд лошади как бы искоса и кудряшки, кокетливо выбивающиеся из-под боливара, наводят на эту мысль.

Лошадь в боливаре. Рисунок в черновике «Романа в письмах». 1829 г.

Мистические свойства лошадей

У Пушкина есть произведения, где лошадь — в числе главных героев. Это, прежде всего, «Песнь о вещем Олеге», сюжет которой заимствован из «Истории государства Российского» Карамзина. Пушкин опоэтизировал предание о гибели князя Олега от укуса змеи, выползшей из черепа его любимого коня. Поэт писал по поводу этого стихотворения А.А. Бестужеву в конце января 1825 года из сельца Михайловского: *«Товарищеская любовь старого князя к своему коню и заботливость о его судьбе есть черта трогательного простодушия, да и происшествие само по себе в своей простоте имеет много поэтического»*¹⁷. Иллюстрацией такого отношения служат сцена прощания князя с конём после предсказания кудесника о гибели от него и сцена возле костей умершего коня:

*«Прощай, мой товарищ, мой верный слуга,
Расстаться настало нам время;
Теперь отдыхай! Уж не ступит нога
В твоё позлащённое стремя...»*

<...>

*Князь тихо на череп коня наступил
И молвил: «Спи друг одинокой!
Твой старый хозяин тебя пережил:
На тризне, уже недалёкой,
Не ты под секирой ковыль обагришь
И жаркою кровью мой прах напоишь!..»*¹⁸

В этом стихотворении конь верный, любимый, ретивый, бурный, игривый, лёгкий на бег. Поэт перечислил те качества, которые сам ценил в лошадях.

Конь — главный герой последней из 16 «Песен западных славян»:

*«Что ты ржёшь, мой конь ретивый,
Что ты шею опустил,
Не потряхиваешь гривой,
Не грызёшь своих удил?..»*

Верный конь предвидит скорую гибель хозяина в схватке с врагом, потому и печален:

*«... Что уж скоро враг суровый
Сбрую всю мою возьмёт
И серебряны подковы
С лёгких ног моих сдерёт;*

Оттого мой дух и ноет,
Что наместо чепрака
Кожей он твоей покроет
Мне вспотевшие бока».

Здесь отражено поверье о мистических способностях лошадей предвидеть события, влиять на судьбу. Следы этого поверья прослеживаются в нескольких произведениях Пушкина. В первой песни «Руслана и Людмилы» Фарлаф и Рогдай вверяют свою судьбу коням:

«Разъедемся, пора! — сказали, —
Безвестной вверимся судьбе».
И каждый конь, не чуя стали,
По воле путь избрал себе.

В «Повестях Белкина» вполне естественное, на первый взгляд, поведение лошадей становится судьбоносным. В повести «Выстрел» упрямяство лошади задержало жену графа на прогулке, что дало возможность графу и Сильвио объясниться наедине: «Однажды вечером ездили мы вместе верхом; лошадь у жены что-то заупрямилась; она испугалась, отдала мне поводья и пошла пешком домой; я поехал вперёд...» В «Барышней-крестьянке» есть похожая ситуация: «...Лошадь Муромского, не бывавшая никогда

Рисунок лошадей в поэме «Езерский». 1832–1833 гг.

на охоте, испугалась и понесла. Муромский, провозгласивший себя отличным наездником, дал ей волю и внутренне доволен был случаем, избавляющим его от неприятного собеседника. Но лошадь, доскакав до оврага, прежде ею не замеченного, вдруг кинулась в сторону, и Муромский не усидел. Упав довольно тяжело на мёрзлую землю, лежал он, прокли-

ная свою кобылу, которая тотчас остановилась, как только почувствовала себя без седока...» Этот эпизод привёл к примирению между Муромским и Берестовым, что и предопределило счастливый конец всей повести. В «Метели» заплутавшая во время бурана лошадь ненароком увезла Владимира подальше от церкви села Жадрино, где его ждала невеста, которая из-за этого негаданно обвенчалась с Бурминым, что круто изменило судьбы главных героев.

Неслучайно бег лошади символизирует ход времени, судьбу человека. Эту символику Пушкин использует в стихотворении «Телега жизни» (1823):

*Хоть тяжело подчас в ней бремя,
Телега на ходу легка;
Ямщик лихой, седое время,
Везёт, не слезет с облучка...*

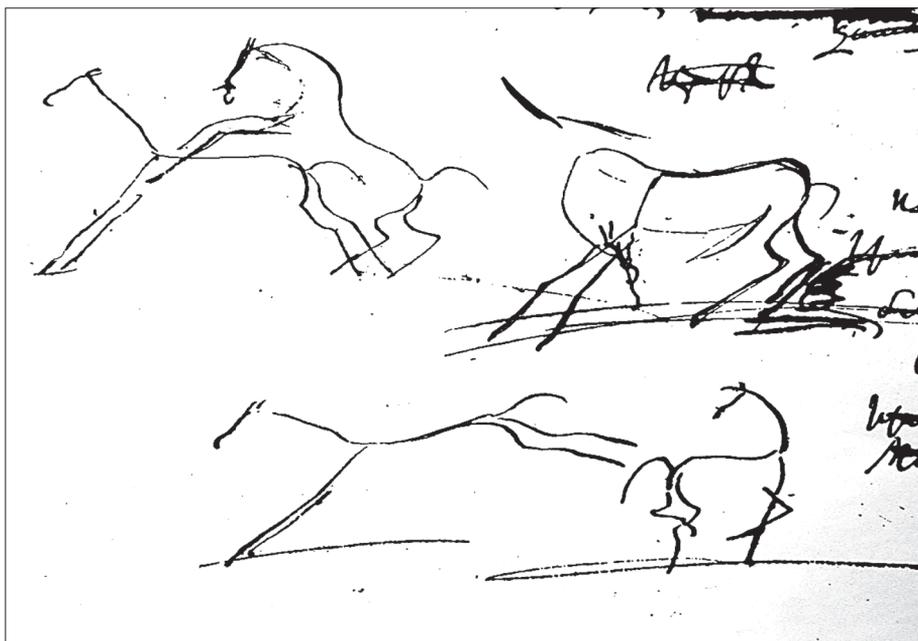
В последнем четверостишии говорится о старости, сменившей бурную юность и умеренную зрелость:

*Катит по-прежнему телега,
Под вечер мы привыкли к ней
И дремля едем до ночлега —
А время гонит лошадей.*

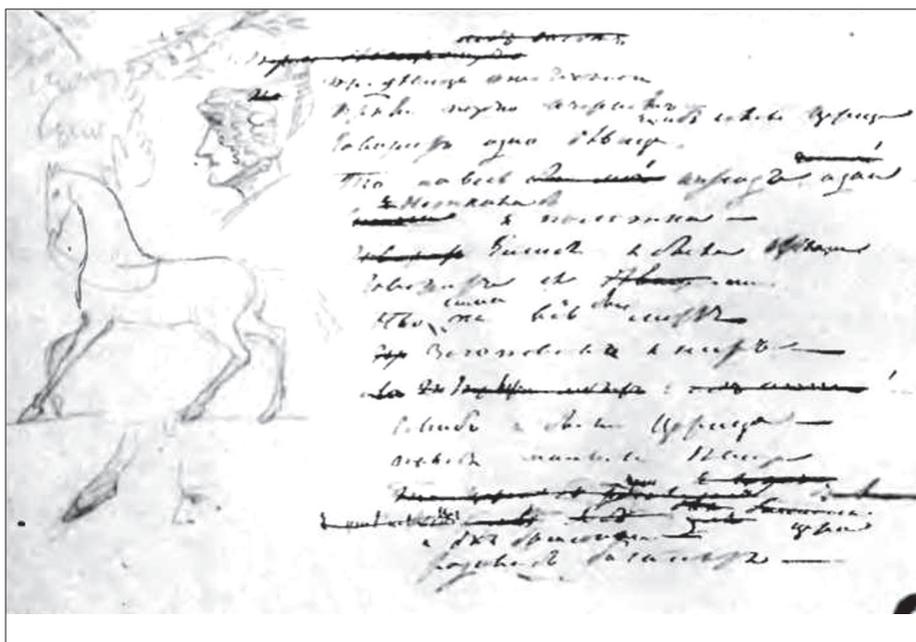
Лошади и всадницы

Отдаёт должное поэт и символике лошади, связанной с женской грацией, красотой и эротикой. В стихотворении «Подражание Анакреону» в образе молодой необъезженной кобылицы узнаваема Анна Оленина — девушка, в которую Пушкин был серьёзно влюблён весной–осенью 1828 года и на которой собирался жениться:

*Кобылица молодая,
Честь кавказского тавра,
Что ты мчишься, удалая?
И тебе пришла пора;
Не косись пугливым оком,
Ног на воздух не мечи,
В поле гладком и широком
Своенравно не скачи.
Погоди; тебя заставлю
Я смириться подо мной:*

Рисунки лошадей в черновике поэмы «Полтава». 1828 г.

Лошадь, женский профиль, ножка
в наброске начала «Сказки о царе Салтане...». 1828 г.

*В мерный круг твой бег направлю
Укороченной уздой.*

Красивая, миниатюрная, грациозная, но при этом ещё и умная, острая на язычок, Оленина была умелой наездницей. Поэт мог видеть её мастерство на кавалькаде в имении Приютино, где не раз гостил у Олениных весной и летом 1828 года. Интересно, что в автографе процитированного выше стихотворения (ПД № 838. Л. 16) Пушкин сделал удивительно динамичные наброски своенравных кобылиц, мечущих ноги на воздух, резво скачущих. Их фигурки заключают в полукруг последнее четверостишие стихотворения, чем и примечательна эта автоиллюстрация.

Рисунки кобылиц появляются вновь в той же тетради (Л. 52, 62) в черновиках поэмы «Полтава». Рядом с описанием начала Полтавского сражения Пушкин набросал даже сцену любви лошадей. К самому тексту рисунки прямого отношения не имеют, зато прослеживается их связь со стихотворением «Кобылица молодая». В рисунках воплотились несбыточные мечты поэта о женитьбе на Анне Олениной, чьи портреты, инициалы и анаграммы часто встречаются в черновиках «Полтавы».

Мечты о женитьбе находят графическое воплощение также в предварительном черновом наброске начала «Сказки о царе Салтане...» (ПД № 838. Л. 16 об.), относящемся к июню 1828 года. Рядом с текстом о трёх девицах и выборе царём невесты начертан профильный портрет Анны Олениной (по определению А.М. Эфроса), рядом левее растительные виньетки, ниже карандашом нарисована стройная лошадка без седока, а ещё ниже — дамская ножка в бальной туфельке.

Изящными набросками кобылиц поэт покрывает страницу альбома Елизаветы Николаевны Ушаковой (ПД № 1723. Л. 76). Скорее всего, эти рисунки он сделал в сентябре 1829 года после возвращения из Арзрума: почти рядом (Л. 74 об.) в альбоме находится известный автопортрет поэта на коне в бурке. Во время своего путешествия Пушкин видел табуны кобылиц в Калмыкии, бродящие по тучным пастбищам. Но, думается, это только натолкнуло его на идею рисунка. По аналогии с более ранними набросками можно предположить, что так выражена мечта поэта о женитьбе, но уже не на Олениной, а на Наталье Николаевне Гончаровой, которая, кстати, тоже была прекрасной наездницей.

Рисунки кобылиц в альбоме Ел. Н. Ушаковой. 1829 г.

Крылатый конь Пегас

Немало у Пушкина стихов, где речь идёт о совсем других наездниках — седоках мифического крылатого коня Пегаса. В основном это сатирические произведения. В начале ранней поэмы «Монах» (1813) юный Пушкин обращается к Вольтеру:

*Вольтер! Султан французского Парнаса,
Я не хочу седлать коня Пегаса,
Я не хочу из муз наделать дам,
Но дай лишь мне твою золотую лиру,
Я буду с ней всему известен миру.*

В первом своём опубликованном стихотворении «К другу стихотворцу», обращаясь, вероятно, к Кюхельбекеру, Пушкин писал:

*Арист! и ты в толпе служителей Парнаса!
Ты хочешь оседлать упрямого Пегаса;
За лаврами спешишь опасною стезёй
И с строгой критикой вступаешь смело в бой.*

В нескольких произведениях лицейского периода Пушкин высмеивает под именами Свистова, Хлыстова и Графо-

ва известного графомана графа Дмитрия Хвостова, который по ночам писал «трёхстопный вздор»:

*Так пишет (молвить не в укор)
Конюший дряхлого Пегаса
Свистов, Хлыстов или Графов,
Служитель отставной Парнаса,
Родитель стареньких стихов...
Моему Аристарху. 1815*

*О ты, высот Парнаса
Боярин небольшой,
Но пылкого Пегаса
Наездник удалой!
Городок. 1815*

Дистанцируясь от пресловутого Хвостова, о своём творчестве поэт писал так:

*Но сон мой тих! беспечный сын Парнаса,
В ночной тиши я с рифмою не бьюсь,
Не вижу век ни Феба, ни Пегаса,
Ни старый двор каких-то старых муз.
Сон. 1816*

Совсем в ином тоне выдержано послание к В.Л. Пушкину, сочинённое в том же 1816 году. В нём искрящийся тонким юмором комплимент любимому дяде-стихотворцу:

*Я не совсем ещё рассудок потерял
От рифм бахических, шатаюсь на Пегасе,
Я не забыл себя, хоть рад, хотя не рад.
Нет, нет — вы мне совсем не брат;
Вы дядя мне и на Парнасе.*

В последующие годы к образу Пегаса Пушкин обращается реже, чем в лицейский период. В 1822 году в «Послании цензору» поэт писал о распространявшихся в обход цензуры списках вольнолюбивых стихов:

*Парнас не монастырь и не гарем печальный,
И право никогда искусный коновал
Излишней пылкости Пегаса не лишал...*

Старый и беззубый «парнасский иноходец» Пегас упоминается в поэме «Домик в Коломне», первые 8 октав которой посвящены «подводным камням» поэтического творчества:

*... Пегас
Стар, зуб уж нет. Им вырытый колодец*

*Иссох. Порос крапивою Парнас;
В отставке Феб живёт, а хороводец
Старушек муз уж не прельщает нас.
И табор свой с классических вершинок
Перенесли мы на толкучий рынок.*

В последний раз Пушкин упоминает Пегаса в 1836 году в стихотворении, обращённом к Денису Давыдову при дарении ему «Истории Пугачёвского бунта».

Ослы, лошаки и мулы

Не обошёл вниманием великий поэт и ближайших родственников лошадей. Ослов он упоминает 9 раз в различных смыслах, ослиц — 3 раза, лошаков и мулов — по 2 раза. Как вьючные животные, распространённые в южных регионах и странах, все они встречаются в эпизодах, описанных в «Путешествии в Арзрум» и в «Записках бригадира Морозе-Бразе». Пожалуй, наиболее яркими являются строки из поэмы «Цыганы» в сцене отъезда табора:

*Ослы в перекидных корзинах
Детей играющих везут...*

Ранняя поэма «Монах» завершается ироническим нравоучением старику монаху, который перехитрил соблазнявшего его беса Молока, оседлал и собрался скакать на нём в Иерусалим:

*Лети, спеши в священный град востока,
Но помни то, что не на лошака
Ты возложил свои почтенны ноги.
Держись, держись всегда прямой дороги,
Ведь в мрачный ад дорога широка.*

В неоконченной поэме «Езерский» Пушкин выражает сожаление по поводу упадка дворянских родов, запустения дворянских усадеб и возвышения купечества и мещанства, используя символику животных — льва и осла:

*Мне жаль...
<...>
Что геральдического льва
Демократическим копытом
У нас лягает и осёл:
Дух века вот куда зашёл!*

Ключом к пониманию этих строк служит их ранняя редакция:

*Мне жаль, что шайка торгашей
Лягает в плоских эпиграммах
Святую нашу старину...*

В нескольких эпиграммах поэта слово «осёл» употребляется в переносном смысле «глупец». А как басенное животное осёл присутствует в стихотворении «Верное предсказание» из цикла «Нравоучительные четверостишия», сочинённого Н.М. Языковым и А.С. Пушкиным в 1826 году.

Интересный эпизод из жизни великого поэта связан с известной басней И.А. Крылова «Осёл и мужик». В 1819 году Пушкин впервые встретился с юной Анной Петровной Керн в петербургском салоне Алексея Николаевича и Елизаветы Марковны Олениных. Поэт сразу увлёкся прелестной Анной, а она поначалу даже не заметила его, поскольку была увлечена декламацией Крыловым вышеупомянутой басни: «...Он сел на стул посередине залы; мы все столпились вокруг него, и я никогда не забуду, как он был хорош, читая своего «Осла»! И теперь ещё мне слышится его голос и видится его разумное лицо и комическое выражение, с которым он произнёс: «Осёл был самых честных правил!» В чаду такого очарования мудрено было видеть кого бы то ни было, кроме виновника поэтического наслаждения, и вот почему я не заметила Пушкина...»¹⁹

Эта встреча впоследствии вдохновила поэта на шедевр «Я помню чудное мгновенье...», а процитированная А.П. Керн в «Воспоминаниях о Пушкине» строка из басни «Осёл и мужик» отчасти использована в I строфе I главы романа «Евгений Онегин»: «Мой дядя самых честных правил...» Думается, заимствование не случайно, оно указывает на знакомство главного героя с русской литературой, и в частности с творчеством И.А. Крылова.

Символическим является образ «верной ослицы» в IX части стихотворения «Подражания Корану», представляющего собой вольное поэтическое переложение некоторых священных мусульманских текстов. Сюжет IX части воспринимается как притча и имеет лишь отдалённую переключку с сурой 2 Корана. Заблудившийся в пустыне человек изнемог от жары и возроптал на Бога. Но Бог послал ему спасение в виде оазиса с пальмой и кладезем. Утоливший жажду чело-

век засыпает в оазисе «близ верной ослицы», просыпается через много лет стариком у засыпанного песком колодца, истлевшей пальмы и костей ослицы. Он горько рыдает, понимая, что жизнь прошла напрасно. Однако Бог милует его, возвращает молодость и воскрешает оазис и ослицу:

*И ветхие кости ослицы встают,
И телом оделись, и рёв издают;
И чувствует путник и силу, и радость;
В крови заиграла воскресшая младость;
Святые восторги наполнили грудь:
И с богом он дале пускается в путь.*

Как и в священных текстах, здесь все основные образы символичны: «Пустыня — символ жизни человека, не обременяющего себя заботой о ближнем, думающего только о себе, ослеплённого тщеславием или эгоизмом. Кладезь — символ того, что принято называть «дарами божьими»: то, ради чего стоит жить, в чём человек может черпать жизненные силы (вера, труд, любовь). Пальма — символ защиты человека от неприятностей (может быть, родители, товарищи, старшие). Ослица — символ верного спутника человека (друга, жены, сестры, матери), который служит ему, помогает во всём, ничего не требуя взамен, и человек, привыкнув, перестаёт замечать и ценить своего безропотного помощника»²⁰.

* * *

Итак, образы лошади, коня, кобылицы проходят через всё литературное творчество Пушкина. Эти образы важны для понимания и восприятия его произведений, хотя и редко являются в них ключевыми, как в стихах «Песнь о вещем Олеге» и «Конь» (из цикла «Песни западных славян»). Лошади и их ближайшие сородичи упоминаются Пушкиным и как участники происходящих событий, и просто в качестве гужевого транспорта, и в разных символических значениях, чаще как верные спутники человека. Изящные, красивые, динамичные изображения лошадей, с любовью начертанные рукой великого поэта, покрывают страницы многих его рукописей, являясь то автоиллюстрациями, то выражением жизненных устремлений, творческих замыслов и впечатлений от пережитого и увиденного им.

Ссылки и комментарии

¹ Все произведения А.С. Пушкина здесь и ниже цитируются по изданию: *Пушкин А.С. Полное собрание сочинений*: в 10 т. — М.–Л.: Издательство АН СССР, 1949.

² Сценой псовой охоты начинается поэма А.С. Пушкина «Граф Нулин». На титульном листе автографа поэмы (ПД № 74. Л. 2) поэт нарисовал иллюстрацию — всадник, скачущий на коне, впереди которого бежит собака. Здесь и далее даются ссылки на автографы произведений А.С. Пушкина в его рабочих тетрадах и на отдельных листах согласно обозначениям Рукописного отдела Института русской литературы РАН (Пушкинского Дома) с указанием номера единицы хранения, номера листа и оборота (об.), если текст или рисунок на оборотной стороне. Обозначение ПД формально означает: РО ИРЛИ РАН. Фонд 244. Описание 1.

³ *Языков Н.М. Собрание стихотворений*. — М.: Советский писатель, 1948.

⁴ Аргмак — дорогая лошадь арабской породы.

⁵ Альбом Елизаветы Николаевны Ушаковой. Факсимильное воспроизведение. — М.: Logos, 1999.

⁶ Портрет определён Л.Ф. Карцелли. См.: *Карцелли Л.Ф. Мир Пушкина в его рисунках*. — М.: Московский рабочий, 1988. — С. 29–38.

⁷ *Словарь языка Пушкина*: в 4 т. — М.: Азбуковник, 2000.

⁸ Этот рисунок и ряд других воспроизводятся по изданию: *Денисенко С.В., Фомичёв С.А. Пушкин рисует. Графика Пушкина*. — СПб.: Нотабене; Туманов и К°, 2001.

⁹ Это отметили в своей книге С.В. Денисенко и С.А. Фомичёв (см. примеч. 8).

¹⁰ Осёдланные лошади без всадников не раз встречаются в автографах Пушкина. Двух таких коней на фоне гор и воткнутое в землю копьё Пушкин изобразил на листе приходно–расходной книги Е.Н. Вревской (ПД № 805. Л. 6 об.), когда приезжал в её имение Голубово в начале октября 1835 года. Л.А. Краваль, считая, что один из портретов на этом листе — изображение М.Ю. Лермонтова, связывает рисунки с поэмой последнего «Хаджи Абрек», опубликованной в журнале «Библиотека для чтения» за август 1835 года.

¹¹ Ряд рисунков, использованных в данной работе, воспроизведён по книге: *Эфрос А.М. Рисунки поэта*. — М.: Academia, 1933. Учтены также приведённые в этой книге комментарии.

¹² *Краваль Л.А. Рисунки Пушкина как графический дневник*. — М.: Наследие, 1997. — С. 45–46.

¹³ *Смирнов А.А. Союз коня и всадника в поэзии Пушкина // Отечественная война 1812 года в Подмоскowie. Отечественная война*

1812 г. и А.С. Пушкин. Материалы международной научной конференции 6–7 октября 2012 г. — М.: Мелихово, 2012. — С. 153–162.

¹⁴ Цявловская Т.Г. Рисунки Пушкина. — М.: Искусство, 1983. — С. 74–76.

¹⁵ Свет небес, святая роза (лат.).

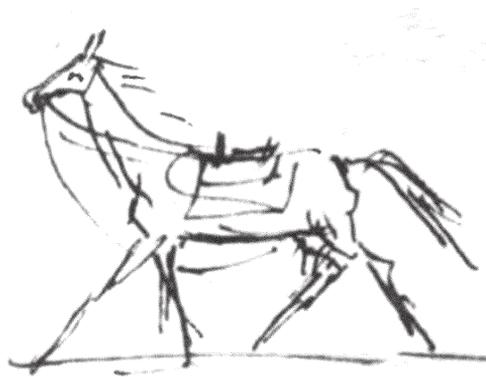
¹⁶ Краваль Л.А. Рисунки Пушкина как графический дневник. С. 68.

¹⁷ Подобным образом относится к своему смертельно раненному в сражении коню и Лжедмитрий («Борис Годунов». Сцена в лесу): жалует его, пытается облегчить смерть. При этом Самозванец совершенно равнодушен к гибели людей.

¹⁸ Речь идёт о славянском обычае приносить в жертву коня на могиле хозяина и хоронить вместе с ним, чтобы конь служил ему в загробном мире.

¹⁹ Керн А.П. Воспоминания. Дневники. Переписка. — М.: Правда, 1989. — С. 26.

²⁰ Меденцева Н.П. Стилистические особенности и философская проблематика в стихотворении А.С. Пушкина «Подражание Корану» // Филология и лингвистика. — 2017. — № 1. — С. 34–35.

«Пёс за ней бежит, ласкаясь...»

Представители семейства собачьих — собаки, волки, лисы — являются частыми «гостями» на страницах пушкинских произведений и писем. Поэт упоминает их 147 раз¹.

Пушкин любил собак, обожал с ними заниматься. Вот что писал его близкий друг С.А. Соболевский: «...я показал товарищу дом Ринкевича (ныне Левенталя), в котором жила я, а у меня Пушкин <...> Вот где стояла кровать его, на которой подле него родила моя датская сука², с детьми которой он так нежно возился и нянчился впоследствии...»³ Письмо А.Н. Раевского от 24 августа 1824 года, адресованное А.С. Пушкину, свидетельствует о том, что у поэта была трость с собачьей головкой. Эту трость он подарил дочке одной из своих добрых знакомых: «...её прелестная дочка вспоминает о вас, она часто говорит со мной о сумасбродном г-не Пушкине и о тросточке с собачьей головкой, которую вы подарили ей»⁴.

Собаки сопровождали А.С. Пушкина по жизни с раннего детства. У его сестры Ольги была моська, которую поэт воспел в лицейском стихотворении «К сестре»⁵ (1814):

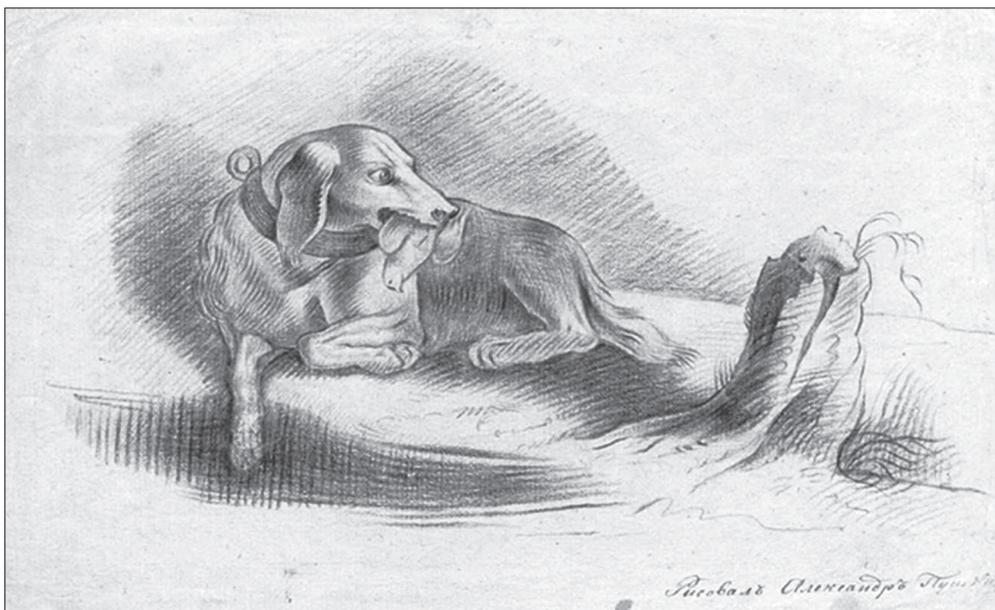
*Иль моську престарелу,
В подушках поседу,
Окутав в длинну шаль
И с нежностью лелея,
Ты к ней зовёшь Морфея?*

В 1821 году собачки уже не было в живых, судя по тому, что 21 июля поэт писал сестре из Кишинёва: «Какие у тебя любимые собаки? Забыла ли ты трагическую смерть Омфалы и Биззаро?»⁶ Неизвестно, погибли эти собаки или их естественная смерть воспринималась в семье как трагедия.

Рисунки собак

Сохранился рисунок Пушкина, выполненный в академической манере во время учёбы в Царскосельском лицее. Юный поэт изобразил охотничью собаку, скорее всего легавую, с птичкой в зубах.

В октябре 1826 года подобную собаку Пушкин нарисовал на полях черновой рукописи «Евгения Онегина»⁷. Тогда поэт

Собака с птичкой в зубах. Учебный рисунок А.С. Пушкина

жил в Михайловском, где имелась небольшая псарня, или «собарня», как говорили местные жители.

Анна Петровна Керн вспоминала, что Александр Сергеевич пешком приходил в гости в Тригорское с тяжёлой железной тростью в руках и двумя крупными дворовыми псами — волкодавами⁸. Однако в рукописи он изобразил не волкодава, а охотничью собаку в ошейнике, может быть, Руслана — красного ирландского сеттера, названного в честь главного героя поэмы «Руслан и Людмила».

Этот пёс верой и правдой служил Сергею Львовичу Пушкину и весной 1824 года удостоился быть изображённым со своим хозяином на портрете, который написал художник Карл Гампельн.

В первой половине лета 1833 года престарелый Руслан умер. Опечаленный Сергей Львович похоронил любимую собаку в Михайловском, в саду под раскидистой

Собака.
Рисунок в рукописи
«Евгения Онегина».
1825 г.

берёзой. Поставить памятник он не решился, опасаясь обвинения в язычестве со стороны соседей. И Сергей Львович, и его дочь Ольга Сергеевна Павлицева сочинили стихотворные эпитафии верному четвероногому другу.

Конечно, скорбел по нему и Александр Сергеевич. В том же 1833 году в Болдине, сочиняя «Сказку о мёртвой царевне и о семи богатырях», поэт нарисовал на листе⁹ выразитель-

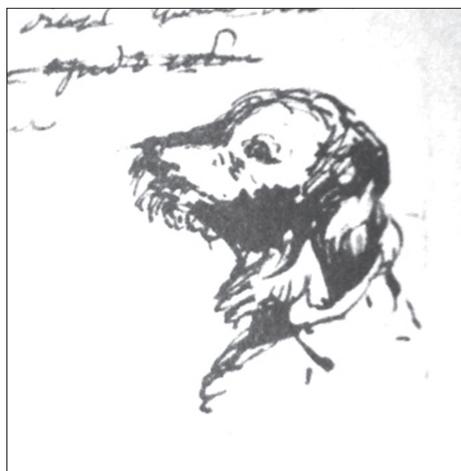
Портрет С.Л. Пушкина с собакой.
Художник К.К. Гампельн. 1824 г.

ный портрет собаки, внешне похожей на Руслана, каким он изображён на портрете С.Л. Пушкина. Этот лист представляет собой черновик текста, который в окончательном варианте таков:

*И к царевне наливное,
Молодое, золотое
Прямо яблочко летит...
Пёс как прыгнет, завизжит...
Но царевна в обе руки
Хватъ — поймала. «Ради скуки,
Кушай яблочко, мой свет.
Благодарствуй за обед», —
Старушоночка сказала,
Поклонилась и пропала...
И с царевной на крыльцо
Пёс бежит и ей в лицо
Жалко смотрит, грозно воет,
Словно сердце пёсье ноет,
Словно хочет ей сказать:
Брось! — Она его ласкать,
Треплет нежною рукою;
«Что, Соколко, что с тобою?
Ляг!» — и в комнату вошла,
Дверь тихонько заперла...*

Здесь единственный раз упомянуто имя собаки Соколка, причём в звательном падеже (с окончанием на «о»), характерном для древнерусского языка. Хотя этот падеж вышел из употребления задолго до пушкинской эпохи, великий поэт иногда использовал его в сказках.

Изображение собаки на полях черновика — это авторская иллюстрация к стихам. Важно отметить, что Соколка — единственный пёс, которого в полной мере можно назвать героем произведения

Собака (автопортрет в образе собаки?) в рукописи «Сказки о мёртвой царевне...». 1833 г.

А.С. Пушкина. Он первым встречает прекрасную царевну у терема богатырей и сразу признаёт в ней хозяйку:

*Ей навстречу пёс, залая,
Прибежал и смолк, играя;
В ворота вошла она,
На подворье тишина.*

Пёс бежит за ней, ласкаясь...

Выполняя свои собачьи обязанности, Соколка всеми силами стремится уберечь царевну от злой старухи, не дать ей съесть отравленное яблоко, а когда беда случается, врывается в комнату хозяйки вместе с богатырями:

*Входят, ахнули. Вбежав,
Пёс на яблоко стремглав
С лаем кинулся, озлился,
Проглотил его, свалился
И издох...*

Глаз собаки на рисунке Пушкина очень выразительный, почти человеческий, над ним словно бровь выведена. Нос удлинённый, лоб по внешней линии довольно плоский, как у сеттера Руслана, а по внутренней — округлый, похожий на высокий человеческий лоб. Внизу морды затемнение, сходное с бакенбардами... Не себя ли нарисовал поэт в образе собаки? Почему бы и нет! Ведь ранее изобразил же Пушкин свой профиль в виде лошадиного в автографе стихотворения «Андрей Шень»¹⁰.

Автопортрет в образе собаки.
Рисунок А.С. Пушкина в рукописи
«Сказки о мёртвой царевне...». 1833 г.

Ниже в рукописи «Сказки о мёртвой царевне...» расположен рисунок, ещё больше похожий на автопортрет поэта в собачьем образе. Два изображения представляют собой как бы разные степени перевоплощения автора в персонажа-животного. Сочиняя стихи, поэт вполне мог мысленно перевоплощаться в любых своих героев, в том числе в собаку, да и в жизни порой был не прочь примерить собачий образ. 14 сентября 1833 года А.С. Пушкин писал жене о своём неудачном выезде из Симбирска, когда в силу сложившихся обстоятельств вынужден был вернуться и потом выехать в Оренбург другим путём. Неудачу суеверный поэт связывал с тем, что заяц перебежал ему дорогу, и писал: *«Дорого бы дал я, чтоб быть борзой собакой; уж этого зайца я бы отыскал».*

Сравнения с собакой иногда встречаются в произведениях и письмах Пушкина. Так, в стихотворении «Влах в Венеции» из цикла «Песни западных славян» есть стих: *«Я неволен, как на привязи собака»*¹¹. В середине ноября 1828 года в письме А.А. Дельвигу из деревеньки Малинники А.С. Пушкин с иронией писал: *«Соседи ездят смотреть на меня, как на собаку Мунито...»* Большой королевский пудель Мунито, серебристо-серого окраса, в то время с неописуемым успехом выступал в цирковых представлениях в Карлсбаде и прославился благодаря своей необыкновенной смышлёности. Публика толпами ходила на эти представления, лишь бы только увидеть знаменитого пса. Его впоследствии ждала завидная судьба: за большие деньги пуделя выкупил у хозяина российский посланник в Вене Д.П. Татищев и, вернувшись на родину, подарил императору Николаю Павловичу. Царь, переименовавший красавца пса в Гусара, души в нём не чаял. Пудель даже выполнял некоторые обязанности камердинера: по команде хозяина подбегал к тому человеку, которого нужно было вызвать на аудиенцию, и начинал тербить за одежду. Все знали, что это означает. Когда Гусар умер в глубоко старческом для собаки возрасте, император с почестями похоронил его в Царском Селе, в государевом саду, и вскоре поставил на могиле красивый памятник. В отличие от С.Л. Пушкина Николай I не побоялся осуждения соседей, да никто бы и не посмел осудить царя.

Дамы и собачки

В царской семье обожали собак и содержали их в роскоши. У императрицы Екатерины II было несколько английских левреток, которые спали в обитой розовым бархатом корзине–колыбели, стоявшей в опочивальне государыни. С одной из них, как считается, с Земирой¹², императрица изображена на портрете кисти В.Л. Боровиковского. Правда, во время создания портрета в 1794 году эта собачка была уже давно в мире ином, но художник мог запечатлеть её по просьбе венценосной хозяйки, используя имеющиеся изображения и фарфоровые изваяния. Портрет существует в двух вариантах. На оригинале 1794 года государыня и её любимица изображены на фоне Чесменской колонны. В авторском повторении начала XIX века художник изменил фон на Кагульский обелиск, установленный в 1771 году. Благодаря гравюре Н.И. Уткина именно этот вариант портрета получил широкую известность и лёг в основу изображения Екатерины II с собачкой в последней главе «Капитанской дочки»: *«Марья Ивановна пошла около прекрасного луга, где только что поставлен был памятник в честь недавних побед графа Петра Александровича Румянцева. Вдруг белая собачка английской породы залаяла и побежала ей навстречу. Марья Ивановна испугалась и остановилась. В эту самую минуту раздался приятный женский голос: «Не бойтесь, она не укусит». И Марья Ивановна увидела даму, сидевшую на скамейке противу памятника. <...> Она была в белом утреннем платье, ночном чепце и душегрейке. Лицо её, полное и румяное, выражало важность и спокойствие, а голубые глаза и лёгкая улыбка имели прелесть неизъяснимую».*

В этой сцене собачка невольно помогла установить контакт между её хозяйкой императрицей и Машей Мироновой. Вообще, во многих произведениях А.С. Пушкина присутствует неразлучная пара — дама и её собачка. Это отражение действительности: мода на комнатных компаньонов — мосек, болонок, шпицев — распространилась в светском обществе ещё в XVIII веке и стала повсеместной в XIX веке. В 1819 году юный Пушкин написал фривольную эпиграмму на оперную певицу Нимфодору Семёнову, обязанную своими успехами не столько таланту, сколько внешней привлекательности:

Екатерина II на прогулке в Царском Селе.
Гравюра Н.И. Уткина с оригинала В.Л. Боровиковского. 1827 г.

*Желал бы быть твоим, Семёнова, покровом
Или собачкою постельною твоей...*

А вот что в заключительной сцене «Станционного смотрителя» мальчик Ваня рассказывает о «прекрасной барыне» Дуне: «Ехала она в карете в шесть лошадей, с тремя маленькими барчатами и с кормилицей, и с чёрной моською».

Небольшие собачки везде сопровождали своих хозяек: ездили с ними и в гости к соседям, и в гораздо более дальние путешествия. Такой образ жизни женщин и их питомцев образно и лаконично передан Пушкиным буквально в одном стихе XXV строфы V главы «Евгения Онегина» при описании встречи гостей, приехавших в дом Лариных на именины Татьяны: «Лай мосек, чмоканье девиц...»

Собачки дам хоть и являются в произведениях Пушкина эпизодическими персонажами, но «успевают» сыграть свою роль в сюжете произведения. К примеру, наравне с мужем и приятелем–французом стать непременно атрибутом духовно закосневшей хозяйки:

*У Пелагеи Николавны
Всё тот же друг мосьё Финмуш,
И тот же шпиц, и тот же муж.*

Евгений Онегин. Глава VII. Строфа XLV

В поэме «Граф Нулин» бдительная собачка своим лаем спугнула несостоявшегося любовника хозяйки, давшей ему громкую пощёчину:

*Не знаю, чем бы кончил он,
Досадой страшною пылая,
Но шпиц косматый, вдруг залая,
Прервал Параши крепкий сон.
Услышав граф её походку
И проклиная свой ночлег
И своенравную красотку,
В постыдный обратился бег.*

За поведением симпатичных домашних питомиц поэт наблюдал, конечно, не только в свете, на улице и на природе, но и у себя дома. У его жены Натальи Николаевны была любимая собачка, о чём свидетельствует записка поэта Н.М. Коншину, правителю канцелярии главноуправляющего Царским Селом, посланная летом 1831 года, когда жил на даче: «Собака нашлась благодаря вашим приказаниям. Жена сердечно вас благодарит...» О том, что в семье могло

содержаться несколько собак, косвенно свидетельствуют строки из письма А.С. Пушкина тётке Н.И. Гончаровой от 14 июля 1835 года: *«Маша просится на бал и говорит, что она танцевать уже выучилась у собачек»*. Впрочем, трёхлетняя дочка поэта могла видеть их и в цирке.

Собачья комедия тогда была популярным видом балаганного представления. В письме к поэту и другу П.А. Вяземскому от 3 августа 1831 года А.С. Пушкин употребляет это словосочетание в переносном смысле и с некоторой иронией, когда пишет о тяжёлой обстановке в России — холерных бунтах в военных поселениях, Польском восстании 1830–1831 годов: *«Когда в глазах такие трагедии, некогда думать о собачьей комедии нашей литературы»*.

Породистые любимицы были популярной темой женской вышивки. *«...Позвольте повернуться мне к ножкам Вашего сиятельства и принести всеподданнейшую мою благодарность за собачку (символ моей к Вам верности), вышитую на канве собственными Вашими ручками и присланную мне в моё чухонское уединение»*, — писал А.С. Пушкин 26 апреля 1828 года из Петербурга в Москву княгине В.Ф. Вяземской.

В этом письме поэт затрагивает символику собаки, которую использует редко, в отличие, например, от символики кошки и лошади. Собака у многих народов естественно означала верность, бдительность, иногда знатность: была эмблемой знатных родов, тотемом. В античности эти животные считались посредниками между земным и подземным мирами, охраняли вход в царство мёртвых. В произведениях Пушкина собаки проявляют и свою верность, и бдительность (например, Соколка в «Сказке о мёртвой царевне...», шпиц в «Графе Нулине»), но к исторической символике это прямого отношения не имеет. К мистическим предсказаниям можно отнести видения чудовища *«в рогах с собачьей мордой»* из сна Татьяны в V главе «Евгения Онегина»: согласно старинным сонникам, собачья голова во сне предвещала несчастье с другом.

Изображение собачек на вышивке упоминается в неоконченной повести «Рославлев», действие которой происходит накануне и во время Отечественной войны 1812 года. В отличие от Веры Фёдоровны Вяземской, героиня повести Полина, настроенная очень патриотически, считает такую

вышивку пустым занятием и возмущённо говорит подруге: «...разве женщины не имеют отечества? разве нет у них отцов, братьев, мужьёв? Разве кровь русская для нас чужда? Или ты полагаешь, что мы рождены для того только, чтоб нас на бале вертели в экосезах, а дома заставляли вышивать по канве собачек?..»

Псовая охота и охотничьи собаки

Если четвероногой спутницей женщины в произведениях А.С. Пушкина является небольшая породистая собачка, то мужчину, особенно в деревне, сопровождает охотничий пёс. В сцене встречи в лесу переодетой в крестьянку Лизы Муромской и молодого Берестова, героев повести «Барышня-крестьянка», легавая играет примерно такую же роль, как левретка при встрече Маши Мироновой с императрицей: *«Итак, она шла, задумавшись, по дороге, осенённой с обеих сторон высокими деревьями, как вдруг прекрасная легавая собака залаяла на неё. Лиза испугалась и закричала. В то же время раздался голос: tout beau, Sbogar, ici... и молодой охотник показался из-за кустарника. «Небось, милая, — сказал он Лизе, — собака моя не кусается». Лиза успела уже оправиться от испугу и умела тотчас воспользоваться обстоятельствами...»* Пытаясь уравнять отношения с понравившейся ему хорошенькой «крестьянкой», Алексей Берестов представляется камердинером барина, но девушка тут же уличает его во лжи: *«Да как же барина с слугой не распознать? И одет-то не так, и башь иначе, и собаку-то кличешь¹³ не по-нашему».* В этой же повести случай на охоте с собаками помог помириться давно враждовавшим отцам героев — Григорию Муромскому и Ивану Берестову.

Псовая охота была любимым развлечением знати. А.С. Пушкин, без сомнения, неоднократно участвовал в ней. Хотя нельзя назвать поэта заядлым охотником, в его произведениях немало колоритных сцен псовой охоты, к примеру, в стихотворении «Зима. Что делать нам в деревне?..» (1829):

*Пороша. Мы встаём, и тотчас на коня,
И рысью по полю при первом свете дня;
Арапники в руках, собаки вслед за нами;
Глядим на бледный снег прилежными глазами,*

*Кружимся, рыскаем и поздней уж порой,
Двух зайцев протравив, являемся домой.*

В стихотворении «Осень» (1833) есть такие строки:

*Но пруд уже застыл; сосед мой поспешает
В отъезжие поля с охотою своей,
И страждут озими от бешеной забавы,
И будит лай собак уснувшие дубравы.*

Колоритна сцена приготовления к охоте в начале поэмы «Граф Нулин» (1825):

*Пора, пора! рога трубят;
Псарь в охотничьих уборах
Чем свет уж на конях сидят,
Борзые прыгают на сворах.*

В рукописи этой поэмы на отдельном листе поэт изобразил охотника на коне и мчащуюся впереди него собаку¹⁴. Получилась очень динамичная автоиллюстрация, словно срисованная с натуры.

Состоятельные любители псовой охоты содержали в своих имениях большие псарни, где условия для собак и уход за ними были отличными. Бедные дворяне не могли себе этого позволить. В повести «Дубровский» такое неравенство наряду с властолюбием и гордостью стало причиной ссоры, а потом и вражды между бывшими друзьями — богатым зем-

Всадник с собакой на охоте. Рисунок А.С. Пушкина на отдельном листе в рукописи поэмы «Граф Нулин». 1825 г.

левладельцем Кирилой Петровичем Троекуровым и бедным помещиком Андреем Гавриловичем Дубровским. Поводом стала унижительная для Дубровского сцена в псарне Троекурова: «Хозяин и гости пошли на псарный двор, где более пятисот гончих и борзых жили в довольстве и тепле, прославляя щедрость Кирила Петровича на своём собачьем языке. Тут же находился и лазарет для больных собак, под пристомтром штаб-лекаря Тимошки, и отделение, где благородные суки ощенялись и кормили своих щенят. <...> Гости почитали обязанностью восхищаться псарнею Кирила Петровича. Один Дубровский молчал и хмурился. Он был горячий охотник. Его состояние позволяло ему держать только двух гончих и одну свору борзых; он не мог удержаться от некоторой зависти при виде сего великолепного заведения. «Что же ты хмуришься, брат, — спросил его Кирила Петрович, — или псарня моя тебе не нравится?» — «Нет, — отвечал он сурово, — псарня чудная, вряд людям вашим житьё такое ж, как вашим собакам». Один из псарей обиделся. «Мы на своё житьё, — сказал он, — благодаря бога и барина не жалуемся, а что правда, то правда, иному и дворянину не худо бы променять усадьбу на любую здешнюю конурку. Ему было б и сытнее, и теплее». Кирила Петрович громко засмеялся при дерзком замечании своего холопа, а гости вослед за ним захохотали, хотя и чувствовали, что шутка псаря могла отнестися и к ним. Дубровский побледнел и не сказал ни слова. В сие время поднесли в лукошке Кирилу

Охотничья собака. Набросок А.С. Пушкина в альбоме Ел.Н. Ушаковой. 1829 г.

Петровичу новорождённых щенят; он занялся ими, выбрал себе двух, прочих велел утопить. Между тем Андрей Гаврилович скрылся, и никто того не заметил».

Симпатичную охотничью собаку Пушкин изобразил в альбоме своей московской знакомой Елизаветы Николаевны Ушаковой. Похоже, это набросок с натуры. Скорее всего, собака принадлежала хозяйке альбома или кому-то из её близкого окружения.

Другие породы собак

Помимо охотничьих и комнатных пород собак в произведениях А.С. Пушкина упоминаются другие породы и дворняжки. Они являются неотъемлемой частью места, времени и обстановки действия:

*Вот бегаёт дворовый мальчик,
В салазки жучку посадив,
Себя в коня преобразив.*

Евгений Онегин. Глава V. Строфа II

*К ней, лая, кинулись собаки.
На крик испуганный ея
Ребят дворовая семья
Сбежалась шумно. Не без драки
Мальчишки разогнали псов,
Взяв барышню под свой покров.*

Евгений Онегин. Глава VII. Строфа XVI

*Но вот на табор кочевой
Нисходит сонное молчанье,
И слышно в тишине степной
Лишь лай собак да коней ржанье.*

Цыганы

*Утих аул; на солнце спят
У саклей псы сторожевые.*

Кавказский пленник. Часть I

*Но скоро как-то развлеклась
Перед окном возникшей дракой
Козла с дворовою собакой
И ею тихо занялась.*

Граф Нулин

*Цербер, по долгу своему
Залаяв, прибежал к нему
И положил ему на плечи
Свои две лапы — и потом
Улёгся тихо под столом.*

Езерский. Черновой вариант

В стихотворении «Румяный критик мой...» унылость позднесеннего ненастья подчёркивается стихом: *«На дворе живой собаки нет»*. А вот плоды наблюдения за поведением животных из «Записок молодого человека»: *«День жаркий. <...> Собаки валяются на солнце или бродят, высунув язык и опустя хвост...»*

Слова, означающие пол собак, А.С. Пушкин употребляет редко. В письме П.А. Вяземскому от 27 мая 1826 года он упоминает датского кобеля Гекторку, а в письме к жене от 30 октября 1833 года сравнивает волочащихся за ней уха-жёров с кобелями. В «Капитанской дочке» это слово встречается дважды. В первый раз в прямом смысле: *«Под его надзором на двенадцатом году выучился я русской грамоте и мог очень здраво судить о свойствах борзого кобеля»*. Так с иронией говорится о качестве образования юного Гринёва. Во второй раз — в переносном смысле: *«Господа енараль! — провозгласил важно Пугачёв. — Полно вам ссориться. Не беда, если б и все оренбургские собаки дрыгали ногами под одной перекладиной; беда, если наши кобели меж собою перегрызутся. Ну, помиритесь»*.

«Собачьи» ругательства

В переносном смысле слово «псы» поэт употребляет в письме к П.А. Плетнёву из Болдина от 29 октября 1830 года: *«Что моя трагедия? отстойте её, храбрые друзья! не дайте её на съедение псам журнальным»*. Здесь имеется в виду готовящаяся тогда к изданию трагедия «Борис Годунов», вышедшая в свет в декабре 1830 года.

Слово «сука» в значении «самка собаки» встречается в цитированном выше отрывке из «Дубровского» и в качестве почти метафорического ругательства — в двух письмах: в отношении цензуры¹⁵ и враждебного поэту журнала «Северная пчела»¹⁶.

В повести «Дубровский» в описании псарни, естественно, встречается слово «щенки», а дальше говорится о диких забавах Троекурова, который стравливал медвежат с кошками и щенятами. В других случаях это слово представляет собой уничижительное, граничащее с бранью обращение или высказывание о детях и молодых людях. Например, в

трагедии «Борис Годунов»: *«Народ, народ! в Кремль! в царские палаты! Ступай! вязать Борисова щенка!»* А это строка из стихотворения «Утопленник»: *«Вы, щенки, за мной ступайте!»*

Вообще, «собачьи» ругательства на страницах произведений Пушкина, как и в жизни, встречаются довольно часто: собака, собачий сын, собачья дочь, пёс, старый пёс. В «Скупом рыцаре» Альбер обзывает еврея собакой, псом, змейй. Граничит с остроумным ругательством и последней стих эпиграммы 1821 года на издателя «Вестника Европы» профессора истории М.Т. Каченовского:

*Охотник до журнальной драки,
Сей усыпительный зоил
Разводит опшум чернил
Слюнёю бешеной собаки.*

В «Капитанской дочке» Савельич называет собачьим сыном Зурина, которому наивный Гринёв проиграл 100 рублей. Собакой называет старик и Пугачёва, взявшего тулуп у Гринёва. В свою очередь отец Гринёва в письме обращается к Савельичу «старый пёс» за то, что камердинер не донёс ему о дуэли между Гринёвым и Швабриным. На это Савельич резонно отвечает: *«...я не старый пёс, а верный ваш слуга»*. В простонародной речи камердинера встречаются поговорки, в том числе и со словом «собака». После того как Пугачёв пожаловал помилованному им Гринёву тулуп и лошадь, старик говорит: *«...хоть башкирская долговязая кляча да овчинный тулуп не стоят и половины того, что они, мошенники, у нас украли, и того, что ты ему сам изволил пожаловать; да всё же пригодится, а с лихой собаки хоть шерсти клок»*.

В эпистолярном наследии поэта также есть «собачьи» поговорки. 31 июля 1827 года поэт писал А.А. Дельвигу из Михайловского: *«Сомов говорил мне о его «Вечере у Карамзина». Не печатай его в своих «Цветах». Ей-богу неприлично. Конечно, вольно собаке и на владыку лаять, но пускай лает она на дворе, а не у тебя в комнатах»*. В письме поэта П.А. Плетнёву от 9 сентября 1830 года из Болдина в Петербург есть такие строки: *«Я писал тебе премеланхолическое письмо, милый мой Пётр Александрович, да ведь меланхолией тебя не удивишь, ты сам на это собаку съел»*.

Обращает на себя внимание речевой оборот на основе буквального перевода французского словосочетания «entre chien et loup», обозначающего «вечер, сумерки», который поэт употребил в XLVII строфе IV главы «Евгения Онегина»:

*Люблю я дружеские враки
И дружеский бокал вина
Порою той, что названа
Пора меж волка и собаки...*

Такое выражение обогатило поэтическую речь, придало ей образность.

Волки и лисы

Слова «волк», «волчонок», «волчица», «волчий» встречаются в произведениях Пушкина 30 раз, что в 4 раза реже, чем слова «собака», «пёс», «собачий» и связанные с ними, включая названия пород. Это вполне закономерно. Волк — двойственный персонаж и в народном фольклоре, и в классической литературе. С одной стороны, он ассоциируется со злом, колдовством, нечистой силой, страхом, алчностью, яростью, врагом. С другой стороны, может быть символом силы, воинской доблести, родовым тотемом (отсюда изображения волчьих голов на знамёнах), а также быть положительным персонажем фольклора, помогающим главным героям достичь добрых целей и, как собака, служащим им, примером чего являются строки знаменитого пролога к поэме «Руслан и Людмила»:

*В темнице там царица тужит,
А бурый волк ей верно служит...*

В 1824 году в Михайловском поэт набросал строки задуманного им сказочного сюжета:

*Иван Царевич по лесам
И по полям <и> по горам
За бурым волком раз гонялся.*

В народном фольклоре фигурирует, как правило, серый волк. Однако в диалектах Псковской губернии, где расположено сельцо Михайловское, встречалось и восходящее к польскому языку словосочетание «бурый волк» в значении тёмно-серый. Необычный эпитет «бурый» по сравнению с приевшимся «серым» привлёк поэта¹⁷.

В ранней поэме «Монах» юный Пушкин использовал ещё классический эпитет к слову «волк». По сюжету монах Панкратий окропил беса, принимавшего образ соблазнительной женской юбки, святой водой:

*О чудо!.. вмиг сей призрак исчезает —
И вот пред ним с рогами и с хвостом,
Как серый волк, щетиной весь покрытый,
Как добрый конь с подкованным копытом,
Предстал Молок, дрожащий под столом...*

Здесь с ощетинившимся волком сравнивается нечистая сила.

В неоконченной «Сказке о медведихе» образ волка–дворянина близок к басенному персонажу и герою народного фольклора — злобному, алчному, неблагодарному и вечно голодному:

*Ко тому ли медведю, к большому боярину,
Приходили звери большие,
Прибегали тут зверишки меньшие.
Прибегал тутто волк–дворянин,
У него–то зубы закусливые,
У него–то глаза завистливые.
<...>
Приходила лисица–подьячиха,
Подьячиха–казначейха...*

Образ «лисицы–подьячихи» в этой лесной иерархии тоже близок к басенным и сказочным персонажам, где лиса обычно умная, корыстолюбивая, хитрая и коварная. Лиса у Пушкина упоминается ещё только дважды: в драме «Русалка» как объект охоты («И что их труд? травить лисиц и зайцев...») и в «Сказке о царе Салтане...» как предмет пушного промысла и торговли («Торговали соболями, / Чернобурыми лисами...»).

Поведение волка, как и других диких животных, зависит от сезона года. В ХLI строфе IV главы «Евгения Онегина» появление волков на дорогах знаменует приход поздней осени:

*Встаёт заря во мгле холодной;
На нивах шум работ умолк;
С своей волчихою голодной
Выходит на дорогу волк;
Его почуя, конь дорожный*

*Храпит — и путник осторожный
Несётся в гору во весь дух...*

Стихи рождают ощущение холода и жути, ведь голодный волк опасен для невооружённого человека и лошади. Сходные чувства переданы в стихотворении «Бесы»:

*Сил нам нет кружиться доле;
Колокольчик вдруг умолк;
Кони стали... «Что там в поле?» —
«Кто их знает? пень иль волк?»*

Уже само ожидание встречи с волком нагоняет страх: «Страшно, страшно поневоле...»

Во II главе «Капитанской дочки» встрече Гринёва и Савельича с Пугачёвым предшествует судьбоносная метель: «Лошади стояли, понурия голову и изредка вздрагивая. Ямщик ходил кругом, от нечего делать улаживая упряжь. Савельич ворчал; я глядел во все стороны, надеясь увидеть хоть признак жилья или дороги, но ничего не мог различить, кроме мутного кружения метели... Вдруг увидел я что-то чёрное. «Эй, ямщик! — закричал я, — смотри: что там такое чернеется?» Ямщик стал всматриваться. «А бог знает, барин, — сказал он, садясь на своё место, — воз не воз, дерево не дерево, а кажется, что шевелится. Должно быть, или волк, или человек». Это оказался не волк, а Емельян Пугачёв. Интересно, что в материалах к «Истории Пугачёва» имеется переписанный А.С. Пушкиным манифест от 23 декабря 1773 года, где фигурирует «хищный волк Емельян Пугачёв». Старым волком называет комендант Белогорской крепости Иван Кузьмич Миرونوف пойманного башкирца, наказанного ещё за бунт 1741 года.

В повести «Арап Петра Великого» боярин Гаврила Афанасьевич Ржевский в разговоре с родными называет «проклятым волчонком» Валериана, воспитанного в его доме стрелецкого сына, когда узнаёт, что молодого человека любит его дочь Наталья, просватанная за арапа. Это ругательство содержит одновременно и проклятие, и пренебрежение к юноше низкого происхождения (по аналогии со «щенком»), и опасение, что чувство к нему повлияет на судьбу Натальи, помешает ей удачно выйти замуж.

В поэме «Тазит», проклиная отказавшегося от кровной мести сына и изгоняя его из дома, отец желает:

Чтоб дети русских деревень
Тебя верёвкой поймали
И, как волчонка, затерзали —
Чтоб ты... Беги... беги скорей!
Не оскверняй моих очей!

Слово «волчонок» здесь не просто уничижительное сравнение, которое сродни упомянутому выше «проклятому волчонку» в повести про арапа. По мнению Валентина Берестова, на наш взгляд справедливому, здесь отразились детские впечатления поэта, наблюдавшего в сельце Захарово, как крестьянские дети издеваются над пойманными их отцами волчатами¹⁸.

Волчонок (?). Рисунок в черновике стихотворения «Шумит кустарник... На утёс...». 1830 г.

Набрасывая в Болдине стихотворную зарисовку о вольном олене «Шумит кустарник... На утёс...», Пушкин рисует в черновике зверя, привязанного за шею. Долгое время его считали медведем, но вот что пишет об этом Валентин Берестов: «Я показал рисунок поэта доктору биологических наук В.С. Залетаеву. «Лапы не медвежьи, начало длинного хвоста тоже, — услышал я. — Скорее не взрослый волк, а волчонок». А зоолог В.С. Лобачёв, известный многим по передаче «В мире животных», воскликнул: «Дворняжка? Или волчонок? Бедняга! По мордочке, по всей позе видно, как его мучают!»

В переносном смысле слово «волк» употребляется для обозначения жестокого беспощадного врага в стихотворении «Воевода Милош» из цикла «Песни западных славян»:

*Над Сербией смилуйся ты, боже!
Заедают нас волки янычары!*

Основным источником цикла является книга Проспера Мериме «Гусли, или Сборник иллирийских песен, записанных в Далмации, Боснии, Хорватии и Герцеговине»¹⁹. На самом деле Мериме не записал эти песни прозой, а сочинил сам на основе обширных фольклорных материалов. Исследователи пушкинского цикла «Песни западных славян» отмечают, что его нельзя рассматривать просто как вольный перевод текстов из сборника Мериме и других первоисточников, что поэт внёс в произведения много авторского, насытил образами из русского и общеславянского фольклора²⁰. Так, Пушкин включил в цикл вольный перевод песни «Ивко», назвав своё произведение «Вурдалак». Уже сам первоисточник высмеивает веру в вампиров и связанные с ней суеверия. Сюжет прост: идя ночью через кладбище, трусливый Ивко слышит, что кто-то грызёт кость на могиле. Думая, что это мертвец-вампир, Ивко решает съесть горсть земли с его могилы (это считалось верным средством защиты от упырей).

*Что же? вместо вурдалака —
(Вы представьте Вани злость!)
В темноте пред ним собака
На могиле гложет кость.*

Пушкин переносит текст оригинала на русскую почву, переименовав Ивко в Ваню и называя вурдалака упырём, и затем усиливает пародийный эффект, опуская такую концовку оригинала: собака думает, что Ивко хочет отнять у неё кость, и кусает его за ногу.

В «Песнях западных славян» немало сравнений, связанных с поведением волков. По сюжету песни «Гайдук Хризич» находящийся в западне в пещере и обезумевший от голода сын смотрит на мёртвую мать «будто волк на спящую козу»²¹. Хризич и два его сына покидают убежище, сражаются с врагами, «как бешеные волки»²², и геройски погибают. В песне «Марко Якубович» появление в доме вурдалака предваряет громкий вой собаки. Калауер (монах-отшельник) прогоняет непрошеного гостя молитвой и дымом от зажжённой ветки вереска.

*И затрясся вурдалак проклятый,
В двери бросился и бежать пустился,
Будто волк, охотником гонимый.*

«Песня о Георгии Чёрном» повествует о том, как борющийся с османскими поработителями предводитель сербов Георгий Петрович убивает своего отца, собирающегося выдать его туркам, за что народ прозывает Георгия Чёрным (Карагеоргием). Начинается это произведение так:

*Не два волка в овраге грызутся,
Отец с сыном в пещере бранятся.*

Герой этого произведения — реальное лицо Георгий Петрович Карагеоргий (1762–1817), предводитель Первого сербского восстания (1804–1813). Песня о нём не входила в сборник Проспера Мериме «Гусли» и, скорее всего, сочинена самим поэтом на основе устных преданий, слышанных им в Кишинёве, как и песня «Воевода Милош».

Слово «волк» как часть поговорки встречается в повести «Станционный смотритель». Эта поговорка играет немаловажную роль в сюжете. Разрешая собравшейся на обедню дочке проехаться с Минским, Самсон Вырин говорит: «...Ведь его высокоблагородие не волк и тебя не съест: прокатись—ка до церкви». Уже через полчаса он спохватывается, бросается к церкви искать Дуню, но её и след простыл: она уехала с гусаром, причём по собственной охоте. Станционный смотритель переменил своё мнение о Минском на противоположное. Едва оправившись от потрясения и болезни, старик отправляется в Петербург, намереваясь отыскать и вернуть домой «заблудшую овечку» Дуню. Однако ротмистр и не думает отдавать свою возлюбленную, да и сама красавица дочь, которой едва минуло 15 лет, не собирается возвращаться домой, стремясь использовать выпавший ей шанс и устроить личную жизнь. Она счастлива с богатым гусаром, любит его и хочет ещё больше очаровать, привязать к себе навсегда и выйти за него замуж. Она поступает по народной пословице: «Не будь овцой, так и волк не съест». Даже старика отца, увидевшего её ласкающей Минского в богатой квартире, поражает необыкновенная красота Дуни. Она идёт к своей цели, совершенно забыв о престарелом родителе, не посылая ему ни единой весточки. И лишь достигнув желаемого, Дуня решает навестить его, видимо, по дороге куда-то. Она заезжает на бывшую станцию в дорогой карете, запряжённой шестёркой лошадей, с тремя своими малышами, кормилицей и моськой. Весь её вид свидетельствует о счастье и благополучии. Она как бы

«заблудшая дочь» наоборот: приехала повидать и облагодетельствовать брошенного родителя. Известие о его смерти пробуждает в ней раскаяние, она лежит и горько плачет на могиле отца, потом оставляет священнику деньги на поминовение и уезжает, видимо, считая дочерний долг исполненным.

* * *

Таким образом, в творчестве А.С. Пушкина представители семейства собачьих упоминаются в прямом и переносном смысле, в устоявшихся оборотах речи и поговорках, в качестве бранных слов, реже в сравнениях и совсем редко в символическом смысле. Единственным псом, которого можно назвать настоящим литературным героем, является Соколка в «Сказке о мёртвой царевне и о семи богатырях». Собаки появляются на страницах произведений А.С. Пушкина в 4 раза чаще, чем волки, а лисы — всего лишь трижды. В жизни великий поэт любил собак, заботился о них, проводил с ними время, рисовал их в черновиках, причём в рукописи «Сказки о мёртвой царевне и о семи богатырях», возможно, изобразил себя в образе охотничьей собаки.

Ссылки и комментарии

¹ При подготовке этого и последующих очерков использованы источники:

Словарь языка Пушкина: в 4 т. / Отв. ред. акад. АН СССР В.В. Виноградов. 2-е изд., доп. — М.: Азбуковник, 2000; Васильев Н.Л. Пушкинский бестиарий // Пушкин на пороге XXI века: Провинциальный контекст. Вып. 9. — Арзамас: АГПИ им. А.П. Гайдара, 2007. — С. 77–90.

² Скорее всего, самка брохольмера. Это старинная датская порода сторожевых собак.

³ *Соболевский С.А.* Квартира А.С. Пушкина в Москве (письмо редактору) // А.С. Пушкин в воспоминаниях современников: в 2 т. — СПб.: Академический проект, 1998. — Т. 2. — С. 11–12.

⁴ *Пушкин А.С.* Полное собрание сочинений. — М.: Издательство АН СССР, 1937. — Т. 13. — С. 529. (Перевод с франц.)

⁵ Все произведения А.С. Пушкина, если не указано иначе, цитируются по изданию: *Пушкин А.С.* Полное собрание сочинений: в 10 т. — М.: Издательство АН СССР, 1949.

⁶ Пушкин А.С. Полное собрание сочинений. — М.: Издательство АН СССР, 1937. — Т. 13. — С. 523. (Перевод с франц.).

⁷ Пушкин А.С. Собрание сочинений: в 17 т. Т. 18 (дополнительный). — М.: Воскресение, 1996. — С. 357.

⁸ Керн А.П. (Маркова-Виноградская). Воспоминания. Дневники. Переписка. — М.: Правда, 1989. — С. 32.

⁹ Пушкин А.С. Собрание сочинений: в 17 т. Т. 18. — С. 222.

¹⁰ Карцелли Л.Ф. Мир Пушкина в его рисунках. — М.: Московский рабочий, 1988. — С. 29–36.

¹¹ Песня «Влах в Венеции» представляет собой вольный перевод из книги П. Мериме «Гузла». Цитированное сравнение имеется в оригинале.

¹² Собачка названа по имени героини французской комической оперы «Земира и Азор», сочинённой композитором Андре Гретри в 1771 году.

¹³ Собака Алексея Берестова названа по имени героя популярного в то время разбойничьего романа Шарля Нодье «Жан Сбогар».

¹⁴ Пушкин А.С. Собрание сочинений: в 17 т. Т. 18. — С. 213.

¹⁵ «Сделай милость, не уступай этой суке цензуре, отгрызайся за каждый стих». Письмо П.А. Вяземскому от 4 ноября 1823 года из Одессы.

¹⁶ Письмо М.П. Погодину от 19 февраля 1828 года.

¹⁷ Рейсер С.А. «Бурый волк» // Временник Пушкинской комиссии, 1979. — Л.: Наука, 1982. — С. 157–159.

¹⁸ Берестов В.Д. Ранняя любовь Пушкина // Избранные произведения: в 2 т. — М.: Издательство им. Сабашниковых; Вагриус, 1998. — Т. 2.

¹⁹ Прозаический перевод Н. Рыковой опубликован в издании: Мериме П. Избранные сочинения: в 2 т. — М., 1956. — Т. 1. — С. 151–247.

²⁰ Муравьёва О.С. Из наблюдений над «Песнями западных славян» // Пушкин: Исследования и материалы / ИРЛИ АН СССР (Пушкинский Дом). — Л.: Наука, 1983. — Т. 11. — С. 149–163.

²¹ В оригинале Мериме было так: «как волк на ягнёнка». Причиной изменения явилось, на наш взгляд, восприятие такого сравнения как басенного.

²² Пушкин усилил это сравнение. В оригинале было так: «как голодные волки».

«Кот учёный»

Великий русский поэт не был фанатичным любителем кошек, но относился с симпатией к этим грациозным животным, внимательно наблюдал за ними. В его литературных произведениях упоминается немало реальных и мистических кошек. Запечатлены они и на рисунках Пушкина, ко-

Кот. Рисунок в письме к Н.И. Гончаровой. 1833 г.

торых особенно много в альбоме Елизаветы Николаевны Ушаковой, в замужестве Киселёвой. По преданию семьи Киселёвых, Пушкин любил рисовать кошек в альбомах барышень, на клочках бумаги, на сукне ломберного столика. Чаще всего поэт изображал дородных котов, сидящих спиной к зрителю, с «ушками на макушке» и извивающимся хвостом, выдающим напряжённое ожидание или заинтересованность чем-то вне поля рисунка.

Такой кот нарисован, к примеру, в 1833 году в черновике незаконченного письма теще Наталье Ивановне Гончаровой.

На карикатуре, сделанной поэтом в Кишинёве, изображён испуганный француз Дегильи, отказавшийся от дуэли с Пушкиным. На окне сидит невозмутимый кот, равнодушно отвернувшийся от хозяина и наблюдающий за происходящим на улице.

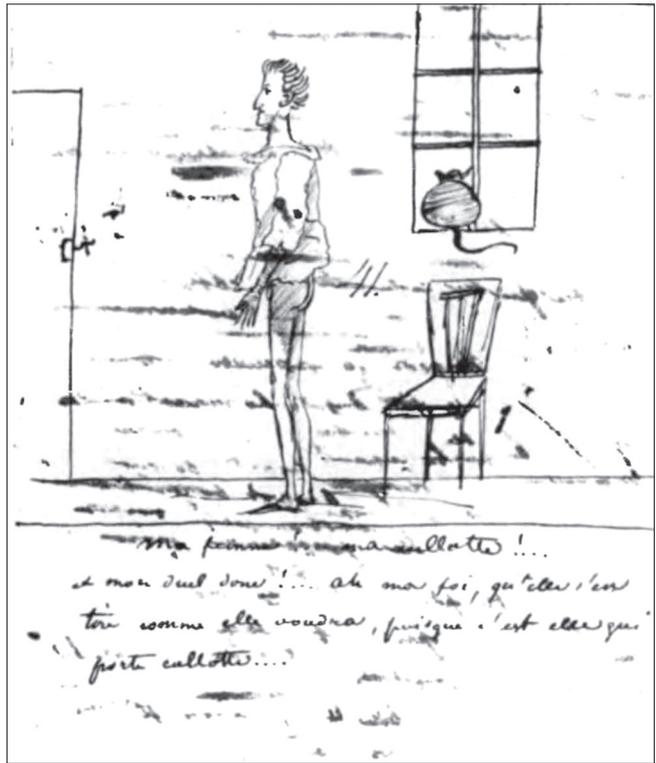
Иначе ведут себя кошки на зарисовке 1829 года, изображающей сумасшедший дом. Предположительно, это перерисовка из какой-то книги. Привлечённая необычными движениями и, возможно, крика-

Сцена в сумасшедшем доме. 1829 г.

ми умалишённых, кошечка свесила голову с подоконника и глядит на ноги одного из них.

Похоже, она хочет спрыгнуть с за решеченного оконца. Вторая кошка сидит в стороне, с интересом глядя на происходящее. Поза её довольно настороженная: она готова в любую минуту бежать прочь. Кошки придают зарисовке реалистичность и особую динамичность. Невольно вспоминается написанная гораздо позже рисунка пушкинская строка: «Не дай мне бог сойти с ума...»

Карикатура на Дегильи. 1821 г.

Сказочные и мистические кошки

Самый знаменитый «кошачий» персонаж у Пушкина — это, безусловно, «кот учёный» из пролога к поэме «Руслан и Людмила», погружающего читателя в особое сказочное пространство:

У лукоморья дуб зелёный,
 Златая цепь на дубе том:
 И днём и ночью кот учёный
 Всё ходит по цепи кругом.
 Идёт направо — песнь заводит,
 Налево — сказку говорит.
 <...>
 И там я был, и мёд я пил;

*У моря видел дуб зелёный;
Под ним сидел, и кот учёный
Свои мне сказки говорил.
Одну я помню: сказку эту
Поведаю теперь я свету...*

Пролог был написан в Михайловском в 1826 году и включён в текст 2-го издания поэмы, вышедшего два года спустя. Образ «кота учёного» восходит к персонажу русской мифологии и волшебных сказок коту Баюну, в котором волшебный голос птицы Гамаюн объединился с силой и хитростью сказочного чудовища. В сказках кот Баюн, сидящий на высоком железном столбе, песнями и заклинаниями лишает силы всех, кто хочет подойти к нему. Чтобы поймать Баюна, Иван-царевич надевает железный колпак и железные рукавицы. Покорённого кота он приносит во дворец к больному отцу. Своими сказками Баюн исцеляет царя.

Сказки о коте Баюне и «коте учёном» обрели особенную известность благодаря распространению лубочных картинок¹. «Кот учёный» — это усмирённый и облагороженный вариант кота Баюна. Вот какую запись сделал Пушкин в Михайловском со слов няни Арины Родионовны: *«У моря лукомория стоит дуб, а на том дубу золотые цепи, и по тем цепям ходит кот: вверх идёт — сказки сказывает, вниз идёт — песни поёт»*. Представляя содержание поэмы «Руслан и Людмила» как одну из сказок «кота учёного», Пушкин подчеркнул связь своего произведения с русским фольклором.

Ныне «кот учёный» и кот Баюн — очень популярные персонажи. В пространстве интернета «поселилось» множество таких «котов»: от литературных псевдонимов и наименования веб-журнала до названия лекарственного препарата для кошек «Кот Баюн» и подписей к фотоснимкам.

В поэме «Руслан и Людмила» Пушкин использовал также бытующее у многих народов поверье о связи кошек с демоническими силами и принятии колдунами и ведьмами кошачьего образа. В пятой песни есть эпизод, когда коварная Наина призывает Фарлафа убить спящего Руслана:

*К нему волшебница явилась,
Вещая: «Знаешь ли меня?
Ступай за мной; седлай коня!»
И ведьма кошкой обратилась.*

*Оседлан конь. Она пустилась;
Тропами мрачными дубрав
За нею следует Фарлаф.*

Подобные превращения нередки в сюжетах фантастических произведений пушкинского времени. Вот как 27 марта 1825 года отзывался великий поэт о тогдашней новинке — повести Антония Погорельского (псевдоним А.А. Перовского) «Лафертовская маковница» — в письме брату Л.С. Пушкину из Михайловского в Петербург: «*Душа моя, что за прелесть Бабушкин кот! Я перечёл два раза и одним духом всю повесть, теперь только и брежу Трифоном Фалалеичем Мурлыкиным. Выступаю плавно, зажмурия глаза, повёртывая голову и выгибая спину*». По сюжету повести чёрный кот бабушки-колдуньи превращается в Аристарха (не Трифона) Фалалеича Мурлыкина — жениха её внучки Маши, которой ведьма хочет против её желания передать свою силу. Мурлыкин при этом сохраняет повадки кота.

В стихотворении Пушкина «Гусар» кот мистически связан со своей хозяйкой-ведьмой. По сюжету бравый военный рассказывает байку о приключении в Малороссии, где он жил на постое душа в душу с вдовой Марусенькой. Однажды ночью ревнивый гусар увидел, как она, выпив зелье из склянки, вылетела в печную трубу:

*Эге! Смекнул в минуту я:
Кума-то, видно, басурманка!
Постой, голубушка моя!..
И с печки слез — и вижу: склянка.
Понюхал: кисло! что за дрянь!
Плеснул я на пол: что за чудо?
Прыгнул ухват, за ним лохань,
И оба в печь. Я вижу: худо!*

*Гляжу: под лавкой дремлет кот;
И на него я брызнул склянкой —
Как фыркнет он! Я: брысь!.. И вот
И он туда же за лоханкой...*

По другому поверью, в агрессивных кошек с целью мщения могут превращаться души умерших. В неоконченной поэме «Тазит» чеченец Гасуб проклиняет своего сына Тазита, не отомстившего за убийство брата:

*Будь проклят мной! Поди — чтоб слуха
Никто о робком не имел,
Чтоб вечно ждал ты грозной встречи,
Чтоб мёртвый брат тебе на плечи
Окровавленной кошкой сел
И к бездне гнал тебя нещадно...*

Прослеживается связь домашней кошки с миром мёртвых и в раннем стихотворении Пушкина «Тень Фонвизина»:

*«Так ты здесь в виде привиденья?.. —
Сказал Державин, — очень рад;
Прими мои благословенья...
Брысь, кошка!.. сядь, усопший брат...»*

С кошками связаны многие народные поверья и песни. Некоторые из них поэт использовал в романе «Евгений Онегин». В V главе говорится о том, что «Татьяна верила преданьям / Простонародной старины»:

*Жеманный кот, на печке сидя,
Мурлыча, лапкой рыльце мыл:
То несомненный знак ей был,
Что едут гости...*

Среди чудовищ, которых видит Татьяна в своём вещем сне незадолго до дуэли Онегина и Ленского, фигурирует фантастическое существо «полужуравль и полукот». Святочной ночью во время гадания на воске Татьяна слышит грустную колядку.

*...Но сулит утраты
Сей песни жалостный напев;
Милей кошурка сердцу дев.*

Кошурка — персонаж святочной песни, предвещающей брак:

*Зовёт кот кошурку
В печурку спать.*

В этих словах отразились славянские поверья о кошке как о хранительнице дома и семьи. Недаром в сказках (не только русских: достаточно вспомнить «Кота в сапогах» Ш. Перро) кошки и коты часто защищают своих хозяев и домашних животных, помогают им обрести счастье.

Возможно, это поверье косвенно отразилось в серии аллегорических рисунков Пушкина, сделанных в альбоме москвички Елизаветы Николаевны Ушаковой (ПД № 1723). Рисунки «повествуют» о взаимной любви хозяйки альбома и

Ел. Н. Ушакова, в замужестве
Киселёва. Художник Ж. Вивьен.
1833 г.

Сергея Дмитриевича Киселёва², которого прозвали Кис по первым буквам фамилии. Да и внешнеостью С.Д. Киселёв, портрет которого начертал Пушкин в альбоме, напоминал добродушного домашнего кота.

Намекая на влюблённость Елизаветы Николаевны, Пушкин в шутку начинал кликать при ней кошку: «Кис, кис, кис!», а её саму называл «Кисанькой». На одном рисунке он даже изобразил девушку в виде хорошенькой кошечки, влюблённо смотрящей вслед маленькому, но бравому на вид

военному (С.Д. Киселёву) в роскошной шляпе с плюмажем. За всей сценой наблюдает дородный кот в излюбленной по этом позе. Кого изобразил Пушкин под видом этого кота, точно неизвестно. Может быть, себя.

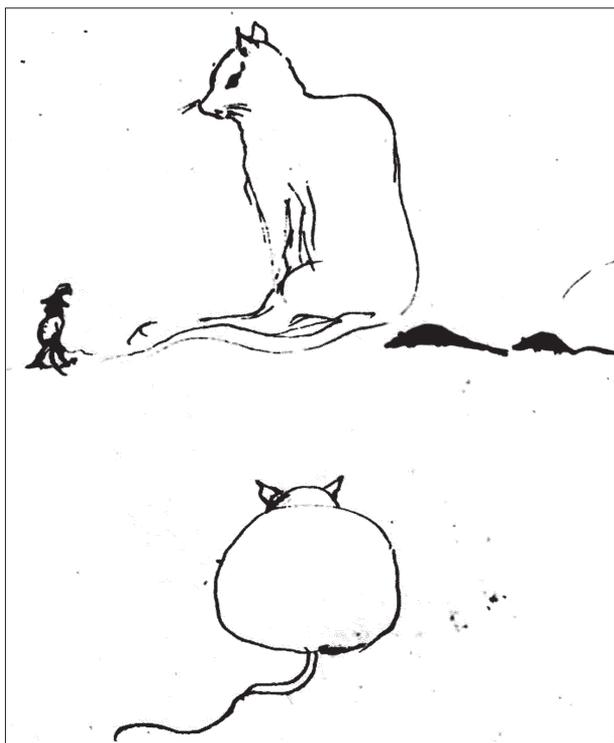
5 октября 1829 года поэт нарисовал Елизавету Николаевну, одетую как замужняя дама — в чепец и душегрейку. На руках у неё умиротворённо дремлет кот — символический Кис. Внизу — сосуд с пылающим сердцем. Вверху — деревня, куда уехал в то время С.Д. Киселёв. На лице Елизаветы Николаевны выражение нежности и ожидания. Этот рисунок — намёк на скорую свадьбу.

Третий рисунок как бы предсказывает семейное сча-

С.Д. Киселёв.
Рисунок А.С. Пушкина. 1829 г.

стве и прибавление семейства наречённых. Елизавета Николаевна изображена вновь в чепце, но на этот раз закутанной в шаль. Она смотрит на попугая. На лице её очки: девушка действительно была близорука. На столе за Елизаветой Николаевной сидят четыре котёнка разного возраста. Этим «хором» дирижирует лапкой упитанный кот в очках — Кис. Подпись внизу, сделанная Пушкиным, гласит: «Елизавета Миколаевна в день ангела Д'Жуана». Рисунок содержит намёк на исполнение девушкой в день именин Киселёва (29 сентября 1829 года) арии из оперы Россини «Севильский цирюльник».

Портрет Ел. Н. Ушаковой в образе кошечки. 1829 г.

По другому предположению, под Д'Жуаном Пушкин разумеет себя и намекает, что в день его следующих именин 2 июня 1830 года Елизавета Николаевна будет уже замужем за Киселёвым. 30 апреля 1830 года состоялась их свадьба. Впоследствии великий поэт не раз бывал в доме Киселёвых, общался с гостеприимными хозяевами и их маленькими детьми Павлом и Николаем.

Естественная ассоциация «котёнок — ребёнок» несколько раз встречается у Пушкина. 8 сентября 1833 года Пушкин пишет жене из Казани в Петербург: «Здорова ли ты? Здоровы ли вы все? Дорогой я видел годовую девочку, которая бежит на карачках, как котёнок, и у которой уже 2 зубка. Скажи это Машке...»³

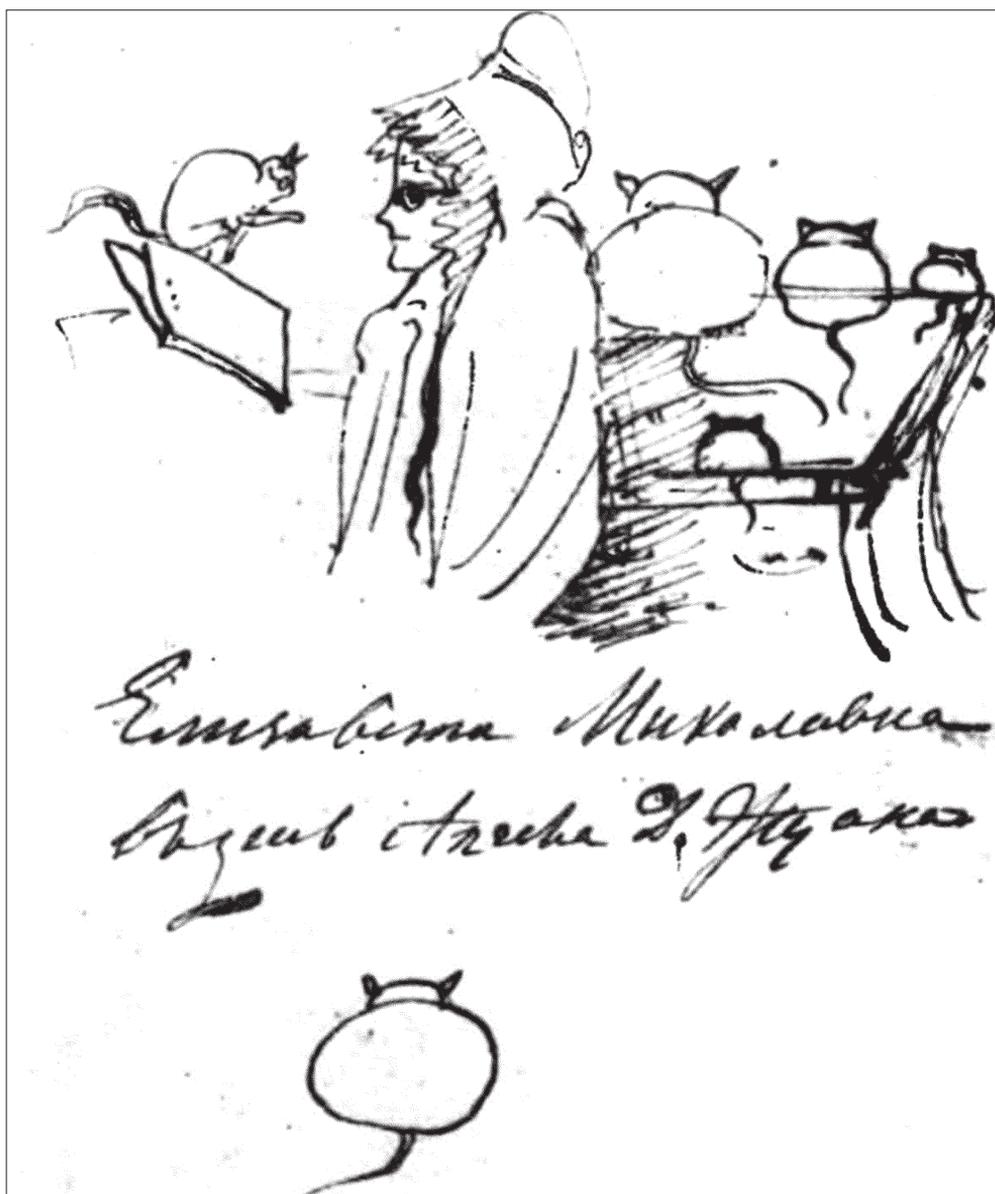
Герой трагедии «Борис Годунов» юродивый Николенька на площади в Москве перед собором поёт:

Ел. Н. Ушакова с Кисом. 1829 г.

Месяц светит,
Котёнок плачет.
Юродивый, вставай,
Богу помолися!

Плачущий котёнок в этом эпизоде ассоциируется с убитым царевичем Дмитрием. В соборе поют ему вечную память, а чуть позже юродивый говорит царю: «Николку маленькие дети обижают... Вели их зарезать, как ты зарезал маленького царевича».

Ел. Н. Ушакова с хором кошек. 1829 г.

В «Сказке о попе и о работнике его Балде» в сцене у речки,
где Балда требует оброк у бесов,
*Вынырнул подосланный бесёнок,
Замяукал, как голодный котёнок...*

Ассоциация «бесёнок — котёнок» намекает на связь кошек с нечистой силой, с одной стороны, и на мнимую беспомощность, беззащитность маленького беса.

В стихотворении «Будрыс и его сыновья» с игривым котёнком сравнивается молоденькая польская девушка:

*Нет на свете царицы краше польской девицы.
Весела — что котёнок у печки —
И, как роза, румяна, а бела, что сметана;
Очи светятся, будто две свечки!*

Реальные кошки

В произведениях Пушкина встречается немало вполне реальных котов и «кошачьих» сравнений, основанных на естественном поведении этих животных. Главный герой поэмы «Граф Нулин», который крадёт ночью в спальню к Наталье Павловне, сравнивается с хитрым котом:

*Так иногда лукавый кот,
Жеманный баловень служанки,
За мышью крадется с лежанки:
Украдкой, медленно идёт,
Полузажмурясь подступает,
Свернётся в ком, хвостом играет,
Разинет когти хитрых лап
И вдруг бедняжку цап-царап.*

Создаётся впечатление, будто эта картинка написана поэтом «с натуры» в Михайловском, где создавалась поэма. С другой стороны, здесь очевиден намёк на развращённость незадачливого графа, ведь кот обычно ассоциируется с похотливым мужчиной, а ночные «песни» кошек — с блудом.

В поэме «Домик в Коломне» (строфы XVIII–XIX) есть такие строки:

*Бывало, мать давным-давно храпела,
А дочка на луну ещё смотрела*

*И слушала мяуканье котов
По чердакам, свиданий знак нескромный...*

Этот эпизод намекает на мечты дочки об утехах любви и замужества. В её домике живёт и домашний кот, но, по видимому, особого внимания ему хозяева не уделяют. После смерти кухарки Феклуши

*Об ней жалели в доме, всех же боле
Кот Васька...*

Сцена бритья Мавруши. Автоиллюстрация
к поэме «Домик в Коломне». 1830 г.

Интересна авторская иллюстрация к «Домику в Коломне» — сцена бритья новой «кухарки» Мавруши. Кот Васька изображён в излюбленной Пушкиным позе спиной к зрителю. Видно, что это чёрный кот с белыми пятнами на спине. Он флегматично продолжает наблюдать за чем-то ему интересным, не обращая внимания на удивлённый возглас неожиданно вернувшейся хозяйки, чьё отражение видно в зеркале.

В лицейском стихотворении «Послание к Галичу» наличие в комнате дремлющего кота помогает выразить атмос-

феру успокоения перед сном, придаёт всей картинке реалистичность:

*Уж тёмна ночь объёмлет
Брега спокойных вод;
Мурлыча, в келье дремлет
Спесивый старый кот.*

В юношеской поэме «Монах» кот бедного отшельника, составляющий значительную часть его собственности, тоже вполне земной:

*Наш труженик не слишком был богат,
За пышность он не мог попасться в ад.
Имел кота, имел псалтирь и чётки,
Клубок, стихарь да штоф зелёной водки.*

Бес искушает старого монаха, появившись ночью в келье в виде соблазнительной юбки, которая при свете дня исчезает:

*А наш монах, увы, лишён покоя.
Уж он не спит, не гладит он кота...*

Упоминаются реальные кошки и в прозаических произведениях Пушкина. Это придаёт описываемым событиям живость и достоверность. В повести «Станционный смотритель» жена пивовара, поселившегося в доме умершего смотрителя, велит своему сыну показать автору дорогу на погост: «Эй, Ванька! Полно тебе с кошкою возиться. Проводи-ка барина на кладбище да укажи ему смотрителю могилу».

Герой повести «Дубровский» кузнец Архип спасает кошку на пожаре, но оставляет в закрытом горящем доме работников суда — приказных: «В сию минуту новое явление привлекло его внимание; кошка бегала по кровле пылающего сарая, недоумевая, куда спрыгнуть, — со всех сторон окружало её пламя. Бедное животное жалким мяуканьем призывало на помощь. Мальчишки помирали со смеху, смотря на её отчаяние. «Чему смеётеся, бесенята, — сказал им сердито кузнец. — Бога вы не боитесь: божия тварь погибает, а вы сдуру радуетесь», — и, поставя лестницу на загоревшуюся кровлю, он полез за кошкою. Она поняла его намерение и с видом торопливой благодарности уцепилась за его рукав. Полуобгорелый кузнец с своей добычей полез вниз. «Ну, ребята, прощайте, — сказал он смущённой дворне, — мне здесь делать нечего. Счастливо, не поминайте меня лихом».

Отчаянный Архип оказался милосерднее к животным, чем жестокий самодур Кирила Петрович Троекуров, который для потехи стравливал медвежат с кошками и щенками, а медведей с людьми.

Львы и тигры

Определённую роль в произведениях Пушкина играют не только домашние кошки, но и их дикие родственники — тигры и львы⁴.

В «Нравоучительных четверостишиях», написанных в 1826 году в Михайловском Н.М. Языковым при участии А.С. Пушкина, все эти животные как бы собраны вместе:

*Орёл бьёт сокола, а сокол бьёт гусей;
Страшатся щуки крокодила,
От тигра гибнет волк, а кошка ест мышей.
Всегда имеет верх над слабостью сила.*

Сила и слабость

*«Пройдёт ли мой недуг?» — лев у осла спросил;
Осёл отвечивал: «О царь, сильнейший в мире!
Когда ты не умрёшь, то будешь жив, как был». —
Два раза два — четыре.*

Верное предсказание

*«Познай, светлейший лев, смятения вину, —
Рек слон, — в народе бунт! повсюду шум и клики!»
«Смирятся, — лев сказал, — лишь гривой я тряхну!»
Опасность не страшна для мощного владыки.*

Непоколебимость

В четверостишии «Сила и слабость» упор сделан на природные особенности тигра и кошки, а в двух других образы льва — царя зверей, осла и слона выдержаны в басенных традициях. Это оправданно, поскольку «Нравоучительные четверостишия» являются пародией на переводные аполги И.И. Дмитриева. В этом же духе выдержан эпиграф к XI главе «Капитанской дочки», повествующей о приезде Гринёва в стан Пугачёва:

*В ту пору лев был сыт, хоть с роду он свиреп.
«Зачем пожаловать изволил в мой вертеп?» —*

Спросил он ласково.

А. Сумароков

Подпись «А. Сумароков» — мистификация. На самом деле эпиграф сочинён Пушкиным в подражание «Притчам» Сумарокова.

Тигры и львы в произведениях Пушкина в основном метафорические. Редким исключением из этого правила является упоминание тигра в стихотворении о древе яда «Анчар»:

*К нему и птица не летит,
И тигр нейдёт...*

Природные особенности и повадки сильных хищников семейства кошачьих используются для описания внешности, характера или душевного состояния героев. Так, в очерке «Александр Радищев» Пушкин писал: «Мог ли чувствительный и пылкий Радищев не содрогнуться при виде того, что происходило во Франции во время Ужаса⁵? Мог ли он без омерзения глубокого слышать некогда любимые свои мысли, проповедуемые с высоты гильотины при гнусных рукоплесканиях черни? Увлечённый однажды львиным рёвом колоссального Мирабо, он уже не хотел сделаться поклонником Робеспьера, этого сентиментального тигра».

Другой пример подобного рода относится к образу французской национальной героини Жанны д'Арк (начало первой песни «Девственницы»):

*Я признаюсь — вечернею порой
Милее мне смиренная девица —
Послушная, как агнец полевой;
Йоанна же была душою львица...*

В повести «Выстрел» сравнение с тигром помогает глубже ощутить раздражённое состояние жаждущего мести Сильвио: «...При сих словах Сильвио встал, бросил об пол свою фуражку и стал ходить взад и вперёд по комнате, как тигр по своей клетке».

Подобное сравнение есть и в новелле «Пиковая дама». Состояние тигра, готового к охоте, сходно с чувствами Германна перед свиданием в доме графини, у которой он хочет выведать тайну трёх карт: «Германн трепетал, как тигр, ожидая назначенного времени».

В трагедии «Скупой рыцарь» Герцог сравнивает сына, принявшего вызов скупого отца на дуэль, с задиристым тигрёнком:

Что видел я? что было предо мною?
Сын принял вызов старого отца!
В какие дни надел я на себя
Цепь герцогов! Молчите: ты, безумец,
И ты, тигрёнок! полно.

В «Путешествии в Арзрум» Пушкин так описывает внешность генерала А.П. Ермолова: «Ермолов принял меня с обыкновенной своей любезностию. С первого взгляда я не нашёл в нём ни малейшего сходства с его портретами, писанными обыкновенно профилем. Лицо круглое, огненные серые глаза, седые волосы дыбом. Голова тигра на Геркулесовом торсе». Оценить точность последнего сравнения можно, взглянув на портрет прославленного генерала.

Особенной глубиной отличается сравнение греха, словно «пожирающего» душу, с хищным львом в духовном четверостишии 1836 года:

Напрасно я бегу к сионским высотам,
Грех алчный гонится за мною по пятам...
Так, ноздри пыльные уткнув в песок сыпучий,
Голодный лев следит оленя бег пахучий.

В черновом автографе этого стихотворения поэт нарисовал рыщущего льва.

Известны два случая, когда Пушкин упоминает геральдического льва на гербе Швеции. В «Воспоминаниях в Царском Селе» (1814) речь идёт о победе России над Швецией в Полтавском сражении:

Изображение льва в рукописи стихотворения
«Напрасно я бегу...». 1836 г.

Не се ль Элизиум полнощный,
Прекрасный Царскосельский сад,
Где, льва сразив, почил орёл России мощный
На лоне мира и отрад?

В одном из примечаний к «Запискам бригадира Моро–де–Бразе» Пушкин пишет о победе шведского короля Карла XII «над датским королём Фридриком IV, который начал Северную войну и первый почувствовал когти шведского льва».

«Львы на воротах», упоминаемые в VII главе «Евгения Онегина», очевидно, тоже геральдические: львы изображались на гербах знатных дворянских родов.

* * *

Мистические и реальные кошки хотя и являются у Пушкина в основном метафорическими и вспомогательными персонажами, но играют немаловажную роль в его творчестве. Их присутствие в сценах из произведений и на авторских рисунках помогает читателю более точно и объёмно воспринимать задуманные литературные образы, события жизни великого поэта и его окружения.

Ссылки и комментарии

¹ На лубочных картинках был ещё один сюжет на мотив народной сказки, который назывался «Похороны кота мышами». Эта лубочная картинка дважды упоминается Пушкиным. Герой «Капитанской дочки» Гринёв по прибытии в Белогорскую крепость заметил в комнате Ивана Кузьмича Миронова картинку «Погребение кота». Эту же картинку среди других видит на дорожной станции молодой человек, отправляющийся к месту службы («Записки молодого человека»).

² Источник сведений об ухаживании Сергея Дмитриевича Киселёва за Елизаветой Николаевной Ушаковой и шуточных рисунках Пушкина по этому поводу: *Вересаев В.В.* Пушкин в жизни. — СПб.: Лениздат, 1995. — Т. 2. — С. 28–29.

³ У старшей дочери Пушкина Маши первые зубки прорезались уже после года.

⁴ Других животных семейства кошачьих Пушкин не упоминает. Лишь в стихотворении «Сто лет минуло, как тевтон...» говорится о юных литовцах в шапках из рысьего меха.

⁵ Время Ужаса — эпоха террора в период Великой французской революции с 5 сентября 1793 по 27 июля 1794 года.

«Большой, взъерошенный медведь...»

В произведениях и письмах А.С. Пушкина медведи, медведицы и медвежата упоминаются 73 раза, что реже, чем собаки и лошади (кони), но чаще, чем другие звери.

Образ медведя во многом связан с восточнославянскими обычаями и верованиями, согласно которым этому сильному хищнику принадлежит главенствующая роль среди зверей, он является хозяином леса, тотемом древних племён. Культ медведя оказал влияние на свадебные обряды, на святочные и масленичные гулянья, на народный фольклор — сказки, песни и прочее. А.С. Пушкин всё это хорошо знал с детских лет и впоследствии использовал в своих произведениях. Наиболее важную роль играют медведи в «Сказке о медведихе» и сне Татьяны (V глава «Евгения Онегина»).

Сказочно-мистический сон Татьяны хорошо изучен и прокомментирован исследователями. В начале необычного сновидения медведь переводит Татьяну по шаткому мостку через ручей (отделяющий её от мира, где находится Онегин), и она оказывается в «потустороннем» заснеженном лесу (строфа XII):

*Как на досадную разлуку,
Татьяна ропщет на ручей;
Не видит никого, кто руку
С той стороны подал бы ей;
Но вдруг сугроб зашевелился,
И кто ж из-под него явился?
Большой, взъерошенный медведь;
Татьяна ах! а он реветь,
И лапу с острыми когтями
Ей протянул; она скрепясь
Дрожащей ручкой оперлась
И боязливymi шагами
Перебралась через ручей;
Пошла — и что ж? медведь за ней!*

Литературовед Ю.М. Лотман в своих комментариях¹, ссылаясь на работы ряда специалистов, отмечает, что переход через реку имеет двойную символику: как атрибут святочных гаданий «на жениха», устойчивый символ женитьбы в свадебной поэзии и одновременно как символ смерти в сказках и народной мифологии. По народным поверьям

«большой, взъерошенный медведь» — это тоже предвестие сватовства и женитьбы. Медведь играет в сюжете сна сразу несколько ролей: он «кум», дружка жениха, его представитель, с одной стороны, и подобный Харону в греческой мифологии и Зефиру в мифологической «Сказке об Амуре и Психее» Апулея² проводник героини в иной мир, с другой стороны. Но в отличие от них после перехода медведь не отпускает Татьяну, а гонится за ней подобно тому, как на святках ряженный в костюме медведя (обычно в вывернутом наизнанку, «взъерошенном» тулупе) бегал за девушками и, догнав, хватал их за руки и за ноги. В святочных игрищах погоня медведя шуточная, а во сне Татьяна воспринимает её как серьёзную опасность. Догнав девушку, медведь продолжает выполнять свою функцию проводника (строфа XV):

*Упала в снег; медведь проворно
Её хватает и несёт;
Она бесчувственно-покорна,
Не шевельнётся, не дохнёт;
Он мчит её лесной дорогой;
Вдруг меж дерев шалаш убогой;
Кругом всё глушь; отсюда он
Пустынным снегом занесён,
И ярко светится окошко,
И в шалаше и крик, и шум;
Медведь промолвил: «Здесь мой кум:
Погрейся у него немножко!»
И в сени прямо он идёт,
И на порог её кладёт.*

На этом роль медведя сыграна, он исчезает, а очнувшаяся Татьяна оказывается у дверей лесной хижины, где пирует «шайка домовых» во главе с Онегиным. Пиршество это похоже на свадьбу и похороны одновременно. Сама гибридная внешность нечисти «сконструирована» Пушкиным так, что по народным поверьям предвещает несчастья.

Лесная избушка с бесами не редкость в народных сказках. Канву одного такого сюжета, связанного с мотивом женитьбы, А.С. Пушкин записал зимой 1824–1825 годов в Михайловском со слов своей няни Арины Родионовны: «Жених пропадает три года; невеста его узнаёт, что должно в лесу в пустой хижине три ночи ночевать, дабы достать его. Находит хижинку, около неё ходит; слышит голос его, но не

видит входа. Видит ход чертей, между ими и он на гудке играет. Хижинка открывается (стукот), она видит там кучу змей, бросается туда — то был хворост, и проч.». Судя по тому, что два других сюжета в этой записи имеют благополучный конец, и эта сказка заканчивается так же, в отличие от зловещего, полного всевозможных перевёртышей сна Татьяны, дальнейшие события которого напророчили смерть Ленского от руки Онегина и несчастливую судьбу самой девушки, вышедшей замуж без любви³. И «большой, взъерошенный медведь» сыграл в сюжете этого сна очень важную роль.

Не озаглавленный поэтом черновой автограф (ПД № 929) неоконченной сказки о зверях «Как весенней тёплою порою...» относят к Болдинской осени 1830 года и традиционно публикуют под редакторским названием «Сказка о медведихе». Центральными здесь являются образы медведихи, убитой мужиком, и горюющего о ней медведя — «большого боярина». Всё произведение выдержано в народном стиле. По мнению литературоведа В.Ф. Миллера, это «такое же художественное собрание в один фокус народных красок, запечатлевшихся в богатой памяти поэта, как в прологе... к «Руслану и Людмиле»⁴. Действительно, здесь слились дух и стиль славянских сказок и песен, погребального плача и скоморошины⁵. Зачином является безмятежная лирическая картина утреннего отдыха медведихи и её медвежат в лесу:

*Как весенней тёплою порою
Из-под утренней белой зорюшки,
Что из лесу, из лесу из дремучего
Выходила бурая медведиха
Со милыми детушками-медвежатами
Погулять, посмотреть, себя показать.
Села медведиха под белой берёзою;
Стали медвежата промеж собой играть,
По муравушке валяются,
Боротися, кувьркатися.*

Неслучайно эта трогательная сцена вдохновила художника И.И. Шишкина на создание знаменитой картины «Утро в сосновом лесу».

Далее по сюжету появляется мужик с рогатиной и ножом, медведиха пытается защитить медвежат, заломать му-

Шишкин И.И. Утро в сосновом лесу. 1889 г.

жика, но он её убивает, снимает шкуру, медвежат кладёт в мешок и приносит всю добычу жене.

Судя по черновику, сцена убийства медведихи была написана первой, затем в процессе работы поэт дописал призыв медведихи к медвежатам прятаться за своей спиной и обещание защитить их. Потом появилась начальная сцена прогулки медвежьего семейства⁶. Здесь сочетаются, на наш взгляд, фольклорное и авторское начала. Исследователями подмечена связь с рядом народных сказок, распространённых в Арзамасском крае⁷, таких как «Медведь — липовая нога». Однако в этих сказочных сюжетах мужик калечит медведя (не медведиху), а тот в свою очередь с разной степенью успешности пытается отомстить мужику: в одних сказках погибает медведь, в других — мужик. Такие сказки являются источниками «Сказки о медведихе» лишь отчасти. Но уже в них налицо разрушение древнеславянского пиетета перед медведем как тотемом, хотя и тотемных животных иногда ритуально убивали. В пушкинской сказке нет даже намёка на тотемное поклонение: мужик явно идёт охотить-

ся на медведей с целью получить шкуру на шубу своей жене и поймать медвежат на продажу.

Узнав о гибели медведихи, её медведь горюет о ней. Эта часть сказки выдержана в стиле народного плача:

*В ту пору медведь запечалился,
Голову повесил, голосом завыл
Про свою ли сударушку,
Чернобурую медведиху.
«Ах ты, свет моя медведиха,
На кого меня покинула,
Вдовца печального,
Вдовца горемычного?
Уж как мне с тобой, моей боярыней,
Весёлой игры не игрывати,
Милых детушек не родити,
Медвежатущек не качати,
Не качати, не баюкати».*

Далее следует заключительная часть о том, как к «медведю большому боярину» то ли на поминки, то ли на совет сходятся лесные звери, каждый из которых соотнесён с каким-либо сословием или должностью в человеческом обществе: волк-дворянин, лисица-подьячиха, заяц-смерд и так далее. Причём звери-«простолюдины» описаны с большей симпатией, чем звери-«аристократы»⁸, что усиливает впечатление народности сказки и, возможно, предваряет переход к сатирической теме. Моделью последней части послужила скоморошина «Старина о птицах», где каждой птахе приписаны определённое социальное положение, занятие или роль⁹. В некоторых вариантах этой скоморошины среди птиц упоминаются звери, в том числе и «медведь кожемяка».

Перечислением «подчинённых», пришедших к горюющему медведю, «Сказка о медведихе» заканчивается или обрывается. Некоторые специалисты считают её практически завершённой¹⁰. Но на наш взгляд, прав исследовавший автограф ПД № 929 С.А. Фомичёв¹¹. Он указал на то, что в черновике нет обычного для Пушкина знака окончания произведения, а далее в тетради оставлены пустые листы. Скорее всего, поэт собирался продолжить сказку, но передумал. На наш взгляд, делать предположения о её конце бессмысленно. Возможно, это получилась своего рода про-

ба, «отладка» вариантов фольклорного стиля, предваряющая переход к сочинению «Сказки о попе и о работнике его Балде», начатой 13 сентября 1830 года и написанной «раёшными» рифмованными двустушиями. В основу этой замечательной сказки легла запись сюжета со слов Арины Родионовны, сделанная в Михайловском в 1825 году. Однако Пушкин отбросил эпизод пленения Балдой медведя (*«Жена советует отослать Балду в лес к медведю, будто бы за коровой. Балда идёт и приводит медведя в хлев»*), видимо, как излишний, мешающий развитию основной линии сюжета, в котором проявления богатырской силы, хитрости и ловкости Балды и так очевидны.

Охота на медведя с рогатиной и ножом была делом опасным, требовала силы, ловкости и храбрости. Так, в драме «Русалка» дочь мельника после долгого ожидания любимого ею князя сетует:

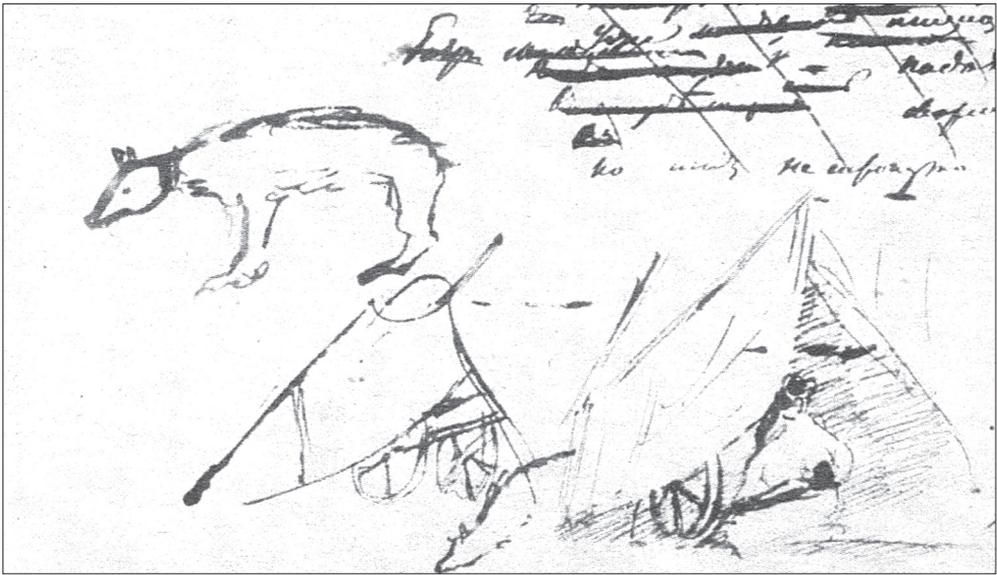
*Каким себя я страхом ни пугала?
То думала, что конь тебя занёс
В болото или пропасть, что медведь
Тебя в лесу дремучем одолел...*

Мужчины, ходившие на медвежью охоту в одиночку, пользовались уважением в народе. Это нашло отражение в произведениях А.С. Пушкина. В иронической «Истории села Горюхина» характеристика местных мужиков весьма красноречива: *«Мужчины добронравны, трудолюбивы (особенно на своей пашне), храбры, воинственны: многие из них ходят одни на медведя»*. В повести «Дубровский», собираясь послать своих дворовых на борьбу с Дубровским и его людьми, Троекуров говорит: *«На первый случай отряжу человек двадцать, так они и очистят воровскую рощу; народ не трусливый, каждый в одиночку на медведя ходит, от разбойников не попятятся»*.

На Руси издавна практиковались кровавые медвежьи бои, когда на потеху публике мужчина, вооружённый рогатиной и ножом, боролся с выпущенным из ямы голодным медведем. Пушкин описывает не менее жестокие «увеселения» с медведями в троекуровском имении Покровское с явным сочувствием к животным и людям, насильно втянутым в затею самодура Троекурова: *«На дворе у Кирила Петровича воспитывались обыкновенно несколько медвежат и составляли одну из главных забав покровского помещика»*.

В первой своей молодости медвежата приводимы были ежедневно в гостиную, где Кирила Петрович по целым часам возился с ними, травливая их с кошками и щенятами. Возмужав, они бывали посажены на цепь, в ожидании настоящей травли. Изредка выводили пред окна барского дома и подкатывали им порожнюю винную бочку, утыканную гвоздями; медведь обнюхивал её, потом тихонько до неё дотрагивался, колол себе лапы, осердясь толкал её сильнее, и сильнее становилась боль. Он входил в совершенное бешенство, с рёвом бросался на бочку, покамест не отымали у бедного зверя предмета тщетной его ярости. Случалось, что в телегу впрягали пару медведей, волю и неволю сажали в неё гостей и пускали их скакать на волю божию. Но лучшею шуткою почиталась у Кирила Петровича следующая. Проголодавшегося медведя запрут, бывало, в пустой комнате, привязав его верёвкою за кольцо, ввинченное в стену. Верёвка была длиною почти во всю комнату, так что один только противоположный угол мог быть безопасным от нападения страшного зверя. Приводили обыкновенно новичка к дверям этой комнаты, нечаянно вталкивали его к медведю, двери запирались, и несчастную жертву оставляли наедине с косматым пустынным. Бедный гость, с оборванной полою и до крови оцарапанный, скоро отыскивал безопасный угол, но принуждён был иногда целых три часа стоять, прижавшись к стене, и видеть, как разъярённый зверь в двух шагах от него ревел, прыгал, становился на дыбы, рвался и силился до него дотянуться. Таковы были благородные увеселения русского барина!» Мужественное поведение Дефоржа (Дубровского), застрелившего разъярённого медведя по время этой «забавы», заставляет гордого, необузданного Троекурова проникнуться уважением к «гувернёру», а его дочь Машу побуждает обратить внимание на храбреца и влюбиться в него.

Картины издевательских развлечений Троекурова с медведями и людьми кажутся списанными с натуры. Это соответствует действительности. Как известно, одним из прототипов самодура помещика, согласно картотеке пушкиноведа Б.Л. Модзалевского¹², был крупный землевладелец Рязанской и Тульской губерний, генерал-лейтенант в отставке Лев Дмитриевич Измайлов (1763–1836), практиковавший эти жуткие «увеселения», о которых Пушкин знал

Медведь в таборе. Рисунок в рукописи поэмы «Цыганы». 1824 г.

со слов своего друга Степана Жихарева и из других источников.

Жестоко убивший медведицу мужик из «Сказки о медведихе» оценил её шкуру в «50 рублёв», а пойманных медвежат — «по 5 рублёв», скорее всего собираясь их продать или какому-нибудь барину в зверинец, или скоморохам, или цыганам. Представления с дрессированными медведями, которых водили по городам и весям, по ярмаркам и базарам, были любимым развлечением публики. Медведя учили кланяться, танцевать, смешно представлять людей (модницу-барышню, пьяницу, городского и тому подобных), собирать плату за представление и другим трюкам. В наброске «Примечания к «Цыганам» А.С. Пушкин писал: «...они кочуют в России, как и в Англии; мужчины занимаются ремёслами, необходимыми для первых потребностей, торгуют лошадьми, водят медведей, обманывают и крадут, женщины промышляют воровской, пеньем и плясками».

Ручной медведь в поэме «Цыганы» — важный элемент картины вечернего табора:

*Горит огонь; семья кругом
Готовит ужин; в чистом поле
Пасутся кони; за шатром
Ручной медведь лежит на воле.*

На автоиллюстрации в черновом автографе поэмы «Цыганы» поэт изобразил стоящего на четырёх лапах медведя в ошейнике, а чуть ниже две цыганские кибитки–шатра. Медведь выглядит поджарым. Возможно, это не матёрый зверь, а совсем молодой¹³.

Принимая Алеко в табор, отец Земфиры предлагает ему:

*Примись за промысел любой:
Железо куй иль песни пой
И сёла обходи с медведем.*

Алеко приживается в таборе и, судя по тексту поэмы, становится вожатым цепного медведя, поведение которого описано очень ёмко:

*Медведь, беглец родной берлоги,
Косматый гость его шатра,
В селеньях, вдоль степной дороги,
Близ молдаванского двора
Перед толпою осторожной
И тяжко пляшет, и ревёт,
И цепь докучную грызёт.*

Герой повести «Барышня–крестьянка», помещик–англоман Григорий Иванович Муромский, называет «медведем и провинциалом» соседа Ивана Петровича Берестова, смеявшегося над неэффективными заграничными нововведениями. В сцене примирения соседей, повстречавшихся на опушке во время охоты Берестова, Пушкин обыгрывает это прозвище, так и не прилипшее к Ивану Петровичу: «Делать было нечего. Муромский, как образованный европеец, подъехал к своему противнику и учтиво его приветствовал. Берестов отвечал с таким же усердием, с каковым цепной медведь кланяется господам по приказанию своего вожатого». А вообще прозвище «медведь» имело другой оттенок смысла. Так называли либо физически сильных людей, либо неуклюжих увальней. От этих прозвищ, как известно, произошла фамилия Медведев.

В 1825 году Пушкин писал брату Льву, который читал в салонах неопубликованные стихи великого поэта, чем наносил ему материальный ущерб: «Об Вяземском получил известие. Перешли ему, душа моя, всё, что ты имеешь на бумаге и в памяти из моих новых сочинений. Этим очень обяжешь меня и загладишь пакости твоего чтењебесия. <...> Когда пошлешь стихи мои Вяземскому, напиши ему,

чтоб он никому не давал, потому что эдак меня опять обокрадут — у меня нет родительской деревни с соловьями и с медведями». Похожая шуточная фраза есть и в письме к П.А. Вяземскому. Отправляя к нему свою крепостную возлюбленную, беременную Ольгу Калашникову, в конце апреля — начале мая 1826 года поэт писал из Михайловского: «Приюти её в Москве и дай ей денег, сколько ей понадобится, а потом отправь в Болдино (в мою вотчину, где водятся курицы, петухи и медведи)». На самом деле в собственности у поэта не было богатого имения «с соловьями и медведями», ведь село Большое Болдино принадлежало не ему, а его отцу и дяде, а сельцо Михайловское — матери.

Иронический идиоматический оборот с упоминанием медведя Пушкин использовал в письме к историку, журналисту и издателю М.П. Погодину от 11 июля 1832 года по поводу издания журнала: «...я ни к чему приступить не дерзаю, ни к предложениям, ни к условиям, покамест порядком не осмотрюсь; не хочу продать Вам кожу медведя ещё живого...»

Другой образный иронический оборот великий поэт ввёл в стихотворение «Осень» (1833), написанное в Большом Болдине:

*Как весело, обув железом острым ноги,
Скользить по зеркалу стоячих, ровных рек!
А зимних праздников блестящие тревоги?..
Но надо знать и честь; полгода снег да снег,
Ведь это наконец и жителю берлоги,
Медведю, надоест. Нельзя же целый век
Кататься нам в санях с Армидами младыми
Иль киснуть у печей за стёклами двойными.*

Не обойдён вниманием медведь и в «Нравоучительных четверостишиях» Н.М. Языкова и А.С. Пушкина:

*Пчела ужалила медведя в лоб.
Она за соты мстит обидчику желала;
Но что же? умерла сама, лишившись жала.
Какой удел того, кто жаждет мести? — Гроб.*

* * *

Образ медведя в творчестве А.С. Пушкина тесно связан с народными верованиями, сказками, песнями, скоморошинами, обычаями и представлениями о медведе как хозяине леса, некогда тотемном животном. В сказочно-мистическом

сне Татьяны медведь выполняет функции дружки жениха и проводника в мир иной, подобно мифологическим героям Зефиру и Харону. Также в произведениях великого поэта отразились его наблюдения за медведями в неволе, знания особенностей медвежьей охоты с рогатиной и ножом, сведения о диких медвежьих забавах помещика Л.Д. Измайлова, одного из основных прототипов Троекурова в повести «Дубровский». Строки Пушкина проникнуты сочувствием к медведям, которых убивают или над которыми издеваются. Великий поэт употреблял слово «медведь» в сравнительных, идиоматических и иронических оборотах, а также как прозвище.

Ссылки и комментарии

¹ Лотман Ю.М. Пушкин. — СПб.: Искусство-СПБ, 1998. — С. 655–658.

² Связь сюжета сна Татьяны с сюжетами греческой и римской мифологии и литературы подробно исследована в работах: Тмарченко Н.Д. Сюжет сна Татьяны и его источники // Болдинские чтения. — Горький: Волго-Вятское книжное издательство, 1987. — С. 107–128; Маркович В.М. О мифологическом подтексте сна Татьяны // Болдинские чтения. — Горький: Волго-Вятское книжное издательство, 1981. — С. 72–73.

³ «Этот сон предвещает выход замуж, хоть и не за милого» (Потебня А.А. Переправа через реку как представление брака // Потебня А.А. Слово и миф. — М.: Правда, 1989. — С. 564).

⁴ Миллер В.Ф. Пушкин как этнограф // Этнографическое обозрение. — 1899. — № 1. — С. 178.

⁵ Азадовский М.К. Источники сказок Пушкина // Временник Пушкинской комиссии. — М.-Л.: Издательство АН СССР, 1936. — Вып. 1. — С. 156–160; Ковпик В.А. Фольклорные истоки «Сказки о медведихе» // Университетский пушкинский сборник. — М.: Издательство Московского университета, 1999. — С. 183–187.

⁶ Фомичёв С.А. О жанровой природе сказок Пушкина // Русская литература. — 2006. — № 1. — С. 5–11.

⁷ Народная поэзия Арзамасского края // Составитель Ю.А. Курдин. Кн. 1–2. — Арзамас: АГПИ, 2002–2003.

⁸ Бонди С.М. Комментарий к «Сказке о медведихе» // Пушкин А.С. Собрание сочинений: в 10 т. — М.: ГИХЛ, 1959–1962. — Т. 3. — С. 524–525.

⁹ Азадовский М.К. Источники сказок Пушкина... С. 156–159.

¹⁰ Ковпик В.А. Фольклорные истоки «Сказки о медведихе»... С. 187; Зуева Т.В. Сказки А.С. Пушкина. — М.: Просвещение, 1989. — С. 47–48.

¹¹ Фомичёв С.А. О жанровой природе сказок Пушкина... С. 5–6.

¹² <http://ro.pushkinskiydom.ru:80/object/65454573>. Изображения 14–21.

¹³ Есть ещё одно спорное изображение медведя в автографах А.С. Пушкина. Рисунок поэта в черновике стихотворения «Шумит кустарник... На утёс...» обычно определяют как изображение цепного медведя (см., например: Цявловская Т.П. Рисунки Пушкина. — М.: Искусство, 1983. — С. 34–35). На наш взгляд, правильным является мнение В.Д. Берестова, что это изображение волчонка (Берестов В.Д. Ранняя любовь Пушкина // Избранные произведения: в 2 т. — М.: Издательство им. Сабашниковых; Вагриус, 1998. — Т. 2.).

«Сущая обезьяна лицом...»

В своих произведениях А.С. Пушкин не обошёл вниманием экзотических животных и фауну юга России. Центральное место в этом разделе пушкинского мира фауны принадлежит обезьяне.

В 1823 году в шуточном стихотворении на французском языке «Мой портрет» великий поэт писал:

*Vrai démon pour l'espitèglerie,
Vrai singe par sa mine,
Beaucoup et trop d'étourderie.
Ma foi, voilà Pouchkine.*

Эти строки переводятся так:

*Сущий бес в проказах,
Сущая обезьяна лицом,
Много, слишком много ветрености —
Да, таков Пушкин.*

В Царскосельском лицее у поэта было несколько прозвищ: обезьяна, француз, «смесь обезьяны с тигром». Сам поэт запечатлел это в протоколе ежегодного собрания лицейцев 19 октября 1828 года, составляя список присутствующих: «...Пушкин — француз (смесь обезьяны с тигром)»¹. В этих прозвищах нашли отражение и отличное знание юным Пушкиным французского языка, и особенности внешности, и живость движений, и темперамент. Прозвища поэта были известны и в свете. В принципе они означают примерно одно и то же: с XVIII века французов называли обезьянами и, с лёгкой руки Вольтера, «tigre-singe» («смесь обезьяны и тигра»)².

Самого Вольтера называли «злой обезьяной» за его сатиры, резкие и остроумные. А.С. Пушкин в 1814 году в неоконченной поэме «Бова» (в подражание «Орлеанской девице» Вольтера) писал об этом, подчёркивая свою творческую связь с великим французом:

*О Вольтер! о муж единственный!
Ты, которого во Франции
Почитали богом неким,
В Риме дьяволом, антихристом,
Обезьяною в Саксонии!
Ты, который на Радищева
Кинул было взор с улыбкою,
Будь теперь моею музою!*

Характеризуя свою колоритную внешность, в которой были явно заметны черты африканских предков, в 1828 году великий поэт писал в стихотворении «To Dawe, Esqr»:

*Зачем твой дивный карандаш
Рисует мой арапский профиль?
Хоть ты векам его предашь,
Его освищет Мефистофель.*

Свой профиль Пушкин многократно запечатлел в рукописях и дамских альбомах. Иногда при этом он примеривал на себя образы героев произведений, в том числе животных — лошади³, собаки⁴. Теперь обратим внимание на портрет в черновом автографе начала III главы неоконченного романа «Арап Петра Великого» — на листе, где говорится об отношениях Ибрагима с царём. По мнению ряда исследователей⁵, на поле слева Пушкин начертил автопортрет в образе своего чернокожего предка А.П. Ганнибала. Действительно, есть сходство с поэтом и по форме глаза, и по характерному для профильных автопортретов разрезу ноздрей. Однако губы и нижняя челюсть сильно вытянуты вперёд и утяжелены, отчего нос кажется плоским, как у обезьяны. Это даёт основание предположить, что Пушкин изобразил себя не только в образе арапа, но и образе обезьяны, вспоминая своё лицейское прозвище, то есть три образа слились в одном автопортрете.

Ниже по тексту романа трижды фигурирует такое прозвище, но относится оно не к Ибрагиму Ганнибалу, а к другу последнего Ивану Евграфовичу Корсакову. Чванливый боярин Ржевский прозвал этого молодого человека «фран-

Рисунки в рукописи романа
«Арап Петра Великого».
1827 г.

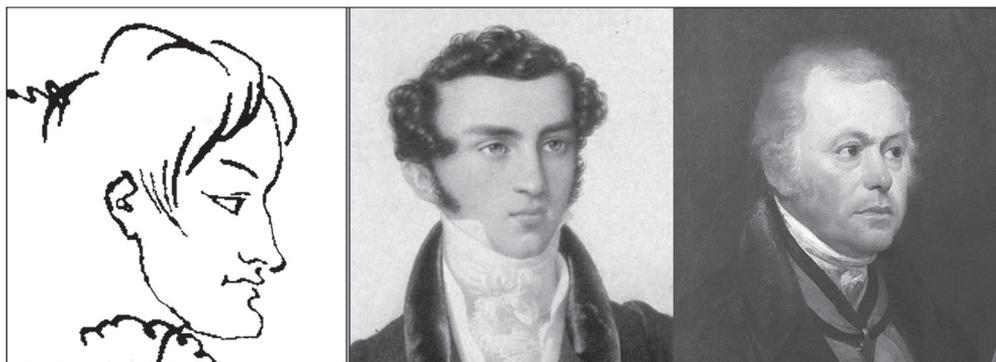
цузской обезьяной» за ловкость, щегольство и французские манеры. В разговорах Ржевский дважды называет Корсакова также «заморской обезьяной».

Иван Корсаков — персонаж неоднозначный. Легкомысленный вертопрах, он вдруг начинает проявлять глубокую проницательность в отношении будущего сватовства и возможного брака Ибрагима Ганнибала, давать ему умные советы, подобно опытному психоаналитику. По мнению литературоведа Н.Ф. Фортунатова, в уста Корсакова Пушкин вложил собственные мысли, «парафраз многих раздумий поэта о самом себе, его признаний в письмах и разговорах»⁶. Этот герой родственен поэту и мыслями, и прозвищем «французская обезьяна».

Над упоминаемым выше автопортретом в черновике есть ещё один профиль, который пушкиновед Р.В. Иезуитова определила как женский⁷. В каталоге атрибуций Р.Г. Жуйковой⁸ ошибочно указано, что Р.В. Иезуитова предположила, что это портрет Байрона. Однако она в своей статье писала о портрете на обороте листа 28 пушкинской тетради ПД № 836, а интересующие нас профили находятся на обороте листа 22. На наш взгляд, невозможно уверенно утверждать, что профиль над автопортретом Пушкина в образе арапа-обезьяны именно женский. Это может быть и портрет бреящего бороду и бакенбарды молодого мужчины, а намеченная причёска похожа скорее на мужскую.

Прослеживается определённое сходство в форме носа, губ, подбородка с портретами однокашника Пушкина Николая Александровича Корсакова (1800–1820) и некоторых других представителей рода Корсаковых, особенно генерала от артиллерии, сенатора Алексея Ивановича Корсакова (1751–1821). Николай Корсаков был кудряв, а у изображённого на портрете в рукописи Пушкина волосы прямые. Можно предположить, что Пушкин начертил профиль героя своей повести Ивана Корсакова, взяв за основу внешность на тот момент уже покойного лицейского друга и его родственника, а ниже изобразил себя в образе арапа-обезьяны, обыгрывая своё лицейское прозвище, «переадресованное» персонажу «Арапа Петра Великого».

А.С. Пушкин ещё в нескольких произведениях употребляет слово «обезьяна» в переносном, сатирическом смысле. Так, в знаменитом начале IV главы «Евгения Онегина» читаем:

Перевернутый по горизонтали портрет
из рукописи «Арапа Петра Великого»
и портреты Н.А. Корсакова и А.И. Корсакова

*Разврат, бывало, хладнокровный
Наукой славился любовной,
Сам о себе везде трубя
И наслаждаясь не любя.
Но эта важная забава
Достойна старых обезьян
Хвалёных дедовских времян:
Ловласов обветшала слава
Со славой красных каблуков
И величавых париков.*

Героиня повести «Рославлев» Полина возмущённо называет «светскую чернь» обезьянами просвещения, подчёркивая поверхностность увлечения французской культурой («Наши умники ели и пили в свою меру и, казалось, были гораздо более довольны ухом князя, нежели беседою *m-me de Staël...*»).

П.А. Вяземскому, горевавшему по поводу смерти своих маленьких сыновей, А.С. Пушкин писал из Михайловского в мае 1826 года: «Судьба не перестает с тобою проказить. Не сердись на неё, не ведает бо, что творит. Представь себе её огромной обезьяной, которой дана полная воля. Кто посадит её на цепь? не ты, не я, никто».

Обезьяны как собственно животные упоминаются Пушкиным в «Сцене из Фауста»:

*Корабль испанский трёхмачтовый,
Пристать в Голландию готовый:
На нём мерзавцев сотни три,*

*Две обезьяны, бочки злата,
Да груз богатый шоколата...*

В «Нравоучительных четверостишиях», сочинённых в 1826 году Н.М. Языковым и А.С. Пушкиным в качестве пародии на переводные апологи И.И. Дмитриева, фигурируют мартышка, крокодил и слон как типичные басенные животные:

*Мартышка, с юных лет прыжки свои любя,
И дряхлая ещё сквозь обручи скакала;
Что ж вышло из того? — лишь ноги изломала.
Поэт! На старости побереги себя!*

Мартышка

*«Познай, светлейший лев, смятения вину, —
Рек слон, — в народе бунт! повсюду шум и клики!»*

Непоколебимость

Страшатся щуки крокодила...

Сила и слабость

Здесь видовое название «мартышка» — синоним обезьяны вообще.

Несколько раз у Пушкина встречается верблюд как вьючное животное. Так, в неоконченном черновом наброске рецензии на «Путешествие к св. местам» А.Н. Муравьёва говорится о том, что паломник «...проникает в глубину пирамид, пускается в пустыню, оживлённую чёрными шатрами бедуинов и верблюдами караванов, вступает в обетованную землю, наконец с высоты вдруг видит Иерусалим...».

Неоднократно упоминаются верблюды в «Истории Пугачёва»: в тексте, примечаниях, архивных выписках. Так, в записи показаний М. Кожевникова указано, что Емельян Пугачёв носил жёлтый верблюжий армяк. А вот отрывок из главы 3, повествующей об осаде Оренбурга: «Оренбургские дела принимали худой оборот. С часу на час ожидали общего возмущения Яицкого войска; башкирцы, взволнованные своими старшинами (которых Пугачёв успел задарить верблюдами и товарами, захваченными у бухарцев), начали нападать на русские селения и кучами присоединяться к войску бунтовщиков». По-видимому, здесь речь о верблюдах, захваченных пугачёвцами при взятии Ильинской крепости. Как записал А.С. Пушкин в примечании

30 к главе 2, туда накануне зашёл хивинский караван из 30 верблюдов, а до этого у хивинцев 6 верблюдов были отбиты киргизцами. «Разграбя крепость, и навьюча на верблюды, там бывшие, тесаки, шубы и мундиры солдатские и добро офицерское, с артиллерией пошёл Пугачёв в Оренб.<ургскую> сторону...» — свидетельствовал М. Кожевников. А вот что говорится в показаниях сотника Якова Сутормина: «Верблюдов взяли из креп.<ости> 25». Таким образом, верблюды были не только вьючными животными, но и предметом наживы и дарения во время крестьянской войны.

В поэтических произведениях А.С. Пушкина верблюд — элемент кавказского пейзажа, придающий ему восточный колорит. В стихотворении «Обвал» (1829) описано, как ледяную глыбу обвала пробили воды Терека, образуя своеобразный мост:

*И путь по нём широкий шёл:
И конь скакал, и влётся вол,
И своего верблюда вёл
Степной купец...*

В «Путешествии Онегина» есть такая типичная картинка:

*Он видит: Терек своенравный
Крутые роет берега;
Пред ним парит орёл державный,
Стоит олень, склонив рога;
Верблюд лежит в тени утеса,
В лугах несётся конь черкеса...*

Помимо верблюда в этой пейзажной зарисовке присутствуют орёл, конь и олень. Олень неоднократно упоминается Пушкиным в описаниях южных горных видов. Вот строки из стихотворения «Кавказ» (1829):

*А там уже рощи, зелёные сени,
Где птицы щебечут, где скачут олени.*

Особенно точно описаны поведение и повадки оленя в следующем черновом наброске:

*Шумит кустарник... На утес
Олень весёлый выбегает,
Пугливо он подножный лес
С вершины острой озирает,
Глядит на светлые луга,
Глядит на синий свод небесный*

*И на днепровские берега,
Венчанны чащею древесной.
Недвижим, строен он стоит
И чутким ухом шевелит...*

*Но дрогнул он — незапный звук
Его коснулся — боязливо
Он шею вытянул и вдруг
С вершины прянул...*

Картинка очень живая, зримая. Жаль, что поэт не воплотил до конца свой замысел.

Сравнительные обороты с упоминанием оленя А.С. Пушкин дважды использовал, чтобы подчеркнуть настоящую или мнимую дикость, отчуждённость героя:

*Он как чужой; он целый день
В горах один; молчит и бродит.
Так в сакле кормленный олень
Всё в лес глядит; всё в глушь уходит.*

Тазит

*Мой сын не любит шумной, светской жизни;
Он дикого и сумрачного нрава —
Вкруг замка по лесам он вечно бродит,
Как молодой олень.*

Скупой рыцарь

Олень как предмет охоты льва упоминается в религиозно-философском наброске в образном сравнительном обороте:

*Напрасно я бегу к сионским высотам,
Грех алчный гонится за мною по пятам...
Так, ноздри пыльные уткнув в песок сыпучий,
Голодный лев следит оленя бег пахучий.*

Особенно часто «встречаются» грациозные олени (елени) в «Кавказском пленнике» при описании величественных горных пейзажей:

*Где изредка одни елени,
Орла послышав грозный крик,
Теснясь в толпу, шумят ветвями,
И козы лёгкими ногами
Перебегают по скалам.*

Животные помогают поэту нарисовать картину спокойной кавказской ночи:

*Елены дремлют над водами,
Умолкнул поздний крик орлов,
И глухо вторится горами
Далёкий топот табунов.*

Тревожное поведение оленей предвещает бурю:

*Уже приюта между скал
Елень испуганный искал...*

Сородичи оленя по отряду парнокопытных — серна и сайгак — упоминаются в поэме, чтобы не только «создать» кавказский пейзаж, но и передать напрасное ожидание русского пленника:

*Мелькнёт ли серна меж кустами,
Проскачет ли во мгле сайгак, —
Он, вспыхнув, загремит цепями,
Он ждёт, не крадется ль казак,
Ночной аулов разоритель,
Рабов отважный избавитель.*

С ловкими быстроногими сернами сравнивает Пушкин скачущих воинственных горцев:

*Как серны, скачут по горам,
Бросают смерть из-за утеса...*

Менее крупные по сравнению с благородным оленем лань и серна (горная коза) издавна считаются символом грациозности, быстроты и изящества. Эти животные стали своего рода «визитной карточкой» Марии Кочубей, героини поэмы А.С. Пушкина «Полтава»:

*Она стройна. Её движенья
То лебедя пустынных вод
Напоминают плавный ход,
То лани быстрые стремленья.*

Сравнение с ланью здесь подчёркивает порывистый, эмоциональный характер красавицы Марии.

Контрастное сравнение с серной усиливает впечатление тревожного ожидания исхода сватовства Мазепы к влюблённой в него Марии:

*Не серна под утёс уходит,
Орла послыша тяжкий лёт;
Одна в сеньях невеста бродит,
Трепещет и решенья ждёт.*

У постели Марии, безмятежно спящей накануне казни отца, Мазепа предаётся горьким рассуждениям о несчастной судьбе своей возлюбленной:

*Ах, вижу я: кому судьбою
Волненья жизни суждены,
Тот стой один перед грозой,
Не призывай к себе жены.
В одну телегу впрячь неможно
Коня и трепетную лань.*

Последнее иносказательное выражение стало популярным афоризмом.

Когда Мария, лишившись рассудка, убегает от Мазепы, поэт вновь сравнивает её с серной:

*И с диким смехом завизжала,
И легче серны молодой
Она вспрыгнула, побежала
И скрылась в темноте ночной.*

С «трепетной ланью» дважды сравнивает А.С. Пушкин другую свою любимую героиню — Татьяну. В XXV строфе II главы «Евгения Онегина» поэт вводит её в повествование:

*Дика, печальна, молчалива,
Как лань лесная, боязлива,
Она в семье своей родной
Казалась девочкой чужой.*

Когда на именины Татьяны неожиданно приезжает вместе с Ленским Онегин (XXX строфа V главы), друзей

*Сажают прямо против Тани,
И, утренней луны бледней
И трепетней гонимой лани,
Она темнеющих очей
Не подымает: пьшет бурно
В ней страстный жар; ей душно, дурно...*

Здесь сравнение усиливает рифма «Тани — лани». Оба сравнения Татьяны с ланью создают впечатление застенчивости и эмоциональности юной героини.

* * *

Упомянутые А.С. Пушкиным экзотические животные имеют определённое значение для восприятия смысла произведений. Слово «обезьяна» употребляется, как правило, в

переносном смысле. В черновой рукописи неоконченного романа «Арап Петра Великого» А.С. Пушкин, возможно, нарисовал автопортрет в образе арапа и обезьяны, обыгрывая своё лицейское прозвище и африканское происхождение прадеда. Мартышка, крокодил и слон в «Нравоучительных четверостишиях» — типично басенные животные. Верблюд в основном упоминается в «Истории Пугачёва» как вьючное животное, а в стихах — как элемент южного пейзажа. Названия парнокопытных животных юга России — оленей, ланей, серн, сайгаков — поэт чаще всего использует в сравнительных оборотах и пейзажных зарисовках, описывая состояние природы, или душевную настрой героев произведений, или их внешность и характер.

Ссылки и комментарии

¹ Рукою Пушкина. Несобранные и неопубликованные тексты. — М.–Л.: Academia, 1935. — С. 733.

² *Лотман Ю.М.* «Смесь обезьяны с тигром» // *Лотман Ю.М.* Пушкин. — СПб.: Искусство–СПБ, 1998. — С. 329–332.

³ *Егорова Е.Н.* «Ретив и смирен верный конь»: лошади в жизни и творчестве А.С. Пушкина // Настоящее издание. С. 5–32.

⁴ *Егорова Е.Н.* Мир фауны в творчестве А.С. Пушкина: «Пёс за ней — бежит, ласкаясь...» // Настоящее издание. С. 33–56.

⁵ *Иезуитова Р.В.* Рабочая тетрадь Пушкина ПД № 836: история заполнения // Пушкин: Исследования и материалы. — Л.: Наука, 1991. — Т. 14. — С. 126; *Эфрос А.М.* Автопортреты Пушкина. — М.: Гослитмузей, 1945. — С. 134; *Фомичёв С.А.* Графика Пушкина. — СПб.: Пушкинский дом, 1993. — С. 8–9.

⁶ *Фортунатов Н.Ф.* Филологический детектив. — Большое Болдино, Саранск, 2011. — С. 146.

⁷ *Иезуитова Р.В.* Рабочая тетрадь Пушкина ПД № 836... С. 128.

⁸ *Жуйкова Р.Г.* Портретные рисунки Пушкина. Каталог атрибуций. — СПб.: Дмитрий Буланин, 1996. — С. 874.

«Белка там живёт ручная...»

Зверьки семейства грызунов и другие мелкие дикие животные не такие частые «гости» на страницах сочинений А.С. Пушкина, как лошади, кошки, собаки и медведи. Чаще других грызунов поэт упоминает белок и зайцев — по 15 раз, мышей (мышат) — 10 раз и крыс — 5 раз. Остальные «гостят» в его произведениях ещё реже.

Чудесница белка

Самая яркая героиня — белочка в «Сказке о царе Салтане...», где это животное упоминается несколько раз. Впервые о чудесном зверьке говорит Бабариха:

*Знайте, вот что не безделка:
Ель в лесу, под елью белка,
Белка песенки поёт
И орешки всё грызёт,
А орешки не простые,
Все скорлупки золотые,
Ядра — чистый изумруд;
Вот что чудом-то зовут...*

По просьбе князя Гвидона царевна Лебедь переносит чудо к его дворцу:

*Лишь ступил на двор широкий —
Что ж? под ёлкою высокой,
Видит, белочка при всех
Золотой грызёт орех,
Изумрудец вынимает,
А скорлупку собирает,
Кучки равные кладёт
И с присвисточкой поёт
При честном при всём народе:
Во саду ли, в огороде.*

<...>

*Князь для белочки потом
Выстроил хрустальный дом.
Караул к нему приставил
И притом дьяка заставил
Строгий счёт орехам вести.
Князю прибыль, белке честь.*

Следующее упоминание ручной белки содержит новые подробности её жизни в хрустальном домике под елью у дворца:

*Слуги белку стерегут,
Служат ей прислугой разной —
И приставлен дьяк приказный
Строгий счёт орехам весть;
Отдаёт ей войско честь;
Из скорлупок льют монету
Да пускают в ход по свету;
Девки сыплют изумруд
В кладовые, да под спуд...*

По ходу сказки белочка всё больше обретает волшебных черт, как бы очеловечивается. Вот какой её видит царь Салтан, приехавший погостить к Гвидону:

*Царь ступил на двор широкий:
Там под ёлкою высокой
Белка песенку поёт,
Золотой орех грызёт,
Изумрудец, вынимает
И в мешочек опускает;
И засеян двор большой
Золотою скорлупой.*

Основным источником «Сказки о царе Салтане...» послужила Пушкину запись со слов его няни Арины Родионовны, сделанная в Михайловском в конце 1824 года. Но вместо чуда с белочкой там было другое: «за морем стоит гора, и на горе два борова, боровы грызутся, а меж ими сыплется золото да серебро». Замена оказалась гораздо милее и симпатичнее.

Неслучайно белочка поёт русскую народную песенку, ведь это подлинно фольклорный персонаж. Белка в народном сознании связана с понятиями ума, изящности, ловкости, трудолюбия, благополучия. В пословицах и поговорках она вызывает в основном приятные ассоциации.

Однако в народных сказках чудесницы белки, подобной пушкинской, нет. Знаток сказок М.К. Азадовский считал источник этого образа невыясненным¹. Можно в основном согласиться с этим мнением, но с небольшими поправками. Некоторые прообразы белочки всё-таки можно найти в русских сказках и скандинавских сказаниях. Так, в 1908 году

Н.Е. Ончуков издал сборник «Северные сказки», где опубликована записанная в Архангельской губернии и кое в чём похожая на «Сказку о царе Салтане...» сказка «Фёдор–царевич, Иван–царевич и их оклеветанная мать». В ней имеется необычная героиня: «...среди моря есть остров, на острове есть сосна, на этой сосне ходит белка, на вершиночку идёт, песенки поёт, на комелёк идёт, сказки сказывает и старины поёт. У этой белки на хвосту байна², под хвостом море, в байне вымоешься, в море выкупаешься; то утеха, то забава»³. Вот такая «космическая» белка, поющая песенки, подобно пушкинскому «коту учёному». Неизвестно, знал ли эту или подобную сказку А.С. Пушкин. Кроме того, на сказителей могла оказать определённое влияние и сама «Сказка о царе Салтане...».

Белка из сборника «Северные сказки» по сути больше связана с образом германо–скандинавской мифологии — белкой Рататоск (Грызозуб), бегающей по стволу Мирового древа Иггдрасиля вверх–вниз и переносящей бранные слова. С Рататоск порой связывают и пушкинскую белочку, но на наш взгляд, эта связь уж очень отдалённая.

Можно провести определённые аналогии между скандинавским сказанием и отрывком из «Слова о полку Игореве»: «Боянъ бо вещей, аще кому хотяше песнь творити, то растекашется мыслию по древу, серымъ вълкомъ по земли, шизымъ орломъ подъ облакы». Есть мнение, что здесь описка: вместо «мыслию» надо писать «мысью», то есть «белкой» на одном из диалектов⁴. Согласно другому мнению, описки здесь нет, но есть связь с образом белки: «Мыслию или мысью (белкой) взмывал Боян по Мировому Древу? Кажется, все-таки мыслию, ведь и само Древо названо в поэме мысленным. Значит, править мысль на мысь нельзя. Но необходимо ощущать присутствие этой самой белки–мыси, иначе нарушается эмблемная триада Мирового Древа, известная по скандинавской поэзии: орёл — белка — волк»⁵. Известно мнение А.С. Пушкина на этот счёт, высказанное в статье «Песнь о полку Игореве»: «Здесь полагаю описку, или даже поправку, впрочем, незначительную: растекашется мыслию по древу — тут пропущено слово славием, которое довершает уподобление...» Великий поэт здесь имел в виду соловья, поэтому упомянутый фрагмент «Слова о полку Игореве» не мог ему послужить источником для образа чудесной белочки.

В старинном заговоре, записанном в Олонецкой губернии в XVII веке, фигурирует золотая белка: «*На мху стоит сосна золотая, на сосне золотой белка золотая...*»⁶ Слышал ли Пушкин этот заговор или нет, неизвестно. Во всяком случае, ни одна из упомянутых выше сказочно-мифических белок орешки не грызёт. Источником великому поэту в этом отношении могла послужить народная поговорка: «Где белка, там и орешки».

Таким образом, чудесница и затейница белочка, грызущая золотые орешки с изумрудными ядрами, — это оригинальный литературный образ, введённый самим поэтом, который, возможно, опирался на отдалённые народные источники.

«Белочка-княгинечка» и другие зверьки

Иное упоминание белки находим в «Сказке о медведихе», написанной в 1830 году в Болдине. Одной из первых почувствовать горюющему медведю приходит «белочка-княгинечка». Почему в этой сказке, проецируя мир людей на мир зверей, Пушкин ассоциирует белку с богатой княгинечкой, а не с кем-то из среднего или бедного сословия? Может быть, потому, что это красивый, изящный пушной зверёк с пышным хвостом. В народе бытует пословица: «Ох, непрост беличий хвост». «Белочка-княгинечка» — своего рода предшественница белки из «Сказки о царе Салтане...», которой войско отдаёт честь, как знатной богатой боярыне.

В «Сказке о медведихе» среди гостей, пришедших к медведю, потерявшему медведиху и медвежат, много грызунов и других мелких лесных животных, «распределённых по условиям» по разным признакам, в основном по внешности, повадкам и образу жизни:

*Приходил тут бобр, торговый гость,
У него-то, бобра, жирный хвост.
Приходила ласточка-дворяночка,
Приходила белочка-княгинечка,
Приходила лисица-подъячиха,
Подъячиха-казначейша,
Приходил скomorox-горностаюшка,
Приходил байбак тут игумен,*

*Живёт он, байбак, позадь гумен.
Прибегал тут зайка-смерд,
Зайка бедненькой, зайка серенькой.
Приходил целовальник-ёж,
Всё-то, ёж, он ёжится,
Всё-то он щетинится.*

Среди зверей, причисленных к высшему сословию, «белочка-княгинечка», пожалуй, персонаж самый симпатичный. Тут и бобёр в образе купца (бобровые шубы — признак богатства, роскоши), и хищная острозубая ласка («ласточка-дворяночка»), и толстый байбак (сурок) игумен, располневший на чужих гумнах, и вредный щетинящийся целовальник (то есть кабатчик — содержатель кабака и сборщик податей) ёж. Исключением кажется «скоморох-горностаюшка», ведь горностаевый мех использовался для отделки богатых мантий, а сам зверёк был символом некоторых королевских родов Европы. Однако в пушкинской сказке роль скомороха ему отведена, скорее всего, за повадки: ловкость и подвижность, смелость, способность при опасности громко чирикать, стрекотать и даже лаять. *«Замыкает перечисление «зайка-смерд» — крестьянин, на стороне которого явное сочувствие сказочника («зайка бедненькой, зайка серенькой»).* Приём подобного уподобления подсказан народным шуточно-сатирическим «Сказанием о птицах», — считает литературовед Д.Д. Благой, — *но сами даваемые Пушкиным параллели вполне оригинальны и приведены в довольно стройную систему. Перед нами словно бы предстаёт в вертикальном разрезе социальная структура крепостнического общества, основные его сословия и состояния, расположенные в нисходящем порядке и характеризующиеся с чисто народным юмором»⁷.*

Ежа великий поэт упоминает также в V главе «Евгения Онегина», перечисляя персонажи и обстоятельства мистического сна, которые Татьяна ищет в популярной книге с толкованием снов, приписываемой Мартыну Задеке. Однако в самом содержании сна Татьяны ёж отсутствует. Только в первом издании в строфе XVII он наличествовал в первом же стихе: *«Там суетливый ёж в ливрее...»* В черновых вариантах было:

*Там крысы в розовой ливрее
Там петухи в цветной ливрее
Там ворон в голубой ливрее*

Но в окончательной редакции никаких «чудищ в ливрее» поэт не оставил, может быть, потому, что они не казались такими уж страшными и необычными. По мере изменения состава чудовищ Пушкин менял и список того, что ищет Татьяна в «Соннике», однако ежа оставил. Возможно, это сделано намеренно, чтобы показать, что Татьяна видела во сне гораздо больше чудовищ, чем перечислено в тексте романа.

«Быстрый заяц»

В произведениях и письмах великого поэта прослеживается разное отношение к зайцу: сочувствие и симпатия («Сказка о медведихе», «Сказка о попе и о работнике его Балде», «Евгений Онегин»); негодование на зайца, перебежавшего дорогу, как на дурную примету (в письмах); пренебрежение к трусливым или косоглазым людям, сравниваемым с зайцем («Руслан и Людмила», «Дубровский», «Евгений Онегин»), и нейтральное — к зайцу как предмету охоты («Граф Нулин», «Зима. Что делать нам в деревне?..», «Барышня-крестьянка», «Дубровский» и другие).

Симпатией к зайкам проникнут эпизод из «Сказки о попе и о работнике его Балде»:

*Пошёл Балда в ближний лесок,
Поймал двух зайков да в мешок.
К морю опять он приходит,
У моря бесёнка находит.
Держит Балда за уши одного зайку:
«Попляши-тка ты под нашу балалайку;
Ты, бесёнок, ещё молоденок,
Со мною тягаться слабенок;
Это было б лишь времени трата.
Обгони-ка сперва моего брата.
Раз, два, три! догоняй-ка».
Пустились бесёнок и заяка:
Бесёнок по берегу морскому,
А заяка в лесок до дому.
Вот, море кругом обежавши,
Высунув язык, мордку поднявши,
Прибежал бесёнок задыхаясь,
Весь мокрёшенек, лапкой утираясь,*

*Мысля: дело с Балдою сладит,
Глядь — а Балда братца гладит,
Приговаривая: «Братец мой любимый,
Устал, бедняжка! отдохни, родимый».*

К этому эпизоду в рукописи поэта имеется прекрасная автоиллюстрация, где наличествуют три основных героя — Балда, бесёнок и зайчик.

В LX строфе III главы «Евгения Онегина» душевное состояние Татьяны перед объяснением с Онегиным поэт сравнивает с состоянием трепещущего зайчика:

*Так зайчик в озиме трепещет,
Увидя вдруг издалика
В кусты припадшего стрелка.*

А в VI строфе V главы Пушкин пишет о суеверности Татьяны, придав ей в этом отношении собственные черты:

*Когда случалось где-нибудь
Ей встретить чёрного монаха
Иль быстрый заяц меж полей
Перебежал дорогу ей,
Не зная, что начать со страха,
Предчувствий горестных полна,
Ждала несчастья уж она.*

Этим же приметам верил и сам поэт. Вот что он писал жене 14 сентября 1833 года из Симбирска в Петербург: «Опять я в Симбирске. Третьего дня, выехав ночью, отправился я к Оренбургу. Только выехал на большую дорогу, заяц перебежал мне её. Чёрт его побори, дорого бы дал я, чтоб его затравить. На третьей станции стали закладывать мне лошадей — гляжу, нет ямщиков — один слеп, другой пьян и спрятался. Пошумев изо всей мочи, решил я возвратиться и ехать другой дорогой; по этой на станциях везде по шесть лошадей, а почта ходит четыре раза в неделю. Повезли меня обратно — я заснул — просыпаюсь утром — что же? не отъехал я и пяти вёрст. Гора — лошади не взвезут — около меня человек 20 мужиков...» А вот строки из письма от 2 сентября 1833 года из Болдина в Санкт-Петербург: «Въехав в границы болдинские, встретил я попов и так же озлился на них, как на симбирского зайца. Недаром все эти встречи».

В конце 1825 года, узнав о кончине императора Александра I, Пушкин собрался в Петербург, уже выехал, но

Автоиллюстрация
к «Сказке о попе и о работнике его Балде». 1830 г.

дурные приметы — встреча со священником и зайцы, перебежавшие ему дорогу, — заставили поэта воротиться назад. Он рассказывал об этом многим друзьям, которые в своих воспоминаниях по-разному передавали этот эпизод, расходясь в некоторых деталях и количестве зайцев. Вот отрывок из воспоминаний М.И. Осиповой, дочери владелицы имения Тригорское: *«На другой день — слышим, Пушкин быстро собрался в дорогу и поехал; но, доехав до погоста Врева, вернулся назад. Гораздо позднее мы узнали, что он отправился было в Петербург, но на пути заяц три раза перебежал ему дорогу, а при самом выезде из Михайловского Пушкину попалось навстречу духовное лицо. И кучер, и сам барин сочли это дурным предзнаменованием, Пушкин отложил свою поездку в Петербург, а между тем подоспело известие о начавшихся в столице арестах, что окончательно отбило в нём желание ехать туда»*⁸. Из статьи С.А. Соболевского «Таинственные приметы в жизни Пушкина» известно, что поэт собирался остановиться у декабриста Кондратия Рылеева. Мемуарист передаёт рас-

Бегущий зверь (заяц?). Автоиллюстрация в черновике стихотворения «Анчар». 1828 г.

Бегущие зайцы. Современные фотографии

сказ самого поэта: «Я рассчитывал приехать в Петербург поздно вечером, чтоб не огласился слишком скоро мой приезд, и, следовательно, попал бы к Рылееву прямо на совещание 13 декабря. Меня приняли бы с восторгом; вероят-

но, я <...> попал бы с прочими на Сенатскую площадь и не сидел бы теперь с вами, мои милые!»⁹

В.И. Даль описывает решение Пушкина воротиться в других тонах: «Отъехав немного от села, Пушкин стал уже раскаиваться в предприятии этом, но ему совестно было от него отказаться, показаться малодушным. Вдруг дядька указывает с отчаянным возгласом на зайца, который перебежал впереди коляски дорогу; Пушкин с большим удовольствием уступил убедительным просьбам дядьки, сказав, что, кроме того, позабыл что-то нужное дома, и воротился»¹⁰.

Сколько было перебежавших поэту дорогу зайцев — один, два или три — не так уж важно. Главное, вера в дурные приметы уберегла Пушкина от крупных неприятностей.

Яркое пренебрежительное сравнение трусливого Фарлафа с зайцем, убегающим от охотника, поэт применил в поэме «Руслан и Людмила»:

*Фарлаф, узнавши глас Рогдая,
Со страха скорчась, обмирал
И, верной смерти ожидая,
Коня ещё быстрее гнал.
Так точно заяц торопливый,
Прижавши уши боязливо,
По кочкам, полем, сквозь леса
Скачками мчится ото пса.*

Характеристика этого персонажа находится в соответствии с русской поговоркой: «Блудлив, как кошка, а труслив, как заяц».

Может быть, впечатление о быстро несущихся зайцах нашло отражение в рисунке на полях черновика стихотворения «Анчар». Там изображён бегущий зверь, вероятно, от ядовитого анчара, очень похожий именно на зайца: достаточно сравнить это изображение с современными фотографиями бегущих зайцев.

Псовая охота на зайцев как одно из любимых развлечений дворянства описана во многих произведениях Пушкина:

«Кирила Петрович оделся и выехал на охоту с обыкновенной своею пышностию, но охота не удалась. Во весь день видели одного только зайца и того протравили».

Дубровский. Глава I

Наташа, там у огорода
Мы затравили русака.
Граф Нулин

Кружимся, рыскаем и поздней уж порой,
Двух зайцев протравив, являемся домой.
«Зима. Что делать нам в деревне?..»

«Берестов и стремянный закричали во всё горло, пусти-
ли собак и следом поскакали во весь опор. Лошадь Муромско-
го, не бывавшая никогда на охоте, испугалась и понесла».

Барышня-крестьянка

Да, верь ему. Когда князя трудятся,
И что их труд? травить лисиц и зайцев...
Русалка. Берег Днепра. Мельница

«11 — погода ясная. Пороша. Затравил 3 зайцев...»
История села Горюхина

Обидные «заячьи» прозвища или обзывалки порой по-
лучали люди с физическими недостатками. Пример это-
го находим в романе «Дубровский» в сцене с «сигнальным»
кольцом Маши Троекуровой, опущенным её братом в дупло:
«Окончив дело благополучно, хотел он тот же час донести
о том Марье Кириловне, как вдруг оборванный мальчишка,
рыжий и косой, мелькнул из-за беседки, кинулся к дубу и за-
пустил руку в дупло. Саша быстрее белки бросился к нему
и зацепился за его обеими руками».

— Что ты здесь делаешь? — сказал он грозно.

— Тебе какое дело? — отвечал мальчишка, стараясь от
него освободиться.

— Оставь это кольцо, рыжий заяц, — кричал Саша, —
или я проучу тебя по-свойски».

«Жизни мышья беготня...»

В октябре 1825 года П.А. Вяземский в письме критико-
вал Пушкина за то, что великий поэт назвал И.А. Крылова
«представителем духа русского народа» в статье «О предис-
ловии г-на Лемонте к переводу басен Крылова». 7 ноября

1825 года любивший творчество нашего баснописца Пушкин отвечал ему цитатой из басни Крылова «Совет мышей»: «Ты уморительно критикуешь Крылова; молчи, то знаю я сама, да эта крыса мне кума».

В «Послании к Дельвигу» («Прими сей череп, Дельвиг, он...») речь идёт о черепе его прадеда, который был украден неким студентом в Риге. Вот описание каморки этого студента:

*Полуизмаранный альбом,
Творенья Фихте и Платона
Да два восточных лексикона
Под паутиною в углу
Лежали грудой на полу, —
Предмет занятий разнородных
Учёного да крыс голодных.*

В лицейском стихотворении «Городок» подобного же сравнения удостоилась полка слабых произведений в «школьной» библиотеке Пушкина:

*Кладбище обрели
На самой нижней полке
Все школьнически толки,
Лежащие в пыли,
Визгова сочиненья,
Глупона псалмопенья,
Известные творенья
Увы! одним мышам.
Мир вечный и забвенья
И прозе и стихам!*

Точно неизвестно, кого «зашифровал» поэт под именами Визгова и Глупона. По мнению комментаторов стихотворения, возможно, это Степан Иванович Висковатов (1786–1831), член «Беседы любителей русского слова», драматург, поэт и переводчик (писал затянутые произведения, не отличающиеся оригинальностью образов), и поэт Семён Сергеевич Бобров (1767–1810), автор напыщенных «сентиментальных» стихов.

Маленькие юркие мыши и мышата в основном упоминаются поэтом для обозначения чего-то мелкого, ничтожного:

*«Родила царица в ночь
Не то сына, не то дочь;
Не мышонка, не лягушку,*

А неведому зверюшку».

Сказка о царе Салтане...

*Нет, решено — пойду искать управы
У герцога: пускай отца заставят
Меня держать как сына, не как мышшь,
Рождённую в подполье.*

Скупой рыцарь

От тигра гибнет волк, а кошка ест мышей...

Сила и слабость

В письме жене от 30 сентября 1832 года Пушкин писал: «С Нащокиным вижусь всякий день. У него в домике был пир: подали на стол мышонка в сметане под хреном в виде поросёнка. Жаль, не было гостей. По своей духовной домик этот отказывает он тебе». Знаменитый миниатюрный домик Наталье Николаевне не достался, поскольку П. В. Нащокин вынужден был его продать из-за долгов. Теперь этот раритет экспонируется в музее-квартире А. С. Пушкина в Санкт-Петербурге.

В «Стихах, сочинённых во время бессонницы» в Болдине в 1830 году, поэт применил образ «жизни мышья беготня» для обозначения мелочной суетливости буден:

*Парки бабье лепетанье,
Спящей ночи трепетанье,
Жизни мышья беготня...
Что тревожишь ты меня?*

Этот на первый взгляд простой «бытовой» образ нельзя воспринимать в отрыве от содержания четверостишия, где он контрастирует с высокими образами судьбы. Вместо первой строки в черновиках был даже апокалипсический «Топот бледного коня», потом пониженный до образа лепетания античной парки — богини судьбы. «Подобное ироническое переосмысление мифологического образа судьбы погружает высокое в повседневное, вечное в сиюминутное, соединяя тем самым образную картину первой и третьей строк, где круг высоких вечных тем вовлекается в бытовую область окружающей нас действительности»¹¹.

В стихотворении «Мирская власть», которое при жизни Пушкина не печаталось, поэт негодует по поводу того, что у

Распятия ставили часовых. По одним сведениям, это было в Страстную пятницу у плащаницы в Казанском соборе в Санкт–Петербурге, а по свидетельству О.А. Смирновой–Россет, часовых поставили в зале Эрмитажа у картины «Распятие» К.П. Брюллова¹². Возможно, оба этих обстоятельства имели место и дали толчок к написанию произведения, где мыши с иронией упоминаются в одном из стихов:

*К чему, скажите мне, хранительная стража,
Или распятие — казённая поклажа,
И вы боитесь воров или мышей?
Иль мните важности придать Царю царей?*

В поэме «Анджело» лукавый герой, получив власть, приводит в действие давно забытый закон о смертной казни за прелюбодеяние:

*Пора нам зло пугнуть. В балованном народе
Преобразились привычки уж в права
И шмыгают кругом Закона на свободе,
Как мыши около зевающего льва...*

Можно предположить здесь намеренный контраст с басней Эзопа «Лев и мышь», в которой лев милостиво отпускает пойманную мышку, а та ему платит добром: перегрызает узлы сетки, в которую попадается царь зверей. Ханжа Анджело поступает наоборот: и не думает отпустить «провинившегося» Клавдио, брата послушницы Изабеллы, требуя за помилование близости с девушкой. Узнавший об этом правитель Дук возвращается на трон и хочет казнить злодея, но по просьбе Изабеллы всё–таки милует его.

Встречается в произведениях поэта одно «крысиное» ругательство. В повести «Капитанская дочка» недовольные, готовые взбунтоваться казаки обзывают капитана Мирнова за его верность присяге гарнизонной крысой, угрожая ему расправой.

Другие упоминания крыс носят в основном иронический характер. В стихотворении «Рефутация¹³ г–на Беранжера» поэт писал:

*Ты помнишь ли, как царь ваш от угара
Вдруг одурел, как бубен гол и лыс,
Как на огне московского пожара
Вы жарили московских наших крыс?*

Стихи направлены против бонапартистской песни, которую Пушкин приписывал французскому поэту Пьеру–

Жану де Беранже, но которая в действительности принадлежит поэту Полю-Эмилю Дебро.

В стихах «Марко Якубович» из цикла «Песни западных славян» говорится о вурдалаке, которого прогоняли из дома молитвами. В первый раз он вошёл великаном, второй раз — высоким человеком. И далее:

*В третий день вошёл карлик малый, —
Мог бы он верхом сидеть на крысе...*

Кошки-мышки

Любовный флирт в черновом варианте XIV строфы I главы «Евгения Онегина» Пушкин уподобляет охоте кота на мышей:

*Так резвый баловень служанки,
Амбара страж, усатый кот
За мышью крадется с лежанки,
Протянется, идёт, идёт,
Полузажмурясь, подступает,
Свернётся в ком, хвостом играет,
Готовит когти хитрых лап
И вдруг бедняжку цап-царап.*

Ю.М. Лотман в комментариях отметил: «Образ кота как изображение хитрого волокиты находит близкое соответствие в «Орлеанской девственнице» Вольтера»¹⁴. На наш взгляд, здесь налицо также собственные наблюдения поэта, во всяком случае, пушкинские образы гораздо более живые, яркие, если сравнить с вольтеровскими (в переводе Н.М. Лозинского):

*Он очень ловко расспросил прислугу.
Где спит Агнесса, где её покой,
Всё осторожным взглядом замечая,
Как кошка, что идёт, подстерегая
Застенчивую мышку, чуть ступая
Неслышною походкой воровской,
Глазами блещет, коготки готовит
И, жертву увидав, мгновенно ловит...*

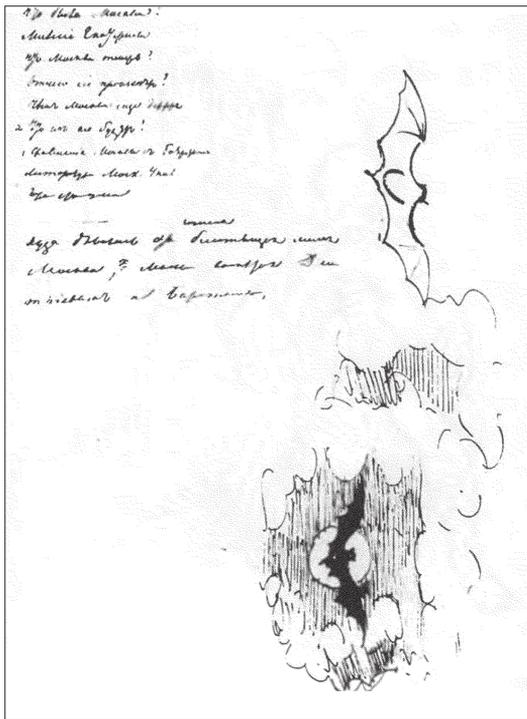
Однако в окончательную редакцию романа «Евгений Онегин» строки о коте и мышке не вошли и потом в слегка отредактированном варианте переключались в поэму «Граф

«Дон Жуан» (С.Д. Киселёв), кошечка (Ел. Н. Ушакова)
и пойманные крысят. Рисунок А.С. Пушкина
в альбоме Ел. Н. Ушаковой. 1829 г.

Нулин», где оказались весьма уместны при описании нескромного приключения графа, так и «не поймавшего мышку» — Наталью Павловну. Этот приём переключения планов — в данном случае отношений между людьми в мир животных — поэт применял ещё в отроческом возрасте, когда писал свою первую поэму «Толиада» в подражание «Генриаде» Вольтера. Там он перевёл отношения при королевском дворе в план отношений между королевскими карликами и карлицами.

Игре в кошки–мышки П.А. Вяземский уподобил ухаживания свои и Пушкина за двумя дамами. 3 мая 1828 года он писал жене: «После был я у Олениной, праздновали день рождения старушки. У них очень добрый дом. Мы с Пушкиным играли в кошку и мышку. Т.е. волочились за Зубовой–Щербатовой, сестрою покойницы Юсуповой, которая похожа на кошку, и за малюткою Олениной, которая мала и резва, как мышь»¹⁵. Заметим, что если для Вяземского ухаживания за Натальей Павловной Зубовой, урождённой княжной Щербатовой (1801–1868), были обычным светским волокитством, то Пушкин серьёзно влюбился в Анну Алексеев-

Виньетки с летучими мышами
в черновике «Путешествия из
Москвы в Петербург». 1834 г.

ну Оленину (1807–1888), младшую дочь Алексея Николаевича и Елизаветы Марковны Олениных, соби́рался на ней жениться и посвятил ей большой цикл стихотворений. Этот брак не состоялся, поскольку Анна не любила поэта, а её родители не хотели выдавать дочь за Пушкина¹⁶.

Пушкин по-доброму подтрунивал над московской знакомой Ел. Н. Ушаковой, влюблённой в своего будущего мужа С.Д. Киселёва, рисуя в её альбоме картинку с кошками и представляя жениха Дон Жуаном. «Иногда Пушкин называл Елизавету Николаевну «кисанькой» и, согласно с таким названием, нарисовал на одном листке альбома кошку, которой придан профиль его обладательницы, у её ног лежат трупы двух крыс, а вдали победоносно шествует очень маленького роста Дон-Жуан, на которого «кисанька» ласково поглядывает»¹⁷.

В общем, девушка на картинке представлена кошечкой очень добычливой, но добыча её больше похожа на мышей или крысят, если учитывать относительные размеры их и кошечки. Возможно, Пушкин здесь намекает на то, что Елизавета Николаевна, подобно мышкам, своего Дон Жуана «поймала коготками любви» и навсегда очаровала его.

Мыши, но не грызуны, а летучие, изображены в черновике плана «Путешествия из Москвы в Петербург». Это переписки книжных виньеток. Точно определить невозможно, почему они появились в рукописи и имеют ли к ней прямое отношение, но думается, эти виньетки связаны с образом ночи, ведь летучие мыши — ночные животные, хорошо ориентирующиеся в темноте.

В тексте произведения есть фрагмент, посвящённый деятельности М.В. Ломоносова, и в частности созданию уникального прибора, предшественника современных приборов ночного видения. Великий поэт цитирует рабочий рапорт великого учёного: *«В физике. 1) Изобретён мною новый оптический инструмент, который я назвал никтоптической трубою (tubus noctopticus); оный должен служить к тому, чтобы ночью видеть можно было. Первый опыт показывает на сумерках ясно те вещи, которые простым глазам не видны, и весьма надеяться можно, что старанием искусных мастеров может простереться до такого совершенства, какого ныне достигли телескопы и микроскопы от малого начала»*.

* * *

Таким образом, грызуны и мелкие дикие животные играют определённую роль в произведениях великого поэта, иногда немаловажную. Самым ярким и оригинальным является образ чудесницы белочки в «Сказке о царе Салтане...». Очень интересны и колоритны образы зверьков в «Сказке о медведихе», «спроецированные» на людское общество. Образы и сравнения, связанные с мелкими животными — мышами, крысами, зайцами, — чаще носят иронический характер, но иногда у поэта встречаются сравнения с оттенками сочувствия. Вера в дурную примету, связанную с зайцем, перебежавшим дорогу, в 1825 году заставила поэта отказаться от опасной поездки из Михайловского в Петербург накануне восстания декабристов.

Ссылки и комментарии

¹ Азадовский М.К. Источник сказок Пушкина // Временник пушкинской комиссии. Вып. 1. — М.-Л., 1936. — С. 152.

² Байна (диалект.) — баня.

³ Ончуков Н.Е. Северные сказки: Архангельская и Олонецкая губернии. — СПб., 1908. — Сказка 5-я.

⁴ Мавродин В.В. Одно замечание по поводу «мыси» или «мысли» в «Слове о полку Игореве» // Труды Отдела древнерусской литературы / Академия наук СССР. Институт русской литературы (Пушкинский Дом); Отв. ред.

В.И. Малышев. — М.-Л.: Издательство Академии наук СССР, 1958. — Т. 14. — С. 61–63.

⁵ Чернов А. Поэтическая полисемия и сфрагида автора в «Слове о полку Игореве» // Исследования «Слова о полку Игореве». Отв. ред. Д.С. Лихачев. — Л., 1986. — С. 278.

⁶ Русские заговоры из рукописных источников XVII — первой половины XIX в. / Сост., подгот. текстов, статьи и коммент. А.Л. Топоркова. — М., 2010.

⁷ Благой Д.Д. Творческий путь Пушкина, 1826–1830. — М.: Советский писатель, 1967. — С. 534.

⁸ Осипова М.И. Рассказы о Пушкине, записанные М.И. Семевским // А.С. Пушкин в воспоминаниях современников: в 2 т. — СПб.: Академический проект, 1998. — Т. 1. — С. 431.

⁹ Соболевский С.А. Таинственные приметы в жизни Пушкина // Там же. — Т. 2. — С. 11.

¹⁰ Даль В.И. Воспоминания о Пушкине // Там же. — Т. 2. — С. 261.

¹¹ От refutation (англ.) — опровержение.

¹² Смирнов А.А. «Стихи, сочинённые ночью во время бессонницы» (К истории текста) // А.С. Пушкин в Москве и Подмосковье. Материалы XII Пушкинской конференции. 7–8 октября 2006 г. — М.: «Мелихово», 2007. — С. 307–308.

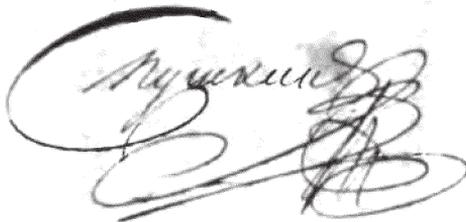
¹³ Источник: Мережковский Д.С. Пушкин // Мережковский Д.С. Вечные спутники. — М., 2007.

¹⁴ Лотман Ю.М. Пушкин. — СПб.: Искусство–СПБ, 1998. — С. 560.

¹⁵ Цит. по: Цявловская Т.Г. Дневник А.А. Олениной // Пушкин. Исследования и материалы. — М.-Л.: Издательство АН СССР, 1958. — Т. 2. — С. 250–251.

¹⁶ Подробнее см.: Егорова Е.Н. Сватался ли Пушкин к Анне Олениной // Егорова Е.Н. «Приют задумчивых дриад». Пушкинские усадьбы и парки. — М., 2006. — С. 122–137.

¹⁷ Вересаев В.В. Пушкин в жизни. — СПб.: Лениздат, 1995. — Т. 2. — С. 28–29.

«...Про скотный двор»

Домашний скот с древнейших времён занимает важное место в жизни людей, причём не только как совокупность животных сельскохозяйственных, но и как тотемных — предметов поклонения и ритуалов. Также некоторые из этих зверей воспринимаются как различные символы (пример — знаки зодиака). Немало пословиц, поговорок, фразеологических оборотов связано с домашним скотом. Всё это не могло не оказать влияния на жизнь и творчество А.С. Пушкина, проведшего детство в сельце Захарове и наблюдавшего поведение коров, овец, свиней, коз с раннего возраста. Наверное, уже тогда поэт не раз слышал, бывая в помещичьих усадьбах,

...вечный разговор

Про дождь, про лён, про скотный двор...

Евгений Онегин. Глава III. Строфа I

А вот пример иронического оборота со словом «скот» в эпиграмме по поводу напечатания А.А. Бестужевым–Марлинским повторного тиража альманаха «Полярная звезда» на 1825 год взамен книг, пропавших при сильнейшем наводнении в Петербурге 7 ноября 1824 года:

*Напрасно ахнула Европа,
Не унывайте, не беда!
От петербургского потопа
Спаслась Полярная звезда.
Бестужев, твой ковчег на бреге!
Парнаса блещут высоты;
И в благодетельном ковчеге
Спаслись и люди, и скоты.*

Думается, последнее слово содержит очевидный намёк и обозначает не только домашнюю скотину, но уподобленных ей людей.

Слова «скот», «скотина» иногда упоминаются Пушкиным как бранные. К примеру, в «Арапе Петра Великого» боярин Гаврила Афанасьевич Ржевский так обращается к слугам: «...Вы что зеваете, скоты?»

В «Записках Моро–де–Бразе» есть описание офицерского пира, которое завершается словами: «Тут–то, милостивая государыня, вино льётся, как вода; тут–то заставляют бедного человека, за грехи его, напиваться, как скотину. Во

всякой другой службе пьянство для офицера есть преступление; но в России оно достоинство». Здесь интересен идиоматический оборот «напиваться, как скотина», то есть до скотского состояния. В этих «Записках» различные виды домашнего скота (быки, бараны) фигурируют также как продовольствие для армии.

В произведениях великого поэта довольно часто упоминается крупный рогатый скот: 20 раз встречается слово «вол», 10 раз — «корова», 5 раз — «бык», 4 раза — «буйвол»¹, 3 раза — «телёнок» («телец»).

В пародийном стихотворении 1818 года на десятую заповедь Моисея Пушкин писал:

*Обидеть друга не желаю,
И не хочу его села,
Не нужно мне его вола,
На всё спокойно я взираю:
Ни дом его, ни скот, ни раб,
Не лестна мне вся благостыня.
Но ежели его рабыня
Прелестна... Господи! я слаб!*

Волы (кастрированные самцы крупного рогатого скота, отличающиеся длинными рогами) чаще всего упоминаются поэтом в «Путешествии в Арзрум» как тягловый скот, прекрасно приспособленный к горной местности. Некоторые места весьма интересны. В качестве примера приведём описание чеченского похоронного обряда: «Попал на похороны. Около сакли толпился народ. На дворе стояла арба, запряжённая двумя волами. Родственники и друзья умершего съезжались со всех сторон и с громким плачем шли в саклю, ударяя себя кулаками в лоб. Женщины стояли смиренно. Мертвеца вынесли на бурке <...> положили его на арбу. Один из гостей взял ружьё покойника, сдул с полки порох и положил его подле тела. <...> Волы тронулись. Гости поехали следом. Тело должно было быть похоронено в горах, вёрстах в тридцати от аула. К сожалению, никто не мог объяснить мне сих обрядов».

Это наблюдение поэт использовал в поэме «Тазит» в эпизоде похорон старшего сына Гасуба:

*Обряд творится погребальный.
Звучит уныло песнь муллы.
В арбу впряжённые волы*

*Стоят пред саклею печальной.
Двор полон тесною толпой.
Подъемят гости скорбный вой...*

<...>

*Все ждуют. Из сакли наконец
Выходит между жён отец.
Два узденя за ним выносят
На бурке хладный труп. Толпу
По сторонам раздаться просят.
Слагают тело на арбу
И с ним кладут снаряд воинский:
Неразряжённую пищаль,
Колчан и лук, кинжал грузинский
И шашки крестовую сталь...*

<...>

*Уж потухал закат огнистый,
Златя нагорные скалы,
Когда долины каменистой
Достигли тихие волы.
В долине той враждою жадной
Сражён наездник молодой,
Там ныне тень могилы хладной
Воспримет труп его немой...*

Однако воспитанный мудрым старцем младший сын Гасуба Тазит резко отличается от воинственного старшего сына:

*«Нет, — мыслит он, — не заменит
Он никогда другого брата.
Не научился мой Тазит,
Как шашкой добывают золото.
Ни стад моих, ни табунов
Не наделят его разъезды.
Он только знает без трудов
Внимать волнам, глядеть на звезды,
А не в набегах отбивать
Коней с ногайскими быками
И с боя взятыми рабами
Суда в Анапе нагружать».*

В этом отрывке упоминаются ногайские быки — порода крупного рогатого скота чёрной масти, выведенная ногайскими татарами.

Вернёмся к «Путешествию в Арзрум», к описанию одного очень важного трагического эпизода, в котором встречается слово «вол»: *«Отдохнув несколько минут, я пустился далее и на высоком берегу реки увидел против себя крепость Гергеры. Три потока с шумом и пеной низвергались с высокого берега. Я переехал через реку. Два вола, впряжённые в арбу, подымались по крутой дороге. Несколько грузин сопровождали арбу. «Откуда вы?» — спросил я их. «Из Тегерана». — «Что вы везёте?» — «Грибоеда». — Это было тело убитого Грибоедова, которое препровождали в Тифлис. Не думал я встретить уже когда-нибудь нашего Грибоедова! Я расстался с ним в прошлом году, в Петербурге, пред отъездом его в Персию. Он был печален и имел странные предчувствия...»*

Любопытное наблюдение за тягловыми животными, сделанное во время южной ссылки, находим в «Путешествии Онегина»:

*В году недель пять-шесть Одесса,
По воле бурного Зевеса,
Потоплена, запружена,
В густой грязи погружена.
Все дома на аршин загрязнут,
Лишь на ходулях пешеход
По улице дерзает вброд;
Кареты, люди тонут, вязнут,
И в дрожках вол, рога склоня,
Сменяет хилого коня.*

Ироническое сравнение заснувшего от скуки старого монаха, которому бес для усыпления читал произведения С.С. Боброва, применено в ранней поэме «Монах»:

*Молитвенник упал из рук под стол,
Святой вздремал, всхрапел, как старьй вол.*

Семён Сергеевич Бобров был автором длинных и скучных «сентиментальных» стихотворений. Юный Пушкин иронизировал по этому поводу также в лицейском стихотворении «Городок», предположительно именно Боброва называя Глупоном.

А вот яркий эпизод из «Путешествия в Арзрум»: *«Оружие тифлисское дорого ценится на всем Востоке. Граф Самойлов и В., прославившие здесь богатырями, обыкновенно пробовали свои новые шашки, с одного маху перерубая надвое барана или отсекая голову быку». Отставной полковник*

Рисунок вола и всадника
в черновике поэмы «Цыганы».
1824 г.

граф Николай Александрович Самойлов был братом (по матери) героя Отечественной войны 1812 года генерала Николая Николаевича Раевского, с семьёй которого А.С. Пушкин тесно общался во время южной ссылки и позднее.

В письме издателю П.А. Плетнёву от 11 октября 1835 года, касаясь вопроса об успешном получении цензурного разрешения на издание этой книги, Пушкин употребил слова «ослёнок» и «бык» в переносном смысле: «...ты получил «Путешествие» от цензуры; но что решил комитет на моё всеуниженное прошение? Уже ли залягает меня ослёнок Никитенко и забодает бык Дундук? Впрочем, они от меня так легко не отделаются». Здесь

речь идёт об обращении А.С. Пушкина в Главное управление цензуры по поводу урегулирования вопросов с рассмотрением его произведений, о цензорах А.В. Никитенко и князе М.А. Дондукове–Корсакове, названном поэтом в эпиграмме Дундуком («В Академии наук / Заседает князь Дундук...»).

В другом письме, направленном близкому лицейскому другу Антону Дельвигу из Одессы в Петербург 16 ноября 1823 года, Пушкин писал: «Мой Дельвиг, я получил все твои письма и отвечал почти на все. Вчера повеяло мне жизнью лицейскою, слава и благодарение за то тебе и моему Пуцину! Вам скучно, нам скучно: сказать ли вам сказку про белого быка?» Великий поэт здесь применил нарицательное ироническое выражение, характеризующее постоянное, надоедливое повторение событий, состояний, действий, пустых обещаний. «Сказка про белого быка» относится к разряду так называемых докучных сказок, где ключевая фраза может повторяться бесконечно: «Сказать ли тебе сказку про белого бычка? Скажи. Ты скажи, да я скажи, да сказать ли

тебе сказку про белого бычка?..» Заметим, что Пушкин в то время неоднократно писал друзьям о своей скуке и хандре.

В черновых тетрадях великого поэта есть две зарисовки, где изображены быки и волы. Первая из них — это автоиллюстрация к поэме «Цыганы». На переднем плане вол (судя по размерам и форме рогов) с шорами на глазах, на втором плане цыган, стегаящий коня. Рисунок расположен на листе с описанием отъезда цыганского табора.

Изображение быка в черновике поэмы «Полтава». 1828 г.

Другой рисунок находится в черновиках первой песни поэмы «Полтава». Там изображён мистический бык со стрелами из-под брюха. Расположен он перпендикулярно тексту. По мнению исследователя Н.В. Измайлова, это, «быть может, далёкая ассоциация с украинскими воспоминаниями южной ссылки»². А комментаторы полного собрания сочинений А.С. Пушкина полагают, что таинственный бык — это знак зодиака Телец³.

Рискнём предположить, что рисунок соотносится с образом Зевса, похитившего красавицу Европу под видом мистического быка. Этот мотив может быть связан с побегом Марии Кочубей из родительского дома и последующей попыткой мести за неё гетману Мазепе со стороны молодого казака, безнадежно влюблённого в девушку.

Частично заходят на этот рисунок стихи, которые в окончательной редакции таковы:

*Зачем он шапкой дорожит?
Затем, что в ней донос зашит,
Донос на гетмана-злодея
Царю Петру от Кочубея.*

Из 10 употреблений слова «корова» отметим несколько достойных внимания. Вот описание усадьбы князя Верейского в повести «Дубровский»: «*Два дня спустя после сего посещения Кирилла Петрович отправился с дочерью в гости к князю Верейскому. Подъезжая к Арбатову, он не мог не любоваться чистыми и весёлыми избами крестьян и каменным господским домом, выстроенным во вкусе английских замков. Перед домом расстилался густо-зелёный луг, на коем паслись швейцарские коровы, звеня своими колокольчиками*». Ухоженные породистые коровы здесь подчёркивают богатство и благополучие усадьбы. А вот контрастирующий с этим описанием пейзаж запущенного имения из «Истории села Горюхина»: «*Двор, бывший некогда украшен тремя правильными цветниками, меж которых шла широкая дорога, усыпанная песком, теперь обращён был в некошенный луг, на котором паслась корова*».

В ХLI строфе IV главы «Евгения Онегина» унылость осеннего пейзажа усиливается такими строками:

*На утренней заре пастух
Не гонит уж коров из хлева,*

*И в час полуденный в кружок
Их не зовёт его рожок...*

За это употребление слова «корова» А.С. Пушкин «удостоился» критики со стороны бездарного⁴ литератора Бориса Михайловича Фёдорова (1794–1875). В статье «Опровержение на критики» великий поэт писал по поводу разбора IV главы своего романа в стихах в единственном выпущенном этим литератором журнале «С.–Петербургский зритель» (1828): *«Осудил он также слово «корова» и выговорил мне за то, что я барышень благородных и, вероятно, чиновных называл девчонками (что, конечно, неучтиво), между тем как простую деревенскую девку называл девою...»* Бесталанный «нравоучитель» Фёдоров смешон с его претензиями к Пушкину. Именно о таких людях сложена пословица, выписанная великим поэтом в тетрадь в Михайловском: *«Бодливой корове бог рог не даёт — пословица латинская»*. В той же статье по поводу тупости и глупых выпадов критиков, не понимающих поэтических образов и не разбирающихся в литературных тропах (образных приёмах), Пушкин иронизировал: *«Пишут: тѣлега, тельга. Не правильнее ли: телега (от слова телец — телеги запряжены волами)?»*

Телец упоминается ещё в «Станционном смотрителе» при описании висящих на станции картинок, иллюстрирующих притчу о блудном сыне: *«Наконец представлено возвращение его к отцу; добрый старик в том же колпаке и шлаффорке выбегает к нему навстречу; блудный сын стоит на коленях; в перспективе повар убивает упитанного тельца, и старший брат вопрошает слуг о причине таковой радости»*. Весь фрагмент о картинках был написан Пушкиным гораздо раньше «Повестей Белкина» и входил в неоконченные «Записки молодого человека». В черновике «Станционного смотрителя» сам фрагмент пропущен и обозначена отсылка к тексту «Записок». Работая над окончательной версией произведения, автор внёс небольшие редакционные поправки в текст. Так, эпизод, где блудный сын пасёт свиней, в «Записках» таков: *«...промотавшийся юноша в французском кафтане и треугольной шляпе пасёт свиней и разделяет с ними трапезу»*. В «Станционном смотрителе» внешность юноши приближена к библейскому источнику: *«...промотавшийся юноша, в рубище и в треугольной шляпе, пасёт свиней и разделяет с ними трапезу»*.

Должность свинопаса считалась низкой, её получали иногда в наказание. Так, в «Капитанской дочке» (глава I) барин в письме грозит отправить дядьку Савельича пасти свиней за то, что не смог предотвратить дуэль Гринёва и Швабрина. А в главе III повести есть живописная картинка Белогорской крепости, увиденная только что приехавшим Гринёвым из оконца: *«Наискось стояло несколько избышек; по улице бродило несколько куриц. Старуха, стоя на крыльце с корытом, кликала свиней, которые отвечали ей дружелюбным хрюканьем»*.

Идиоматические обороты и поговорки с упоминанием свиней «украшают» тексты Пушкина несколько раз:

«И вестимо, барин: заседателя, слышь, он и в грош не ставит, исправник у него на посылках. Господа съезжаются к нему на поклон, и то сказать, было бы корыто, а свињи-то будут».

Дубровский. Глава III

«Полно врать, Антон Пафнутыч. Знаем мы вас; куда тебе деньги тратить, дома живёшь свинья свиньёй, никого не принимаешь, своих мужиков обдираешь, знай копишь да и только».

Дубровский. Глава IX

«Русский человек в дороге не переодевается и, доехав до места свинья свиньёю, идёт в баню, которая наша вторая мать. Ты разве некрещёная, что всего этого не знаешь?»

Письмо Н.Н. Пушкиной. Около 3 октября 1832 г.

Несколько упоминаний слова «свинья» как ругательства в письмах опустим. В воспоминаниях друзей и современников Пушкина описаны отдельные курьёзные эпизоды, связанные с ироническим употреблением названия этого животного. Н.А. Маркевич⁵ писал: *«Часто ездивши в Псков, он на каждой станции писал четверостишие; одно из этих четверостиший чуть не кончилось дуэлью. Пушкин нашёл на станции камер-юнкера графа Хвостова, читающего книгу, по стенам ползало множество тараканов, вдобавок в дверь влезла свинья. Пушкин написал:*

*В гостиной свиньи, тараканы
И камер-юнкер граф Хвостов.*

В натуре было действительно так, но это не понравилось Хвостову в стихе. Уж не помню, как их помирили».

В тетради В.Ф. Щербакова⁶ описан такой эпизод из жизни Пушкина: «Каченовский, извещая в своём журнале об итальянском импровизаторе Скричи, сказал, что он ниче-го б не мог сочинить на темы, как: «К ней», «Демон» и пр.

— Это правда, — сказал Пушкин, — всё равно, если б мне дали тему «Михайло Трофимович», — что из этого я мог бы сделать? Но дайте сию же мысль Крылову — и он тут же бы написал басню — «Свинья»⁷.

«Некстати Каченовского называют собакой, — сказал Пушкин, — ежели же и можно так называть его, то собакой беззубой, которая не кусает, а мажет слюнями».

На аналогичных образах построены эпиграммы А.С. Пушкина на М.Т. Каченовского: «Хаврониос! ругатель закоснелый...» (1820) и «Охотник до журнальной драки...» (1824).

В 1829 году издатель журнала «Московский телеграф» Н.А. Полевой грубо, не выбирая выражений, раскритиковал деятельность историка, издателя журнала «Вестник Европы» М.Т. Каченовского, а тот безуспешно подал жалобу на цензора за пропуск в печать журнала. История этого конфликта подробно описана в статье А.С. Пушкина «Отрывок из литературных летописей...», которая в сокращённом виде напечатана в альманахе «Северные цветы» на 1830 год. А несколько раньше, в «Московском вестнике» № 7 за 1829 год, великий поэт опубликовал нравоучительную эпиграмму по поводу обидного выражения «козёл в очках»:

*Журналами обиженный жестоко,
Зоил Пахом печалился глубоко;
На цензора вот подал он донос;
Но цензор прав, нам смех, зоилу нос.
Иная брань, конечно, неприличность,
Нельзя писать: Такой-то де старик,
Козёл в очках, плюгавый клеветник,
И зол, и подл: всё это будет личность.
Но можете печатать, например,
Что господин парнасский старовер
(В своих статьях) бессмыслицы оратор,
Отменно вял, отменно скучноват,*

*Тяжеловат и даже глуповат;
Тут не лицо, а только литератор.*

Трижды в произведениях великого поэта встречается слово «поросёнок». В «Записках молодого человека» маленькие игривые поросята оживляют сельский пейзаж: «...поросята с визгом выбегают из-под ворот и мечутся в сторону безо всякой видимой причины». В двух других случаях поросята — это еда. Вот набросок к замыслу о Фаусте:

*— Сегодня бал у Сатаны —
На именины мы званы —
Смотри, как эти два бесёнка
Усердно жарят поросёнка...*

В главе VIII «Капитанской дочки» в разговоре с Гринёвым мятежный казак так подчёркивает «царственность» Пугачёва: «Ну, ваше благородие, по всему видно, что персона знатная: за обедом скушать изволил двух жареных поросят».

В качестве пищи в произведениях Пушкина иногда упоминаются овцы, бараны, ягнята. Но гораздо интереснее описательные и сравнительные обороты с этими словами, а также их употребление в переносном смысле.

Стада овец, как и других животных, — это неотъемлемая часть пейзажных зарисовок:

*И вокруг кочующих шатров
Пасутся овцы калмыков...
Путешествие Онегина*

*А там уж и люди гнезятся в горах,
И ползают овцы по злачным стремнинам,
И пастырь нисходит к весёлым долинам,
Где мчится Арагва в тенистых берегах...*

Кавказ. 1829 г.

Слово «баран» великий поэт употребляет в основном в устоявшихся оборотах речи и остроумных каламбурах. Вот, например, строки из письма издателю П.А. Плетнёву от 9 декабря 1830 года по поводу временного закрытия «Литературной газеты», издаваемой А.А. Дельвигом: «Итак, русская словесность головою выдана Булгарину и Гречу! жаль — но чего смотрел и Дельвиг? охота ему было печатать конфектный билетец этого несносного Лавинья⁸. Но всё же Дельвиг должен оправдаться перед государем. Он

может доказать, что никогда в его «Газете» не было и тени не только мятежности, но и недоброжелательства к правительству. Поговори с ним об этом. А то шпионы-литераторы заедят его как барана, а не как барона».

В главе X «Капитанской дочки» совет военных соглашается с предложением одного старичка действовать не оборонительно, не наступательно, а «подкупательно»:

«— Э-хе-хе! мнение ваше весьма благоразумно. Движения подкупательные тактикою допускаются, и мы воспользуемся вашим советом. Можно будет обещать за голову бездельника... рублей семьдесят или даже сто... из секретной суммы...»

— И тогда, — прервал таможенный директор, — будья киргизский баран⁹, а не коллежский советник, если эти воры не выдадут нам своего атамана, скованного по рукам и ногам».

В 1825 году поэт-сентименталист П.И. Шаликов обиделся на упоминание его имени Пушкиным в стихотворении «Разговор книгопродавца с поэтом» по поводу воспевания утех любви («Пускай их Шаликов поёт»). Обида выражена в послании «К А.С. Пушкину», опубликованном Шаликовым в № 8 «Дамского журнала» за 1825 год. Великий поэт писал П.А. Вяземскому и брату Л.С. Пушкину, используя популярное ироническое выражение: «Неужто он обижается моими стихами? вот уж тут-то я невинен как барашек!..» Рукопись отражает колебания Пушкина между именами поэтов Шаликова и Батюшкова в этой строке. Впоследствии фамилия была заменена тремя звёздочками, а затем вся строка изменена: «Пускай их юноша поёт».

В черновом варианте XIV строфы I главы «Евгения Онегина», после описания флирта и волокитства главного героя за светскими дамами, его любовные похождения сравниваются с поведением кота, занятого ловлей мыши (эти стихи в отредактированном виде перешли в поэму «Граф Нулин»), и волка (эта часть осталась в черновиках):

*Так хищный волк, томясь от голода,
Выходит из глуши лесов
И рыщет близ беспечных псов
Вокруг неопытного стада;
Всё спит, и вдруг свирепый вор
Ягнёнка мчит в дремучий бор.*

В окончательной редакции поэт опустил эту строфу, поставив вместо неё отточие. По-видимому, счёл её избыточной, как и некоторые другие строфы.

Милая любовная игра, связанная с овечкой возлюбленной девушки, очень оживляет стихотворение 1825 года «С португальского»:

*Меж овец деревни всей
Я красавицы моей
Знал любимую овечку —
Я водил её на речку.*

*На тенистые берега,
На зелёные луга;
Я поил её, лелеял,
Перед ней цветы я сеял.*

Это вольный перевод произведения бразильского поэта Т.А. Гонзага (1744–1807), автора любовной лирики. Пушкин сделал перевод в Михайловском в 1825 году, может быть, в связи с увлечением барышнями из соседнего имения Тригорское — Евпраксией Николаевной Вульф и Александрой Ивановной Осиповой, ухаживания поэта за которыми отражены в стихах в игривой форме. Наричательный образ «любимой овечки» в наши дни растиражирован в интернете — это название магазина меховой одежды, одеяла, мягких игрушек...

* * *

Различные виды домашнего скота, упоминаемые и изображённые в произведениях А.С. Пушкина, имеют в них хоть и не очень значимую, но немаловажную функцию для понимания и восприятия текста, являются узнаваемым элементом пейзажных зарисовок в разное время года, иногда используются как бранные слова, употребляются в сравнительных оборотах и предложениях, поговорках, каламбурах, описаниях народных обычаев.

Ссылки и комментарии

¹ В статье «Джон Теннер».

² *Измайлов Н.В.* Пушкин в работе над «Полтавой» // *Измайлов Н.В.* Очерки творчества Пушкина. — Л.: Наука, 1975. — С. 72.

³ *Пушкин А.С.* Полное собрание сочинений: в 17 т. — М.: Воскресение, 1996. Т. 18 (дополнительный). — С. 366.

⁴ В качестве иллюстрации приведём эпиграмму на Б.М. Фёдорова, сочинённую одним из друзей Пушкина — А.А. Дельвигом или С.А. Соболевским:

*Фёдорова Борьки
Мадригалы горьки,
Эпиграммы сладки,
А доносы гадки.*

⁵ *Маркевич Н.А.* Из воспоминаний // *А.С. Пушкин в воспоминаниях современников: в 2 т.* — СПб.: Академический проект, 1998. — Т. 1. — С. 158.

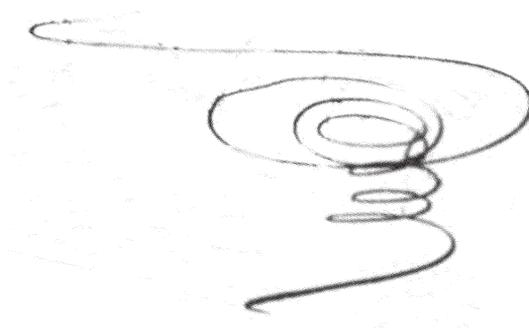
⁶ *Погодин М.П.* Заметки о Пушкине из тетради В.Ф. Щербакова // Там же. — Т. 2. — С. 43.

⁷ Имеется в виду концовка басни И.А. Крылова «Свинья»:

*Не дай бог никого сравнением мне обидеть!
Но как же критика Хавроньей не назвать,
Который, что ни станет разбирать,
Имеет дар одно худое видеть?*

⁸ Поводом к временному закрытию «Литературной газеты» стало напечатание стихов Казимира Делавиня, посвящённых французской революции 1830 года.

⁹ Относительно крупное курдючное животное.

«Мы вольные птицы...»

Птица издревле в разных человеческих культурах символизировала свободу, вольность, полёт души. Образы птиц в произведениях Пушкина самые разные. Это и символические птицы, и геральдические, и реальные. Птицы в клетках или в сетях рождали у поэта грустные ассоциации¹: «птичка, друг свободы»² должна жить вольно. Народный обычай выпускать на Пасху пташку из клетки в стихотворении «Птичка», написанном в Кишинёве в 1823 году, имеет автобиографический подтекст:

*В чужбине свято наблюдаю
Родной обычай старины:
На волю птичку выпускаю
При светлом празднике весны.*

*Я стал доступен утешенью;
За что на Бога мне роптать,
Когда хоть одному творенью
Я мог свободу даровать!*

В 1822 году в Кишинёве Пушкин видел во дворе дома своего начальника генерал-лейтенанта И.Н. Инзова орлов, прикованных за лапы железными цепями. Вид могучих птиц, выросших в неволе, взволновал поэта. Он сам особенно остро ощущал потерю свободы, когда Инзов посадил его под домашний арест за драку со знатным молдаванином из-за отказа того от дуэли. В поэтической форме эти переживания отразились в стихотворении «Узник»:

*Сижу за решёткой в темнице сырой.
Вскормлённый в неволе орёл молодой,
Мой грустный товарищ, махая крылом,
Кровавую пищу клюёт под окном...*

В криках орла поэту слышится призыв не только к физическому освобождению, но к свободе духа:

*Мы вольные птицы; пора, брат, пора!
Туда, где за тучей белеет гора,
Туда, где синеют морские края,
Туда, где гуляем лишь ветер... да я!..*

Великий поэт в своих произведениях чаще всего — 62 раза — упоминает именно орла, царственную птицу, ассоциирующуюся со свободой, удалью, дальновидностью.

А птицы–виньетки, напоминающие причудливые росчерки пера, в рукописях поэта больше всего похожи на орлов: летящих, взлетающих, садящихся³.

В стихотворении «Поэт» Пушкин сравнивает поэта в момент творчества с орлом, подчёркивая внутреннюю свободу обоих:

*Но лишь божественный глагол
До слуха чуткого коснётся,
Душа поэта встрепенётся,
Как пробудившийся орёл.*

Соотносит поэта и орла Пушкин также в поэме «Езерский»:

*Зачем арапа своего
Младая любит Дездемона,
Как месяц любит ночи мглу?
Затем, что ветру и орлу
И сердцу девы нет закона.
Гордись: таков и ты, поэт,
И для тебя условий нет.*

В «Египетских ночах» — та же идея:

*Таков поэт: как Аквилон,
Что хочет, то и носит он —
Орлу подобно, он летает
И, не спросясь ни у кого,
Как Дездемона, избирает
Кумир для сердца своего.*

А вот о поэте Казимире Делавине, чьё творчество Пушкин ценил невысоко, он в 1825 году писал П.А. Вяземскому: «Ты, кажется, любишь Казимира, а я так нет. Конечно, он поэт, но всё не Вольтер, не Гёте... далеко кулику до орла!»

Употреблял Пушкин и «орлиные» эпитеты. Если в «Пиковой даме» орлиный нос на портрете графини в молодости характеризует больше особенность внешности, то в «Полтаве» «орлиный взор» Кочубея, ищущего себе союзников в борьбе с Мазепой, несёт очевидную смысловую нагрузку, как и «ястребиные глаза» Пугачёва в VIII главе «Капитанской дочки».

Царское происхождение и одновременно будущий отважный характер Гвидона в «Сказке о царе Салтане...» подчёркивается «орлиным» сравнением:

*А царица над ребёнком,
Как орлица над орлёнком...*

Духовное прозрение поэта-пророка в стихотворении «Пророк» выражено красноречивыми строками:

*Отверзлись вещи зеницы,
Как у испуганной орлицы.*

Близость царя птиц и настоящего поэта, их внутреннее равенство отразились также в стихотворении «Кавказ»:

*Орёл, с отдалённой поднявшись вершины,
Парит неподвижно со мной наравне.*

Сидящие орлы. Рисунок в черновике поэмы «Тазит». 1829 г.

Написано это стихотворение во время поездки поэта на Кавказ в 1829 году. В нём символическая птица одновременно является и реальным орлом. В обыденном смысле орлы дважды упоминаются в «Путешествии в Арзрум»: «Переход от Европы к Азии делается час от часу чувствительнее: леса исчезают, холмы сглаживаются, трава

густеет и являет большую силу растительности; показываются птицы, неведомые в наших лесах; орлы сидят на кочках, означающих большую дорогу, как будто на страже, и гордо смотрят на путешественника». Вероятно, такие наблюдения за кавказскими орлами нашли отражение в зарисовке сидящих орлов в черновике поэмы «Тазит».

Трижды реальные орлы⁴ упоминаются в картинах гор в поэме «Кавказский пленник». Вот один из примеров:

*Орлы с утёсов подымались
И в небесах перекликались...*

Есть у Пушкина в «Путешествии Онегина» место, где упоминание реального орла, на наш взгляд, содержит намёк на герб:

*Он видит: Терек своенравный
Крутые роет берега;
Пред ним парит орёл державный,
Стоит олень, склонив рога...*

Геральдический орёл как символ Российской империи в произведениях великого поэта встречается 13 раз. Одно из самых ранних упоминаний относится к 1814 году — в «Воспоминаниях в Царском Селе»:

*Не се ль Элизиум полнощный,
Прекрасный Царскосельский сад,
Где, льва сразив, почил орёл России мощный
На лоне мира и отрад?*

Здесь речь о победе России в Полтавском сражении над Швецией, на чьём гербе изображён лев: царь-птица повергла царя зверей.

В черновиках поэмы «Полтава» говорится о том же, но орлы здесь, очевидно, означают не только геральдические символы на знамёнах, но и храбрых воинов:

*Везде пред нашими орлами
Их тучи синие бегут...*

В эпилоге «Кавказского пленника» геральдическая синекдоха означает покорение Россией Кавказа:

*На негодующий Кавказ
Подъялся наш орёл двуглавый...*

А в X главе «Евгения Онегина» неудачи России в наполеоновских войнах переданы также с помощью геральдической символики:

Птицы (орлы?) в полёте.
Рисунок в черновике стихотворения «Осень». 1833 г.

*Его⁵ мы очень смирным знали,
Когда не наши повара
Орла двуглавого щипали
У Бонапартова шатра.*

Один раз упоминание государственного символа носит у Пушкина иронический характер. В «Истории села Горюхина» есть такие строки: «Музыка была всегда любимое искусство образованных горюхинцев; балалайка и волынка, услаждая чувствительные сердца, поныне раздаются в их жилищах, особенно в древнем общественном здании, украшенном ёлкой и изображением двуглавого орла».

Здесь имеется в виду кабак: питейные заведения сдавались на откуп казной, отчего, по закону 1767 года, на них ставился знак государственного герба.

Орлами издавна называли отважных воинов и государственных людей. Но в выражении «екатерининские орлы», неоднократно встречающемся в произведениях Пушкина, на наш взгляд, есть и геральдический намёк, подчёркивающий дальновидность сподвижников Екатерины Великой, государственность их мышления. К числу «екатерининских орлов» Пушкин относит М.И. Кутузова в стихотворении «Пред гробницу святой...»:

*Под ними спит сей властелин,
Сей идол северных дружин,
Маститый страж страны державной,
Смиритель всех её врагов,
Сей остальной из стаи славной
Екатерининских орлов.*

Интересно, что на гербе Голенищевых–Кутузовых важными элементами являются одноглавый орёл и державный двуглавый орёл. С 1802 года присутствовал орёл и на гербе Наполеона, чьих воинов Пушкин тоже именует орлами в стихотворении «Наполеон на Эльбе», написанном в 1815 году по поводу стодневного периода, когда поверженный французский император вернулся к власти:

*И вспыхнет брань! за галльскими орлами
С мечом в руках победа полетит...*

Здесь имеются в виду также и орлы, которые были изображены на древках знамён наполеоновских полков. К этой теме поэт возвращается в 1821 году после смерти Наполеона уже в ностальгическом ключе:

*Давно ль орлы твои летали
Над обесславленной землёй?*

В черновом варианте третьей песни «Полтавы» упоминаются сподвижники Петра I «Волконский, Боур, Брюс, Репнин — / Сии орлы гнезда Петрова» и их роль в победоносном сражении со шведами. В окончательном варианте текст изменился:

*Сии птенцы гнезда Петрова —
В временах жребия земного,
В трудах державства и войны
Его товарищи, сыны...*

Пушкину было важно подчеркнуть большую роль Петра в формировании лучших качеств соратников, передать, что они его преданные последователи⁶, воспитанники, его орлята. Неслучайно виньетку в виде орлёнка поэт начертил в автографе патриотического стихотворения:

*Два чувства дивно близки нам,
В них обретает сердце пищу:
Любовь к родному пепелищу,
Любовь к отеческим гробам.*

В воображаемой картине боя в «Послании к Юдину» юный поэт сравнивает своего коня и опосредованно себя с отважной птицей:

*Мой конь в ряды врагов орлом
Несётся с грозным седоком...*

Близкие по смыслу к орлу символическое и переносное значения, но с меньшим «размахом», имеют у Пушкина другие хищные птицы — сокол⁷ и ястреб. Вот пример из «Руслана и Людмилы» о сражении главного героя с головой великана:

*Счастливым пользуюсь мгновеньем,
К объятой голове смущеньем,
Как ястреб, богатырь летит
С подъятой, грозною десницей.*

Отважных молодых людей называли не только орлами, но и соколами или уменьшительно соколиками, передавая тёплое к ним отношение. Вот реплика Дадона из «Сказки о золотом петушке»:

*Царь завыл: «Ох, дети, дети!
Горе мне! попались в сети
Оба наши сокола!
Горе! смерть моя пришла».*

В «Дубровском» старая няня два раза называет Владимира соколиком: «Приезжай ты к нам, соколик мой ясный...» (в письме); «Не на робкого напал: мой соколик и сам за себя постоит...»⁸ (в разговоре). Ей словно вторит попадья в «Капитанской дочке»: «Прощай, Марья Ивановна, моя голубушка! прощайте, Пётр Андреич, сокол наш ясный! — говорила добрая попадья. — Счастливым путь, и дай Бог вам обоим счастья!» Это сердечное обращение контрастирует с отношением той же героини к подлому Швабрину, про которого она говорит: «Ай да Алексей Иваныч; нечего сказать: хорош гусь!»

Виньетка в виде орлёнка. Рисунок в рукописи стихотворения «Два чувства дивно близки нам...». 1830 г.

ныне я...» (1828) — с пленённой птицей (ястребов и соколов отлавливали сетями и потом обучали охоте):

*Уж мало ли любовь играла в жизни мной?
Уж мало ль бился я, как ястреб молодой,
В обманчивых сетях, раскинутых Кипридой...*

С удалым летучим хищником он ассоциирует себя в 1825 году в ироническом стихотворении «Приятелям»:

*Враги мои, покамест я ни слова...
И, кажется, мой быстрый гнев угас;
Но из виду не выпускаю вас
И выберу когда-нибудь любого:
Не избежит пронзительных когтей,
Как налечу нежданный, беспощадный.
Так в облаках кружится ястреб жадный
И сторожит индеек и гусей.*

Шутливым исполнением этой угрозы можно считать стихотворение 1826 года «Собрание насекомых».

В отличие от орла, сокола и ястреба упоминание Пушкиным коршуна сопряжено с демонической символикой, восходящей к славянским языческим верованиям. Птица эта считалась зловещей, нечистой. В поэме «Полтава» есть эпизод, когда, готовя в отместку Мазепе донос Петру I об измене, Василий Кочубей называет гетмана старым коршуном, заклевавшим его голубку Марию. В «Руслане и Людмиле» состояние Руслана после похищения юной жены с брачного ложа Пушкин сравнивает с положением петуха, у которого коршун утащил из-под носа курицу, проводя параллель между хищни-

С рыцарской вольностью, удалью и честью ассоциируется образ сокола у Франца в «Сценах из рыцарских времён»: «А рыцарь — он волен, как сокол...»

Пушкин дважды сравнивает себя с ястребом. В стихотворении «Каков я прежде был, таков и

ком и Черномором и очень реалистично описывая последнюю сцену:

*Над ними хитрыми кругами
Цыплят селенья старый вор,
Прияв губительные меры,
Носился, плавал коршун серый
И пал как молния на двор.
Взвился, летит. В когтях ужасных
Во тьму расселин безопасных
Уносит бедную злодей.
Напрасно, горестью своей
И хладным страхом поражённый,
Зовёт любовницу петух...
Он видит лишь летучий пух,
Летучим ветром занесённый.*

В «Сказке о царе Салтане...» именно в коршуна обращается колдун, преследующий царевну Лебедь. Застрелив его, Гвидон разрушает злые чары, тем самым открывая путь себе и царевне к счастью:

*Ты не лебедь ведь избавил,
Девицу в живых оставил;
Ты не коршуна убил,
Чародея подстрелил.*

В отличие от коршуна, ворон — символ неоднозначный, могущий означать и зло, и добро, и пророческий дар. Название этой птицы у Пушкина встречается довольно часто — 25 раз и, как правило, в образе падальщика (и в прямом, и в переносном смысле), восходящем к народным песням, причём не только русским. Так, известное стихотворение «Ворон к ворону летит» — переложение части шотландской баллады с использованием русских народных песен⁹.

В сатире «На выздоровление Лукулла» алчный наследник уподобляется ворону, падкому до мертвечины. В стихотворении «Альфонс садится на коня...» говорится о том, что ворон прилетал клевать тела повешенных братьев-атаманов¹⁰. В повести «Гробовщик» есть сравнение с воронами в том же духе: «У ворот покойницы уже стояла полиция, и расхаживали купцы, как вороны, почуя мёртвое тело». И поэма «Братья-разбойники» начинается со сравнения главных героев с воронами:

*Не стая воронов слеталась
На груди тлеющих костей,
За Волгой, ночью, вокруг огней
Удалых шайка собиралась.*

Здесь, на первый взгляд, разбойники и вороны противопоставлены друг другу, но само сравнение говорит об их сходстве.

Вороном в драме «Русалка» называет себя старик-мельник, лишившейся рассудка после того, как утопилась его дочь, соблазнённая и брошенная князем:

*Я ворон, а не мельник. Чудный случай:
Когда (ты помнишь?) бросилась она
В реку, я побежал за нею следом
И с той скалы прыгнуть хотел, да вдруг
Почувствовал, два сильные крыла
Мне выросли внезапно из-под мышек
И в воздухе сдержали. С той поры
То здесь, то там летаю, то клюю
Корову мёртвую, то на могилке
Сижу да каркаю.*

Последними словами этот старик-ворон словно накаркивает гибель князя, которому хочет отомстить его дочь-русалка. Правда, наверняка это утверждать нельзя, поскольку драма так и осталась неоконченной, а сюжеты её завершения предлагались впоследствии самые разные и порой противоположные¹¹.

Есть иносказательный смысл при упоминании ворона в реплике Бориса Годунова в одноимённой трагедии:

*Послушай, князь: взять меры сей же час;
Чтоб от Литвы Россия оградилась
Заставами; чтоб ни одна душа
Не перешла за эту грань; чтоб заяц
Не прибежал из Польши к нам; чтоб ворон
Не прилетел из Кракова. Ступай.*

Ворон здесь не только птица. Под ним разумеется также и самозванец Гришка Отрепьев, отправившийся в Москву именно из Кракова. На наш взгляд, здесь прослеживается связь со сказкой (а вернее, сочинённой Пушкиным притчей) о вороне и орле, занимающей особое место в повести «Капитанская дочка». Неслучайно Пугачёв, прежде чем рассказать эту сказку Гринёву, поминает Отрепьева:

«Пугачев горько усмехнулся.

— Нет, — отвечал он, — поздно мне каяться. Для меня не будет помилования. Буду продолжать как начал. Как знать? Авань и удасться! Гришка Отрепьев ведь поцарствовал же над Москвою.

— А знаешь ты, чем он кончил? Его выбросили из окна, зарезали, сожгли, зарядили его пеплом пушку и выпалили!

— Слушай, — сказал Пугачев с каким-то диким вдохновением. — Расскажу тебе сказку, которую в ребячестве мне рассказывала старая калмычка. Однажды орёл спрашивал у ворона: скажи, ворон-птица, отчего живёшь ты на белом свете триста лет, а я всего-навсе только тридцать три года? — Оттого, батюшка, отвечал ему ворон, что ты пьёшь живую кровь, а я питаюсь мертвечиной. Орёл подумал: давай попробуем и мы питаться тем же. Хорошо. Полетели орёл да ворон. Вот завидели палую лошадь; спустились и сели. Ворон стал клевать да похваливать. Орёл клюнул раз, клюнул другой, махнул крылом и сказал ворону: нет, брат ворон; чем триста лет питаться падалью, лучше раз напиться живой кровью, а там что бог даст! — Какова калмыцкая сказка?

— Затейлива, — отвечал я ему. — Но жить убийством и разбоем значит по мне клевать мертвечину».

В притче орёл традиционно олицетворяет светлые силы, ворон — тёмные. Пугачёв, понимая свою обречённость, но вкусив преимущества власти и силы (борьба за свободу простого люда, по нашему мнению, уходит здесь на второй план), представляет себя орлом, а Гринёв, человек чести и глубокой христианской морали, ассоциирует его с вороном¹².

Показательно, что в «Истории Пугачёва» Пушкин приводит исторический разговор генерал-аншефа графа П.И. Панина с потерпевшим поражение и арестованным Пугачёвым, где последний называет себя не орлом или орлёнком, а воронёнком: «— Кто ты таков? — спросил он у самозванца. — Емельян Иванов Пугачёв, — отвечал тот. — Как же смел ты, вор, назваться государем? — продолжал Панин. — Я не ворон (возразил Пугачёв, играя словами и изъясняясь, по своему обыкновению, иносказательно), — я воронёнок, а ворон-то ещё летает. — Надобно знать, что яицкие бунтовщики, в опровержение общей молвы, распустили слух, что между ими действительно находился некто Пугачёв,

но что он с государем Петром III, ими предводительствующим, ничего общего не имеет».

Символика ворона как тёмного начала у Пушкина противоположна символике не только орла, но и голубицы как доброго начала. Вот отрывок из «Путешествия в Арзрум», где об этом прямо говорится: «Солнце восходило. На ясном небе белела снеговая, двуглавая гора. «Что за гора?» — спросил я, потягиваясь, и услышал в ответ: «Это Арарат». Как сильно действие звуков! Жадно глядел я на библейскую гору, видел ковчег, причаливший к её вершине с надеждой обновления и жизни,— и врана и голубицу излетающих, символы казни и примирения...»

Из общей трактовки Пушкиным образа ворона выбивается сравнение его прадеда с этой птицей в наброске 1824 года «Как жениться задумал царский арап...», чем подчёркивается тёмный цвет кожи главного героя и как бы предвосхищается его неудачная семейная жизнь:

*Что выбрал арап себе сударушку,
Чёрный ворон белую лебёдушку.
А как он, арап, чернёшенек,
А она-то, душа, белёшенька.*

Здесь поэт, видимо, намеревался отразить трагическую историю первого брака Абрама Ганнибала с насильно выданной за него в 1731 году гречанкой Евдокией Андреевной Диопер, изменявшей мужу и в 1753 году за прелюбодеяния заточённой в Староладожский монастырь.

Чёрный ворон противоположен белой лебёдушке, которая ассоциируется, как в народных песнях¹³ и былинах, с прекрасной девушкой или молодой женщиной. Примером является былина из известного Пушкину сборника Кириши Данилова:

*А и чуть было спустит калёну стрелу —
Провещится ему Лебедь белая,
Авдотьюшка Лиховидьевна:
«А и ты Поток Михайло Иванович,
Не стреляй ты меня, лебедь белую,
Не в кое время пригожуся тебе.
Выходила она на крутой бережок,
Обернулася душой красной девицей.*

Это один из источников образа царевны Лебеди в «Сказке о царе Салтане...»¹⁴, отсутствующего в подобной сказке,

записанной Пушкиным со слов няни Арины Родионовны в 1824 году.

В творчестве великого поэта образ девушек–лебёдушек встречается также в драме «Русалка» в описании свадебного обряда:

*Что ж, красные девицы, вы примолкли?
Что ж, белые лебёдушки, притихли?
Али все песенки вы перепели?
Аль горлышки от пенья пересохли?*

13 июля 1825 года поэт писал П.А. Вяземскому из Михайловского в Царское Село: «Милый мой! моё намерение обнять тебя, но плоть немощна. Прости, прощай — с тобою ли твоя княгиня–лебёдушка! кланяйся ей от арзамасского гуся»¹⁵.

В «Полтаве» движения красавицы Марии Кочубей сравниваются с плавным ходом лебедя на воде и порывистым бегом лани. В черновике этой поэмы поэт нарисовал лебедя, стоящего на земле, с изогнутой опущенной вниз шеей. Может быть, это изображение связано с раздумьями о тяжёлой судьбе Марии.

Подобного рода сравнение есть и в четвёртой песни «Руслана и Людмилы»:

*И дева по стене высокой,
Как в море лебедь одинокий,
Идёт, зарёй освещена...*

С молодой лебедью великий поэт сравнивает и только что спущенный на Неву новый корабль в неоконченном отрывке 1833 года, и белую грудь купающейся nereиды в одноимённом стихотворении 1826 года.

Однако лебедь у Пушкина ассоциируется не только с женским, но и с мужским началом. Так, сюжет лицейского стихотворения «Леда» восходит к древнегреческому мифу о Зевсе, в образе лебедя соблазнившем прекрасную Леду. Стихотворение, думается, навеяно не только мифом, но и картинами большого царскосельского пруда с плавающими белыми лебедями, что отразилось также в стихотворении «Городок» (1815):

*Люблю с моим Мароном
Под ясным небосклоном
Близ озера сидеть,
Где лебедь белоснежный,
Оставя знак прибрежный,*

*Любви и неги полн,
С подругою своею,
Закинув гордо шею,
Плывёт во злате волн.*

Лебеди с юных лет для Пушкина неразлучны с образом Царского Села, где возрос его талант, о чём он писал в VIII главе «Евгения Онегина»:

*В те дни в таинственных долинах,
Весной, при кликах лебединых,
Близ вод, сиявших в тишине,
Являться муза стала мне.*

Великий поэт никогда не забывал чарующие его душу лирические пейзажи Царскосельского парка:

*И зланных берегов знакомую картину,
И в тихом озере, средь блестящих зыбей,
Станицу гордую спокойных лебедей.*

Царское Село. 1823

Изображение лебедя в черновике
поэмы «Полтава». 1828 г.

Изображение лебедя в черновике поэмы «Полтава». 1828 г.

творении 1826 года «Приметы» тревожные клики этих птиц наряду с заходом солнца за тучи предвещают непогоду¹⁶.

Прекрасный царственный лебедь олицетворяет красоту и чистоту. Ему подвластна и водная, и воздушная стихии:

*И тихая луна, как лебедь величавый,
Плывёт в сребристых облаках.*

Похожий вид Царскосельского парка Пушкин упомянул в 1836 году в финальной части «Капитанской дочки». Чудные мирные картины с лебедями в стихах поэта сменялись тревожными. Беспокойство лебедя, испуганного всплесками вёсел, в начале поэмы «Вадим» воспринимается как недоброе предзнаменование, а в стихо-

В этом известном отрывке из «Воспоминаний в Царском Селе» образ плывущей лебедем луны сопрягается с образом вольно парящего царственного орла.

Ссылки и комментарии

¹ В финальной сцене трагедии «Борис Годунов» народ, жалея обречённых царских детей после смерти отца, говорит про них: «Брат да сестра! бедные дети, что пташки в клетке».

² Из свободного переложения поэмы итальянского поэта Лудовико Ариосто «Неистовый Орландо», песнь XXIII, октава 100.

³ Подробнее см.: *Цявловская Т.Г.* Рисунки Пушкина. — М.: Искусство, 1983. — С. 21–33.

⁴ Такое упоминание есть и в стихотворении 1831 года «Обвал».

⁵ Императора Александра I.

⁶ Сходный переносный смысл слова «птенцы» встречается в VII главе «Евгения Онегина»: «школы Лёвшина птенцы», то есть помещики, внедряющие передовые методы ведения сельского хозяйства на основе публикаций писателя, экономиста, фольклориста В.А. Лёвшина (1746–1826).

⁷ Упоминается также охота с соколами в драме «Русалка».

⁸ С этими словами контрастирует идиоматический оборот в устах Кирилла Петровича Троекурова, для которого тот же Владимир Дубровский «гол как сокол».

⁹ Подробнее см.: *Лобанова А.С.* «Ворон к ворону летит». Русский источник «Шотландской песни» Пушкина // *Временник Пушкинской комиссии.* — СПб.: Наука, 1995. — Вып. 26. — С. 111–118.

¹⁰ Здесь же упоминается в сходном зловещем смысле отлетающая от трупов «ватага чёрная ворон».

¹¹ Подробнее см.: *Борисова Н.А.* Лирическая драма А.С. Пушкина о Русалке. Диссертация на соискание учёной степени кандидата филологических наук. Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого, 2005.

¹² В советское время трактовка сказки была другой. См., например: *Петрунина Н.Н.* Проза Пушкина. — Л.: Наука. Ленингр. отд., 1987. — С. 283.

¹³ Например, в песне «Отставала белая лебёдушка».

¹⁴ Подробнее см.: *Азадовский М.К.* Источники сказок Пушкина // *Пушкин: Временник Пушкинской комиссии.* — М.–Л.: Издательство АН СССР, 1936. — Вып. 1. — С. 134–163. Выше песня процитирована по этому изданию.

¹⁵ Арзамасские гуси — общее прозвище членов литературного общества «Арзамас», на гербе которого изображался гусь: город Арзамас славился крупными белыми гусями с длинной шеей и борцовским характером.

¹⁶ Подробнее о народных приметах у Пушкина см.: *Медриш Д.Н.* Народные приметы и поверья в поэтическом мире Пушкина // *Московский пушкинист.* — М.: Наследие, 1996. — Вып. III. — С. 110–124.

«Птичка гласу бога внемлет...»

Мир пернатых у Пушкина полон звуков — пения, щебета, кликов, трелей. Это помогает создавать не просто описания природы, а лирические образы. Поющие ясным утром птички естественно навевают героям радостное настроение, как юной Лизе Муромской в повести «Барышня–крестьянка»: «Заря сияла на востоке, и золотые ряды облаков, казалось, ожидали солнца, как царедворцы ожидают государя; ясное небо, утренняя свежесть, роса, ветерок и пение птичек наполняли сердце Лизы младенческой весёлостию; боясь какой–нибудь знакомой встречи, она, казалось, не шла, а летела».

Птичий щебет ранним утром успокаивает старика после крушения его челна в неоконченной поэме «Вадим»:

*Восходит утро золотое...
С дерев, с утёсистых вершин,
Навстречу радостной денницы,
Щебеча, полетели птицы...*

В поэме «Цыганы» живущий в таборе Алеко до измены Земфиры уподобляется птичке, вдохновенно поющей по Божьей воле, не думая о будущих днях:

*Птичка божия не знает
Ни заботы, ни труда,
Хлопотливо не свивает
Долговечного гнезда,
В долгу ночь на ветке дремлет;
Солнце красное взойдёт,
Птичка гласу бога внемлет,
Встрепенётся и поёт.*

По контрасту в финале поэмы Алеко, нарушивший закон цыганской вольницы («Вольнее птицы младость», — говорил старый цыган), изгнанный из табора за убийство Земфиры и оставшийся один в поле, сравнивается с раненым журавлём, отставшим от улетевших на юг собратьев:

*Так иногда перед зимою,
Туманной, утренней порою,
Когда подьёмлетя с полей
Станица поздних журавлей
И с криком вдаль на юг несётся,
Пронзённый гибельным свинцом*

*Один печально остаётся,
Повиснув раненым крылом.*

Молчащие весенние птицы — явление противоестественное, подчёркивающее в поэме «Руслан и Людмила» необычность и таинственность долины живой и мёртвой воды:

*Кругом всё тихо, ветры спят,
Прохлада вешняя не веет,
Столетни сосны не шумят,
Не вьются птицы, лань не смеет
В жар летний пить из тайных вод.*

Ядовитость анчара в одноимённом стихотворении красноречиво передаётся короткой фразой: «К нему и птица не летит / И зверь нейдёт...»

Без щебета птиц вешний пейзаж словно немеет, становится неуютным, скучным, как жизнь человека без любви. В разных культурах певчие птицы, ласточки, голубки — это символы света, мира, миролюбия и любви. Примером могут служить строки стихотворения «Сто лет минуло, как тевтон...» о вражде литовцев и тевтонов:

*Лишь соловьи дубрав и гор
По старине вражды не знали
И в остров, общий с давних пор,
Друг к другу в гости прилетали.*

Соловей упоминается у Пушкина гораздо чаще других певчих птиц — 20 раз. Великий поэт сполна отдал дань излюбленному мотиву персидской¹ и всей восточной поэзии о соловье-поэте и деве-розе:

*О дева-роза, я в оковах;
Но не стыжусь твоих оков:
Так соловей в кустах лавровых,
Пернатый царь лесных певцов,
Близ розы гордой и прекрасной
В неволе сладостной живёт
И нежно песни ей поёт
Во мраке ночи сладострастной.*

Это стихотворение, написанное в 1824 году, но при первой публикации датированное поэтом 1820 годом, скорее всего, связано с его крымскими впечатлениями. Спустя три года Пушкин возвращается к этим образам в стихотворении «Соловей и роза», но в ином ключе:

*В безмолвии садов, весной, во мгле ночей,
Поёт над розою восточный соловей.
Но роза милая не чувствует, не внемлет,
И под влюблённый гимн колеблется и дремлет.
Не так ли ты поёшь для хладной красоты?
Опомнись, о поэт, к чему стремишься ты?
Она не слушает, не чувствует поэта;
Глядишь, она цветёт; взываешь — нет ответа.*

Роза-возлюбленная не любит и не понимает поэта-соловья... В жизни Пушкину довелось и до написания этих стихов, и после пережить не раз подобное положение, в общем-то довольно банальное.

В поэмах великого поэта эти образы-неразлучники придают пейзажам восточный колорит и усиливают лейтмотив любви. Такова ночь в гареме Гирея в «Бахчисарайском фонтане»:

*Одни фонтаны сладкозвучны
Из мраморной темницы бьют,
И, с милой розой неразлучны,
Во мраке соловьи поют...*

Этот же приём ранее юным поэтом применён в «Руслане и Людмиле» при описании во второй песни волшебного сада Черномора:

*С прохладой вьётся ветер майский
Средь очарованных полей,
И свищет соловей китайский
Во мраке трепетных ветвей;
<...>
Повсюду роз живые ветки
Цветут и дышат по тропам.*

А в VII главе «Евгения Онегина» на могиле Ленского розу заменяет шиповник, на языке цветов в пушкинское время символизировавший несчастную, роковую любовь²:

*Там соловей, весны любовник,
Всю ночь поёт; цветёт шиповник...*

В III главе пение соловья во время разговора Татьяны с няней — это и естественный образ ночной сельской картины, и символ юной любви героини романа. В I строфе VII главы трели соловья — примета времени года:

*Стада шумят, и соловей
Уж пел в безмолвии ночей.*

Соловьи, как правило, пели с Борисова дня (2/14 мая), после которого (но не позднее первой половины июня по старому стилю, когда они умолкали) и начинается описываемое в главе действие. В то же время чудесное пение этой птички, упомянутое в XVI строфе III главы и повторённое в цитированной выше VII, создаёт ощущение, что дальше речь пойдёт о любви.

Одна из «Песен западных славян», переведённая Пушкиным, называется «Соловей» («Соловей мой, соловейко...»), и в ней речь идёт о несчастье молодца, которого разлучили с любимой девушкой и рано женили.

В стихотворении «Демон» ночное пенье соловья неразлучно с возвышенными чувствами, взорами юных дев, шумом дубров. О том, что этих дорогих «впечатлений бытия» страшно лишиться, поэт пишет в стихах «Не дай мне бог сойти с ума...»:

*А ночью слышать буду я
Не голос яркий соловья,
Не шум глухой дубров —
А крик товарищей моих,
Да брань смотрителей ночных,
Да визг, да звон оков.*

Издавна с соловьями сравнивали хороших певцов и певиц. В письме Пушкина жене, написанном из Москвы в первых числах октября 1832 года, упоминается Бороздина-Соловейко по поводу бракосочетания девушки с поручиком лейб-гвардии Измайловского полка Николаем Александровичем Урусовым. Анастасия Николаевна Бороздина была хорошей салонной певицей. Скорее всего, неплохо пела и дочь тверского помещика Марья Васильевна Борисова, которую Пушкин назвал «соловьём в дичи лесной» в письме П.А. Вяземскому из Малинников от 27 октября 1828 года.

А вот своих литературных противников великий поэт не удостаивает даже «титула» соловья-разбойника. Булгарин напечатал в «Литературных листках» (1824 г., ч. I, № III) отрывок из частного письма А.С. Пушкина к А.А. Бестужеву от 8 февраля 1824 года, где речь шла о разных произведениях, изданных в «Полярной звезде» на 1824 год. Этот поступок Пушкин в письме брату Льву от 1 апреля 1824 года назвал разбоем и вскоре написал П.А. Вяземскому из Одессы в Москву: «Каков Булгарин и вся братья! Это не соловьи-разбойники, а грачи-разбойники».

В стихотворении «Соловей и кукушка» (1825) Пушкин противопоставляет истинных поэтов, чьё творчество образно и многогранно, и графоманов, произведения которых пестрят литературными штампами и повторами:

*В лесах, во мраке ночи праздной
Весны певец разнообразный
Урчит, и свищет, и гремит;
Но бестолковая кукушка,
Самолюбивая болтушка,
Одно куку своё твердит,
И эхо вслед за нею то же.
Накуковали нам тоску!
Хоть убежать. Избавь нас, боже,
От элегических куку!*

Напротив, оригинальность и красота хороших стихов в «Разговоре книгопродавца с поэтом» (1824) сродни гармоничным звукам природы и пению иволги:

*В гармонии соперник мой
Был шум лесов, иль вихорь буйный,
Иль иволги напев живой,
Иль ночью моря гул глухой,
Иль шёпот речки тихоструйной.*

Пушкин изредка употреблял в стихах и названия мифологических птиц³. Высмеивая несуразные басни графа Дмитрия Хвостова, он писал в стихотворении «К Батюшкову»:

*Скажи по милости Графону,
Ползком ползущу к Геликону,
Чтоб перестал писать, писать
И бедных нас морить со скуки.
Скажи ему, что наши внуки
Не станут вздор его читать.*

Здесь графоман Хвостов прозван Графоном (то есть грифоном — «помесью» льва и орла). В 1825 году в письме к Вяземскому Пушкин назвал его «отцом зубастых голубей».

В произведениях самого Пушкина голубиная символика вполне традиционна и связана, прежде всего, с любовью, миром, душой. Голубок или горлица на лире означают любовную лирику. Вот что изображает влюблённый Ленский на листах альбома Ольги (глава IV, строфа XXVII):

*То в них рисует сельски виды,
Надгробный камень, храм Киприды,*

*Или на лире голубка
Пером и красками слегка...*

Похожая эмблема в сочетании с эротической символической розы «расшифровывается» юным Пушкиным в стихотворении 1815 года «Гроб Анакреона»:

*Вижу: горлица на лире,
В розах кубок и венец...
Други, здесь почитет в мире
Сладострастия мудрец.*

В юности не обошёл вниманием поэт и хрестоматийных влюблённых голубков в стихотворении «Рассудок и любовь»:

*Взял руку ей счастливый пастушок.
«Взгляни, — сказал, — с подругой голубок
Там обнялись под тенью лип густою!»
«Беги! беги!» — Рассудок повторил,
«Учись от них!» — Эрот ей говорил.*

О свадебном вечере для родственников и друзей, устроенном Пушкиным и его молодой женой Натальей Николаевной в доме на Арбате 19 февраля 1831 года, московский почт-директор Александр Яковлевич Булгаков писал в письме брату: «Пушкин славный задал вчера бал. И он, и она прекрасно угощали гостей своих. Она прелестна, и они как два голубка. Дай Бог, чтобы всегда так продолжалось».

Правда, во фривольной поэме «Гавриилиада» христианская символика голубя как Духа Святого низводится до уровня сладострастного голубка. Но подобного рода «литературное хулиганство» нельзя назвать типичным для поэта. Такая приниженная символика этой птицы встречается лишь в нескольких не предназначенных для печати произведениях: «В.Л. Давыдову» (1821), «Царь Никита и сорок его дочерей»⁴.

Голубка, голубица, пташка, косатка — обозначения милой прелестной девушки, женщины. Голубок — не кто иной, как влюблённый юноша, мужчина. Это типично и для фольклора, и для художественной литературы, и для разговорной речи. И творчество Пушкина, конечно, не исключение. Примером может служить и «голубица красная девица» в «Женихе», и Параша в «Домике в Коломне», которая

*Была, ей-ей, прекрасная девица:
Глаза и брови — тёмные, как ночь,
Сама бела, нежна — как голубица;*

*В ней вкус был образованный. Она
Читала сочиненья Эмина⁵.*

*Играть умела также на гитаре
И пела: Стонет сизый голубок...*

Здесь, разумеется, не случайно с некоторой иронией упоминается романс на стихи И.И. Дмитриева «Стонет сизый голубочек...» о голубиных «Ромео и Джульетте»: ожидая улетевшую подругу, голубочек умирает от тоски, вернувшись голубка плачет и стонет над ним.

Голубками с любовью называют дочерей и мельник в «Русалке», и Кочубей в «Полтаве», и сам поэт Ольгу в VII главе «Евгения Онегина»:

*И вот одна, одна Татьяна!
Увы! подруга стольких лет,
Её голубка молодая,
Её наперсница родная,
Судьбою вдаль занесена,
С ней навсегда разлучена.*

«Пташка ранняя моя», — обращается няня к Татьяне в III главе романа в стихах. С легкокрылой ласточкой сравнивает поэт резвую Ольгу в V главе (строфа XXI):

*Дверь отворилась. Ольга к ней,
Авроры северной алей
И легче ласточки, влетает...*

Косаткой (то есть ласточкой) называет отец Наташу в сказке «Жених». Не иначе как «моя голубушка» несколько раз говорит добрая попадья о Маше в «Капитанской дочке». А о любимой няне Арине Родионовне великий Пушкин пишет с нежностью стихи, ставшие хрестоматийными:

*Подруга дней моих суровых,
Голубка дряхлая моя!
Одна в глуши лесов сосновых
Давно, давно ты ждёшь меня.*

В Михайловском няня не только рассказывала поэту сказки, но и пела, что нашло отражение в известном стихотворении «Зимний вечер»:

*Спой мне песню, как синица
Тихо за морем жила...*

Поэт, скорее всего, имел в виду народную песню «За морем синичка не пышно жила...», которая построена на об-

разах из мира птиц: холостяк снегирюшка, пивовар дрозд, совушка вдовушка, тётка чечётка и другие. На подобной фольклорной основе строится у Пушкина неоконченная «Сказка о медведихе», где к медведю приходили с сочувствием разные животные, соотнесённые с сословиями крепостнического общества. Однако «ласточка–дворяночка» здесь не птичка, а хищный зверёк — ласка.

В народной песне о синице образ «совушки вдовушки», возможно, навеян пронзительными криками этой ночной птицы, рождающими ощущение печали, тревоги. Сова у Пушкина близка к фольклорному образу, во всяком случае, в качестве символа мудрости эта птица в его произведениях не фигурирует. «Плач совы» упоминается в «Полтаве» как недоброе предзнаменование (слыша его, и Мазепа издаёт похожий крик), а в одной из «Песен западных славян» («Видение короля») есть такие строки:

*Слышит, воет ночная птица,
Она чует беду неминучу,
Скоро ей искать новой кровли
Для своих птенцов горемычных.*

*Не сова воет в Ключе–граде,
Не луна Ключ–город озаряет...
В церкви божией гремят барабаны,
Вся свечами озарена церковь.*

Беззаботные сороки — наоборот, доброе предзнаменование, как в стихотворении 1829 года:

*Стрекотунья белобока,
Под калиткою моей
Скачет пёстрая сорока
И пророчит мне гостей.*

В V главе «Евгения Онегина» картина очень поздно наступившей зимы, увиденная Татьяной из окна, имеет важный штрих — «сорок весёлых на дворе». Это народная примета ясной погоды. Вот если «Сороки под стрёху лезут — к вьюге», как написано в словаре В.И. Даля. Великий поэт вообще любил приметы погоды. К примеру, въезжая в Москву, Татьяна замечает «стаи галок на крестах». Галки, по народному поверью, собираются в стаи к хорошей погоде.

В переносном смысле сорока встречается у Пушкина один раз в письме П.А. Плетнёву от 7 января 1831 года в вы-

ражении «*попугаи и сороки Инзовские*». Речь идёт о критиках поэта, повторяющих одно и то же: у генерала И.Н. Инзова были птицы в клетках, наученные произносить бранные слова. Не вызывает у Пушкина симпатии и «русский попугай» — учёный скворец, бездумно и напыщенно повторяющий «Христос воскрес!» (см. стихотворение 1828 года «Брадатый староста Авдей...»).

Характеристика персонажей с помощью устоявшихся оборотов с названиями животных и птиц у Пушкина не редкость и порой носит шутливый, иронический оттенок. Вот, например, что писал он о самом себе в строфе, которую потом всё-таки исключил из окончательного варианта поэмы «Домик в Коломне»:

*Покамест можете принять меня
За старого, обстрелянного волка
Или за молодого воробья,
За новичка, в котором мало толка.*

Птичьи прозвища распространены и в литературе, и в жизни, и в переписке пушкинского времени. Самым ярким из них является общее прозвание членов общества «Арзамас» — арзамасские гуси. На эмблеме этого литературного общества красовался арзамасский гусь — выведенная и разводимая в Арзамасе порода крупных белых птиц с длинной, почти лебединой, шеей и бойцовскими качествами (которые на литературном поприще славились и члены общества). В городе устраивались потешные гусиные бои. Пушкин дважды упоминает это прозвище в своих письмах⁶.

Домашние и дикие гуси в разных смыслах у великого поэта встречаются 15 раз. Гусь наряду с утками, курами и индейками — непременный обитатель птичьего двора, «*фламандской школы пёстрый сор*». Домашняя птица становится синонимом сельской жизни: в деревне «*разводит уток и гусей*» остепенившийся бретёр Зарецкий («Евгений Онегин»), должна бы «*кормить гусей*» помещица Наталья Павловна («Граф Нулин»), да этим не занимается, предпочитая завести романчик с молодым соседом Лидиным и отвлекаться от скучных книг на немудрёные дворовые сценки вроде драки козла с собакой. В начале поэмы она с интересом смотрела в окно, как

*Индейки с криком выступали
Вослед за мокрым петухом;
Три утки полоскались в луже...*

В 1-й главе «Путешествия в Арзрум», отмечая плачевное состояние кавказских крепостей, превратившихся в убогие сельские поселения, Пушкин с иронией пишет: *«Крепости, достаточные для здешнего края, со рвом, который каждый из нас перепрыгнул бы в старину не разбегаясь, с заржавыми пушками, не стрелявшими со времён графа Гудовича, с обрушенным валом, по которому бродит гарнизон куриц и гусей»*.

Живя в Михайловском в ссылке, великий поэт внимательно наблюдал за жизнью природы, и в частности птиц, использовал свои наблюдения в «Евгении Онегине», давая читателям понять, к каким конкретно годам относится действие. Так, в IV главе поздний отлёт гусей предвещает затянувшуюся осень:

*Гусей крикливых караван
Тянулся к югу: приближалась
Довольно скучная пора;
Стоял ноябрь уж у двора.*

Обычно дикие гуси улетали в середине сентября по старому стилю, на Никиту Гусятника⁷, а тут задержались почти на полтора месяца. И первый снег, как следует из дальнейшего действия, выпал в ночь на 3 января. Такой поздней была зима 1824–1825 годов. Это дало возможность литературоведу В.П. Старку обосновать внутреннюю хронологию всего романа в стихах⁸.

Вот колоритное наблюдение Пушкина касательно незадачливого домашнего гуся, нагулявшего жир к зиме и до начала января всё ещё плававшего в речке:

*На красных лапках гусь тяжёлый,
Задумав плыть по лону вод,
Ступает бережно на лёд,
Скользит и падает...*

А вот живая сценка с утками в «Записках молодого человека»: *«Иду гулять в поле. Развалившийся колодец. Около его — мелкая лужица. В ней резвятся жёлтенькие утята под надзором глупой утки, как балованные дети при мадаме»*. По времени написания это, вероятно, уже болдинское впечатление. «Пруд под сенью из густых, / Раздолье уток молодых» был и в Болдине, и в Михайловском. На прудах плавали домашние утки, а их пугливые дикие сородичи предпочитали озёра Кучане и Маленец близ Михайловского:

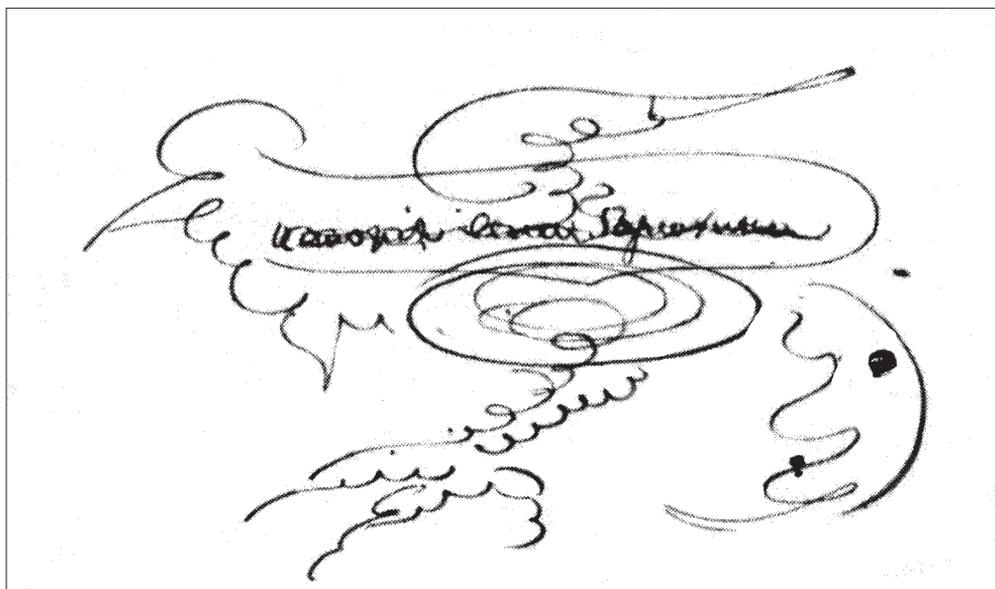
*Или (но это кроме шуток),
Тоской и рифмами томим,
Бродя над озером моим,
Пугаю стадо диких уток:
Вняв пенью сладкозвучных строф,
Они слетают с берегов.*

Разумеется, Пушкин не мог обойти вниманием самых распространённых домашних птиц — кур и петухов. Последних он в шутку дважды называл «султанами курятника»: в стихотворении «Сон» (1816) и в поэме «Руслан и Людмила». Уподобление мужей петухам, а жён — курицам-наседкам содержится в «Русалке» в реплике старой няньки:

*Княгинюшка, мужчина что петух:
Кири куку! мах-мах крылом и прочь.
А женщица, что бедная наседка:
Сиди себе да выводи цыплят.*

В этой же драме есть эпизод угощения молодых в конце свадебного пира жареным петухом, который олицетворял супружескую любовь и плодородие.

Звонкое незатейливое кукареканье — привычный звук на селе или в маленьком городке. Оно встречает и провожает день и потому чаще всего в произведениях Пушкина слу-

Декоративная птица (петух?) на зачёркнутом названии
«История села Горюхина». 1830 г.

жит метой времени. Одним из примеров является лицейское стихотворение «Сон»:

*О сладкий сон, ничем не возмущённый!
Один петух, зарёю пробуждённый,
Свой резкий крик подымет, может быть;
Опасен он — он может разбудить.*

Всю ночь до раннего утра — «до петухов» — мельник в «Русалке» позволял сидеть своей дочери с князем. В песне русалок время тоже отмеряется пением петухов:

*Поздно. Роци потемнели,
Холодеет глубина,
Петухи в селе пропели,
Закатилася луна.*

Глухой ночью, до петухов, вставала ведьма-вдова в стихотворении «Гусар» (1833), чтобы отправиться на шабаш. «Пели петухи и было уже светло», когда герой повести «Метель», несчастный жених Владимир, наконец добрался до церкви в Жадрине.

О себе в юности в ироническом стихотворении «Моему Аристарху» (1815), обращённому к лицейскому профессору Н.Ф. Кошанскому, поэт писал, что сочиняет короткие стихи до позднего утра, когда «давно пропели петухи». В шуточном

Рисунки петуха и кота в рукописи «Сказки о медведихе». 1830 г.

лицейском послании «Князю А.М. Горчакову» (1814) Пушкин противопоставляет себя придворным стихотворцам, писавшим «оды в двести строф» в честь знатных вельмож:

*Но я, любезный Горчаков,
Не просыпаюсь с петухами
И напыщенными стихами,
Набором громозвучных слов,
Я петь пустого не умею
Высоко, тонко и хитро
И в лиру превращать не смею
Моё гусиное перо!*

Поэт нарисовал выразительного петуха в черновике «Сказки о медведихе», которую сочинял в Болдине, над первыми стихами:

*Как весенней тёплой порою
Из-под утренней белой зорюшки...*

Скорее всего, рисунок связан с образом утра и к дальнейшему тексту сказки отношения не имеет. А слева чуть выше петуха поэт изобразил дородного кота в излюбленной позе со спины. Похоже, кот сидит на подоконнике, границу которого поэт отчеркнул, и смотрит на двор. Создаётся впечатление, что это зарисовка с натуры.

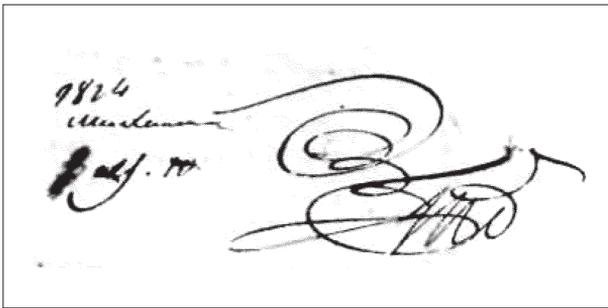
Особое место в творчестве Пушкина занимает золотой петушок в одноимённой сказке:

*Вот мудрец перед Дадонем
Стал и вынул из мешка
Золотого петушка.
«Посади ты эту птицу, —
Молвил он царю, — на спицу;
Петушок мой золотой
Будет верный сторож твой:
Коль кругом всё будет мирно,
Так сидеть он будет смирно;
Но лишь чуть со стороны
Ожидать тебе войны,
Иль набега силы бранной,
Иль другой беды незваной,
Вмиг тогда мой петушок
Приподымет гребешок,
Закричит и встрепенётся
И в то место обернётся».*

Обложка тетради с перебелённой рукописью
«Сказки о золотом петушке». 1834 г.

Образ золотого петушка совсем не прост для понимания. «Легенда об арабском астрологе» Вашингтона Ирвинга и через неё восточный, в частности арабский, фольклор — лишь один из его источников⁹. У Ирвинга петушок медный и сидит не на спице, а на баране, который и поворачивается в сторону опасности, а петушок только пронзительно кричит. У Пушкина же петушок именно золотой. На Руси золото исстари символизировало вечную власть и волю Бога, воплощением которой являются золотые купола и кресты на храмах. Самая лаконичная, самая символическая и самая трагическая сказка Пушкина сродни евангельской притче.

Автограф Пушкина в виде птицы в рукописи поэмы «Цыганы». 1824 г.

Вот что пишет об этом исследовательница Е.И. Волкова: «Нечистую силу в русском фольклоре традиционно разгоняет утреннее пение петуха. «Вдруг раздался лёгкий звон...» Петушок звучит, как живой колокол! Колокола звонили об опасности, и он ку-

карекает — звонит! Петушок — центральный персонаж сказки. Пушкин не выносит в название имени Дадона, это не «Сказка о царе Дадоне, мудреце и Шамаханской царице», а «Сказка о золотом петушке». Золотой петушок, как и золотая рыбка, воплощают в себе сверхъестественную всемогущую силу, которая вольна милости и спасти, но ей же доступно и отмщение, или воздаяние за грехи. Поистине божественной властью обладают золотой петушок и золотая рыбка, символами божественного всемогущества они и являются в сказках Пушкина»¹⁰.

***

Образы, связанные с миром птиц, в творчестве Пушкина играют немаловажную роль. Они оживляют и озвучивают картины природы и быта, помогают передать душевное состояние героев, их поведение является приметам времени

ни суток, смены времён года и предстоящей погоды. Названия птиц служат прозвищами, обращениями и символами (в том числе геральдическими и сатирическими), источники которых — русский и мировой фольклор и художественная литература. Птицы у Пушкина символизируют свободу, вольность, удаль и отвагу, поэзию, любовь, искусство пения, женское и мужское начала, силы света и тьмы (в зависимости от вида). В черновиках поэт рисовал различных птиц, но особое место среди них занимают декоративные птицы-виньетки и даже птицы-автографы.

Ссылки и комментарии

¹ В качестве примера приведём стихи о любви из «Рубайята» Омара Хайяма:

*Утром роза раскрыла под ветром бутон,
И запел соловей, в её прелесть влюблён.*

² Оленина А.А. Дневник. Воспоминания. — СПб.: Академический проект, 1999. — С. 136, 140.

³ «Феникс Греции воспрянет из своего пепла», — писал А.С. Пушкин в первой половине марта 1823 года, вероятно всего, В.Л. Давыдову. В этом же письме поэт писал, что возрождающийся Феникс был изображён на одном из трёх знамён греческих повстанцев, возглавляемых А. Ипсиланти.

⁴ В этой фривольной сказке поющие птички означают женские прелести.

⁵ Вероятнее всего, имеются в виду «дамские» романы Ф.А. Эмина (1735–1770), в одном из которых («Мирамонда») описаны эпизоды переодевания влюблённых мужчин в женщин-служанок. Подробнее см.: Степанов В.П. Литературные реминисценции у Пушкина // Пушкин: Временник Пушкинской комиссии. — М.–Л.: Издательство АН СССР, 1974. — Вып. 12. — С. 109–114.

⁶ Арзамасцам, 20-е числа сентября 1820 года; П.А. Вяземскому, 13 июля 1820 года.

⁷ Подробнее см.: Медриш Д.Н. Народные приметы и поверья в поэтическом мире Пушкина // Московский пушкинист. — М.: Наследие, 1996. — Вып. III. — С. 110–124.

⁸ Старк В.П. «Снег выпал только в январе...» Внутренняя хронология романа «Евгений Онегин» // Звезда. — 2011. — № 6.

⁹ Подробнее см.: Бойко К.А. Об арабском источнике мотива о золотом петушке в сказке Пушкина // Временник Пушкинской комиссии. — Л.: 1976. — Вып. 13. — С. 113–119.

¹⁰ Волкова Е.И. Сюжет о спасении в русской, английской и американской литературе / Диссертация на соискание учёной степени доктора культурологии. МГУ, 2001. Глава: «Золотой петушок» как символ литературной эпохи: метасюжет о Спасителе в последней сказке А.С. Пушкина».

«И жало мудрыя змеи...»

Среди образов из мира пресмыкающихся и земноводных в произведениях Пушкина чаще всего встречаются змеи/змеи, что вполне закономерно, ведь змея — это очень непростой, многозначный символ, как положительный, соотносящийся с мудростью и совестью, так и негативный, связанный с грехом и силами ада¹.

Благословляя учеников на проповедь, Христос сказал им: *«Вот, Я посылаю вас, как овец среди волков: Итак, будьте мудры, как змеи, и просты, как голуби»* (Мф. 10, 16). Змея — это древний символ мудрости, и в таком значении он употребляется в одном из ключевых произведений пушкинской лирики — стихотворении «Пророк»:

*И он к устам моим приник,
И вырвал грешный мой язык,
И празднословный и лукавый,
И жало мудрыя змеи
В уста замершие мои
Вложил десницею кровавой.*

Литературовед С.М. Бонди писал: *«Жало мудрыя змеи» — этот образ понадобился Пушкину теперь для того, чтобы показать, каким тонким, необычайно гибким, умным должен быть язык поэта, желающего превратить в человеческое слово те тончайшие оттенки жизненных явлений, которые он наблюдает, подмечает, те глубокие, мудрые обобщения, которые он создаёт на основе этих наблюдений. Стоит только внимательно взглянуть на черновые рукописи Пушкина, чтобы понять эту филигранную работу над текстом, где язык поэта подлинно превращается в «жало мудрыя змеи»². Однако исследователь подошёл к трактовке стихотворения, на наш взгляд, односторонне, и здесь наложили свой отпечаток атеистические представления советского времени.*

«Жало мудрыя змеи» — сложный метафорический образ, как и само стихотворение, в котором говорится и о библейском пророке (отправной идеей послужила 6-я глава Книги пророка Исайи), и о пророческом общественном служении поэта, которого Бог призывает: *«Глаголом жги сердца людей»*. То есть поэзия должна и обличать своими средствами грехи и пороки, и воспитывать людей. Под стихами поэт по-

ставил дату 8 сентября 1826 года — день, когда состоялась важнейшая беседа возвращённого из михайловской ссылки в Москву А.С. Пушкина и императора Николая I Павловича. На этом основании Л.М. Аринштейн³ причисляет стихотворение «Пророк» к так называемому николаевскому циклу наряду с другими: «Стансы» (1826), «Друзьям» (1828), «Герой» (1830). Продолжительная беседа с императором, безусловно, повлияла на переосмысление великим поэтом своего общественного служения, возможно, вдохновила на сочинение гениального стихотворения, которое, однако, имеет неизмеримо большее самостоятельное значение в творчестве Пушкина, далеко выходящее за рамки какого бы то ни было цикла.

Змеи метафорические, мистические и реальные

Важную роль играет метафора из мира змей в стихотворении 1828 года «Воспоминание»:

*В то время для меня влачатся в тишине
Часы томительного бденья:
В бездействии ночном живей горят во мне
Змеи сердечной угрызенья...*

«Сердечная змея» — уязвляющая сердце больная совесть. В стихах отчётливо звучит мотив признания своих грехов и покаяния.

С этим сходна по символическому смыслу «змия воспоминаний» в I главе «Евгения Онегина» (строфа XLVI):

*Того змия воспоминаний,
Того раскаянье грызёт.*

По мнению Вячеслава Иванова, «выразительны во второй из этих двух строк <звукосочетания> грз, крс. Параллельные места в изучаемой элегии: «живей горят во мне змеи сердечной угрызенья», «и горько жалуясь, и горько слёзы лью»⁴. Символы и звуки здесь находятся в полной гармонии. Звукописью Пушкин владел великолепно, как и всеми другими выразительными средствами поэзии.

Близок к обозначению язвящей совести сравнительный оборот во 2-й «Песне западных славян» «Янко Марначич»:

*Янко выстрелил из своего пистоля,
Но рука его пьяная дрожала.*

*В супротивника своего не попал он,
А попал он в своего друга.
С того времени он, тоскуя, бродит,
Словно вол, ужаленный змиёю.*

Другой яркий образ, связанный со «змеиной» символикой, очень важен в стихотворении 1836 года «Отцы пустынники и жёны непорочны...». Перелагая великопостную молитву Ефрема Сирина, Пушкин особенно выделяет грех любоначалаия, чего нет в исходной молитве:

*Владько дней моих! дух праздности унылой,
Любоначалаия, змеи сокрытой сей,
И празднословия не дай душе моей.*

«Сокрытой змеёй» здесь назван тяжкий, тайный грех любоначалаия (а по сути гордыни — истока всех других грехов), умертвляющий душу. По справедливому мнению Валентина Непомнящего, в стихотворении «в особенности важно дополнение: «Любоначалаия, змеи сокрытой сей», — которое подчёркивает особое внимание автора, поэта, слывущего властителем дум, обладающего «могучей властью над умами», к грозящей ему опасности: соблазну духовного владычества над людьми»⁵.

Греховные мысли и соблазны в образе метафорической «прошипевшей змеи» присутствуют в XII октаве «Домика в Коломне»:

*Тогда блажен, кто крепко словом правит
И держит мысль на привязи свою,
Кто в сердце усыпляет или давит
Мгновенно прошипевшую змию...*

В этой же иронической поэме в XXV октаве соблазнительный облик Параша описывается сразу двумя «змеиными» сравнениями, усиливающими эффект:

*Коса змиёй на гребне роговом,
Из-за ушей змиёю кудри русы...*

Развратная вакханка в стихотворении «Нет, я не дорожу мятежным наслажденьем...» также сравнивается с вьющейся змеёй.

Двоякий смысл имеет змий в стихотворении «Стамбул гяуры нынче славят» (1830):

*Стамбул гяуры нынче славят,
А завтра кованой пятой,
Как змия спящего, раздавят*

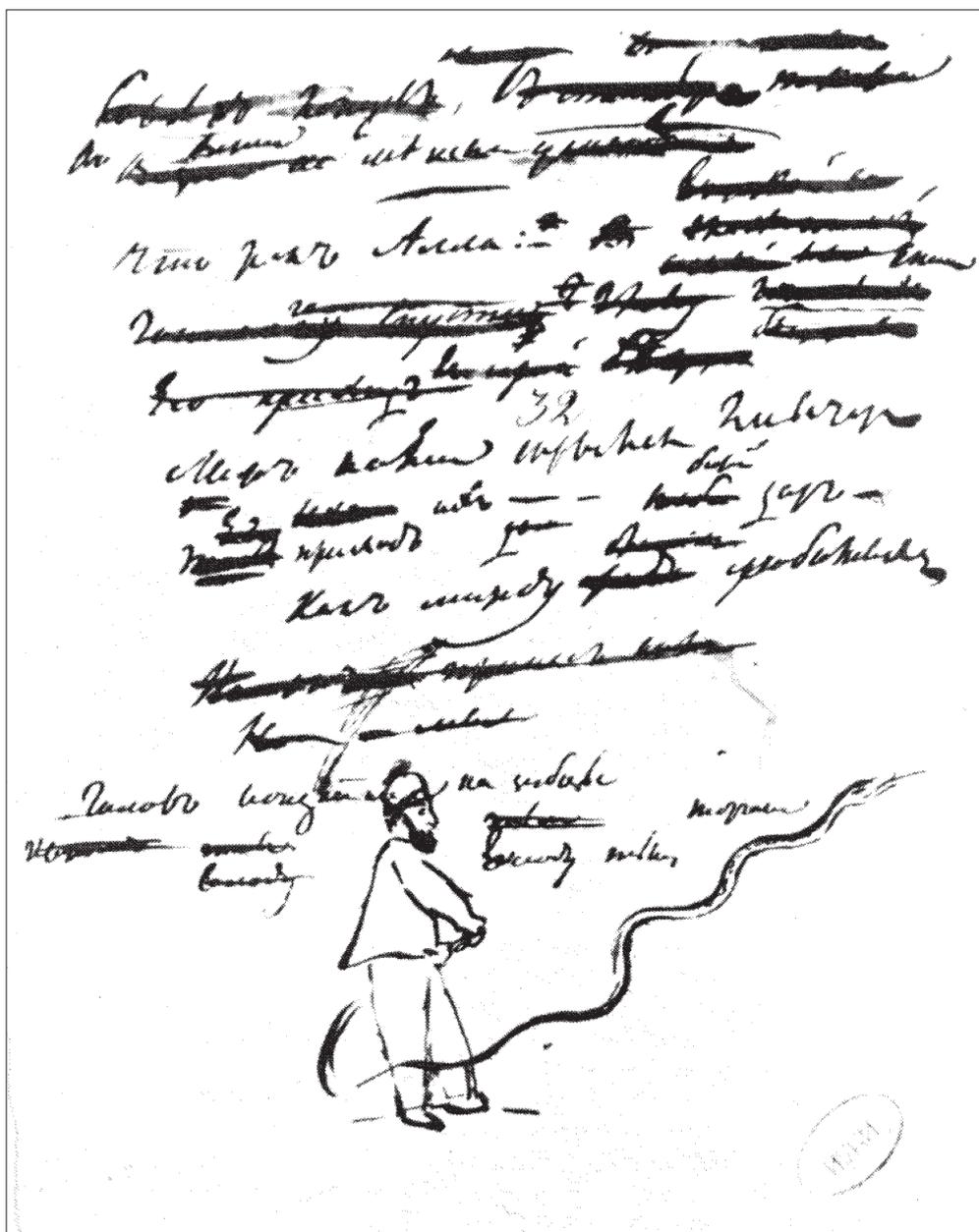

Рисунок в черновике стихов «Стамбул гяуры нынче славят...». 1830 г.

И прочь пойдут и так оставят.
Стамбул заснул перед бедой.

Змий здесь одновременно презренная земная ядовитая тварь, которую безжалостно дают люди, и обозначение греха, нарушения заповедей ислама:

Стамбул отрѣкся от пророка;
 В нём правду древнего Востока
 Лукавый Запад омрачил —
 Стамбул для сладостей порока
 Мольбе и сабле изменил.
 Стамбул отвык от поту битвы
 И пьёт вино в часы молитвы.

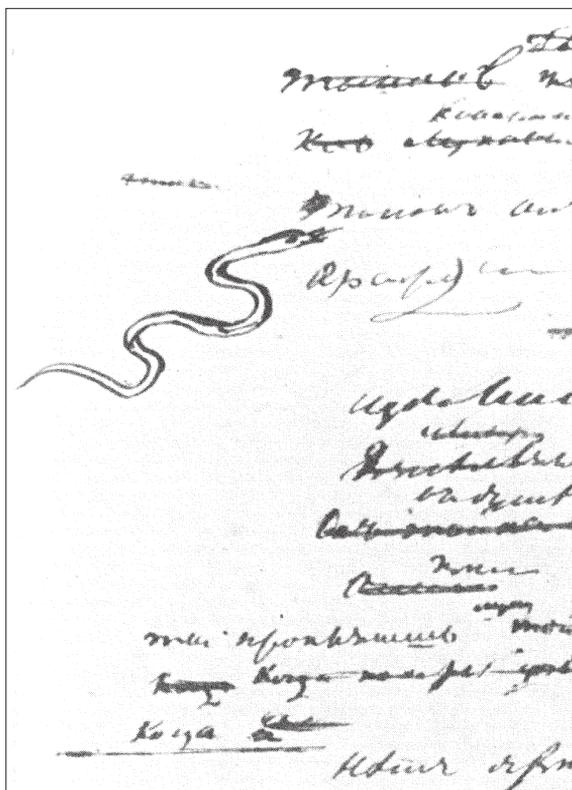

Рисунок в черновике поэмы
 «Полтава». 1828 г.

Характерно, что на листе с черновым автографом Пушкин нарисовал турка, вынимающего саблю из ножен, чтобы убить длинную извивающуюся змею. По справедливому мнению Т.Г. Цявловской, это буквальное графическое отображение сюжета⁶. Стихотворение написано в связи с путешествием поэта в Арзрум. По мнению ряда исследователей⁷, в нём нашли отражение события июня 1826 года в Стамбуле — восстание янычаров против политики султана Махмуда II, которое было жестоко подавлено.

В черновиках поэмы «Полтава» поэт также

рисует змей, причём оба раза это связано с именем коварного гетмана Мазепы как искуителя, соблазнителя Марии Кочубей. Этим он уподобляется библейскому змею-искустителю. Изображение змеи соседствует в рукописи со стихами:

Мария, бедная Мария,
 Краса черкасских дочерей!
 Не знаешь ты, какого змия
 Ласкаешь на груди своей.

Извивающаяся змея нарисована также и на листе со строками:

*«Нет, дерзкий хищник, нет, губитель! —
Скрежеща мыслит Кочубей, —
Я пощажу твою обитель,
Темницу дочери моей...»*

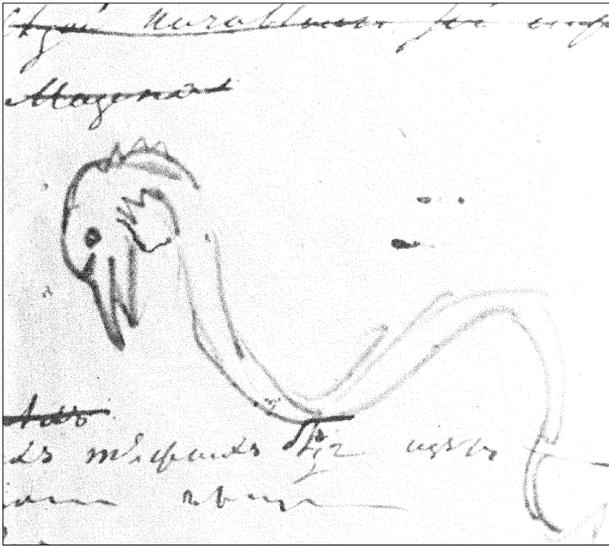

Рисунок в черновике 1-й песни поэмы
«Полтава». 1828 г.

И на том же самом листе рядом со словом «Мазепа» изображена змея с птичьей головой. Это василиск — мифологическое существо, способное убивать взглядом. Характерно, что голова чудовища опущена и возле шеи то ли падающая корона, то ли рука, схватившая за горло. Это можно трактовать как отображение размышлений над судьбой вероломного гетмана в

сюжетной линии поэмы. Таким образом, в поэме «Полтава» змея и василиск — графические эмблемы Мазепы.

И совесть — то у Мазепы «змеиная», думается, не со смысловым оттенком угрызений (гетман вовсе не кается в содеянном), а в значении «нечистая»:

*Палач вошёл... О, ночь мучений!
Но где же гетман? где злодей?
Куда бежал от угрызений
Змеиной совести своей?*

Неслучайно в описаниях деяний Мазепы присутствует метафорический «яд»:

*Повсюду тайно сеют яд
Его подосланные слуги,
Там на Дону казачьи круги
Они с Булавиным мутят.*

Яд метафорический органичен и в стихотворении «Демон»:

*Его улыбка, чудный взгляд,
Его язвительные речи
Вливали в душу хладный яд.*

Образ библейского змия — дьявола–искусителя появляется в XXVII строфе VIII главы «Евгения Онегина», где говорится об ухаживании Онегина за замужней Татьяной в Петербурге:

*О люди! все похожи вы
На прародительницу Эву:
Что вам дано, то не влечёт,
Вас непрестанно змий зовёт
К себе, к таинственному древу:
Запретный плод вам подавай,
А без того вам рай не рай.*

Пушкин обычно не описывает внешность змей и змиев, что и понятно, ведь они используются в основном в метафорическом или символическом значении. Исключение составляет фривольная поэма «Гавриилиада», где змея материализуется и наделяется соблазнительным обликом:

*Краса змиш, цветов разнообразь,
Её привет, огонь лукавых глаз
Понравились Марии в тот же час.
Чтоб усладить младого сердца праздность,
На сатане покоя нежный взор,
С ним завела опасный разговор:*

*«Кто ты, змия? По льстивому напеву,
По красоте, по блеску, по глазам —
Я узнаю того, кто нашу Еву
Привлечь успел к таинственному древу
И там склонил несчастную к грехам...»*

«Змеиные» метафоры и намёки использовал Пушкин и в жизни. Анна Петровна Керн вспоминала о своей первой встрече с поэтом в 1819 году в петербургском салоне Олениных, как ей в игре выпала роль Клеопатры. По легенде египетская царица добровольно ушла из жизни, укушенная в грудь ядовитой змеёй, которую ей принесли в корзине с цветами. Вот что писала А.П. Керн: «...Когда я держала корзину с цветами, Пушкин вместе с братом Александром Полторацким, подошёл ко мне, посмотрел на корзинку и сказал: «*Et c'est sans doute Monsieur qui fera l'aspic?*» («А роль змеи, как

видно, предназначается этому господину?») Я нашла это дерзким, ничего не ответила и ушла»⁸. Намёк на интимные отношения с кузеном, сопровождавшим тогда очаровательную 18-летнюю провинциалку Керн в петербургском свете и вовсе не являвшимся её соблазнителем, молодой женщине, разумеется, не понравился.

Показательно, что в 1825 году в михайловской ссылке, примерно в то время, когда Пушкин вновь встречался с Анной Керн, в наброске стихотворения 1825 года «Играй, прелестное дитя...», адресованном предположительно 15-летней Евпраксии Вульф, поэт не советует девушке забавляться «с уснувшим змеем».

Функции вершителя судьбы играет в «Песни о вещем Олеге» змея, выползшая из черепа павшего коня:

*«...Так вот где таилась погибель моя!
Мне смертию кость угрожала!»
Из мёртвой главы гробовая змия
Шипя между тем выползала;
Как чёрная лента, вокруг ног обвилась:
И вскрикнул внезапно ужаленный князь.*

В содержании стихотворения просматриваются мифологические и библейские корни. «Се даю вам власть наступать на змей и скорпионов и на всю силу вражью; и ничто не повредит вам», — говорил Христос ученикам (Лк. 10, 19). Укус змеи не приносит вреда апостолу Павлу (Деян. 28, 6), потому что его час ещё не настал. Также и князь Олег, по словам провидца-кудесника, пока «незримый хранитель могущему дан», неуязвим для врагов, для стихии. Когда наступает время, то от смерти не уйдёшь. Опять-таки змея и в стихотворении, и в библейских эпизодах — это и ядовитое пресмыкающееся, и олицетворение злых смертоносных сил. Само предсказание кудесника мистически связано с гербом Хазарского каганата, воевавшего с князем Олегом. Символика этого герба восходит к символике коня и змеи как эмблем Данова колена иудеев, составлявшего значительную часть населения каганата⁹. Эти эмблемы наряду с другими использовались и масонами.

По народным представлениям, болезни происходили от греха и вызывались злыми духами, дьяволами. Это нашло отражение в 14-й «Песне западных славян». Павлиха, терзаемая завистью к сестре своего мужа Елице, убивает коня,

сокола и даже своего ребёнка и сваливает вину на золовку, которая в результате клеветы погибает от рук брата. В наказание

*Захворала молодая Павлиха.
Девять лет Павлиха всё хворает, —
Выросла трава сквозь её кости,
В той траве лютый змей гнездится,
Пьёт ей очи, сам уходит к ночи.
Лютю страждет молода Павлиха...*

Змея как мерзкое животное, от которого отдёргивают руку, присутствует в сравнительном обороте в стихотворении «Коварность» (1824). А в маленькой трагедии «Моцарт и Сальери» заражённый смертоносной завистью Сальери почти отождествляет себя со змеей:

*Кто скажет, чтоб Сальери гордый был
Когда-нибудь завистником презренным,
Змеёй, людьми растоптанною, вживе
Песок и пыль грызущею бессильно?
Никто!.. А ныне — сам скажу — я ныне
Завистник. Я завидую; глубоко,
Мучительно завидую. — О небо!*

Само наличие змеи в сравнении здесь уже ассоциирует с грехом. Один грех влечёт другой, ещё больший: завистник отравляет Моцарта ядом.

Змея с незапамятных времён связывалась с такими качествами, как коварство, хитрость, что имело своим источником и библейские сюжеты, и фольклорные. В трагедии «Борис Годунов» Самозванец в сцене у фонтана называет Марину Мнишек змеей, что является ёмкой характеристикой её личности и действий:

*И путает, и вьётся, и ползёт,
Скользит из рук, шипит, грозит и жалит.
Змея! змея! — Недаром я дрожал.
Она меня чуть-чуть не погубила.*

Иногда слово «змея» используется как ругательство и в жизни, и в литературе. Например, в «Скупом рыцаре» Альбер обзывает хитрого ростовщика жида, уловившего его настроение и предложившего ему отравить скупца отца:

*Да знаешь ли, жидовская душа,
Собака, змей! что я тебя сейчас же
На воротах повешу.*

В мифах, в «преданьях старины глубокой» мир пресмыкающихся и земноводных связан с тёмными силами, магическими обрядами, колдунами и колдовством. В поэме «Руслан и Людмила» колдунья Наина в образе летучего змея появляется в покоях Черномора, предупреждая его об опасности и предлагая заключить с ней союз против Руслана:

*Как вдруг, откуда ни возьмись,
В окно влетает змий крылатый:
Гремя железной чешуёй,
Он в кольца быстрые согнулся
И вдруг Наиной обернулся
Пред изумлённою толпой.*

Жабы, лягушки и другие земноводные

Символика змеи и жабы во многом сходна. «Все народы почитали жабу ядовитым животным», — написал Пушкин в примечании к 4-й «Песне западных славян» «Феодор и Елена». Ядовитые жабы и лягушки действительно существуют. Смертельно ядовита жаба ага, живущая в Америке. Немного ядовита камышовая жаба, обитающая в Европе, но её яд людям не опасен. Обыкновенные жабы, конечно, не ядовиты. Однако непривлекательный внешний вид и ядовитость отдельных видов в представлениях людей сблизили их со змеями, отсюда и сходная символика. В Библии жабы несколько раз упоминаются как гадкие прожорливые животные, которых Бог насылает в наказание народам за непослушание и грехи. В Апокалипсисе злые духи похожи на жаб: «И видел я выходящих из уст дракона и из уст зверя и из уст лжепророка трёх духов нечистых, подобных жабам. Это бесовские духи, творящие знаменья...» (Откр. 12, 13–14).

В стихотворении Пушкина «Феодор и Елена» из цикла «Песни западных славян» присутствуют образы и жабы, и змеи. Жаба здесь — змееподобное существо. По сюжету прекрасная молодлица Елена отвергает ухаживания старика Стамати, тот обращается к жиду-колдуну, чтобы в отместку навести на неё порчу. По указанию колдуна старик приносит с кладбища (как бы из мира мёртвых) чёрную жабу.

Колдовство строится на магическом обряде с целью плодородия, пародирующем крещение:

*Жид на жабу проливает воду,
Нарекает жабу Иваном
(Грех велик христианское имя
Нареци такой поганой твари!).
Они жабу всю потом искололи,
И её — ея ж кровью напоили;
Напоивши, заставили жабу
Облизать поспелую сливу.*

«Феодор и Елена» — это перевод Пушкиным песни «Прекрасная Елена» из книги Проспера Мериме «Гузла» («Гусли»). В оригинале фигурирует яблоко, но великий поэт меняет его на сливу, символизирующую плодородие у славян. Съев сливу, Елена беременеет змеей:

*Только съела поганую сливу,
Показалось бедной молодице,
Что змия у ней в животе шевелится.*

Вернувшись, муж Елены, Феодор, думает, что она ему изменила и беременна от другого мужчины, убивает её и во чреве находит вместо младенца чёрную жабу... Подробный разбор содержания и символики этого произведения сделан в статье Р.А. Шаяхметова¹⁰, который пишет: «Здесь нужно обратить внимание, что у славян лягушка-жаба входила в любовно-брачную символику. Кашубы говорили о забеременевшей вне брака, что она объелась лягушек. Подобные коннотации наблюдаются у А.С. Пушкина (в стихотворении «Гусар» — «Свистят и в мерзостной игре | Жида с лягушкою венчают», в записи народных сказок «царица разрешилась не мышью, не лягушкой, неведомой зверюшкой»).

Отметим в этой связи, что в «Сказке о царе Салтане...» клевета сестёр и Бабарихи на царицу, якобы родившую даже «не лягушку, а неведому зверюшку», может интерпретироваться и как ложное свидетельство измены царицы. И вполне закономерно, что клеветницы сравниваются с жабами:

*А ткачиха с Бабарихой
Да с кривою поварихой
Около царя сидят.
Злыми жабами глядят.*

Последнее метафорическое выражение очень ёмко и колоритно: тут и некрасивая «жабья» внешность, и завистливый злой характер, и глубокая греховность клеветниц.

Отметим, что употребление слова «жид» у Пушкина не несёт само по себе обидного оттенка, который оно приобрело гораздо позже. В двух стихотворениях упоминаются жида-колдуны. Это отражение народных предрассудков в художественных произведениях и не связано с отношением самого поэта к евреям, которое было совершенно нормальным для аристократического сословия.

Христианская символика лягушки в целом сходна с символикой жабы, но в более мягком варианте. Кваканье лягушек символизировало ересь, например. Оттенок этого смысла и одновременно каламбурное передразнивание вопроса французского капитана («Quoi? quoi?» — Что-что?) чувствуется в бранной реплике русского воина, убегающего от войска Самозванца: «Ква! ква! тебе любо, лягушка заморская, квакать на русского царевича; а мы ведь православные».

В «Истории села Горюхина» Пушкин иронизирует над поверьем о связи лягушек с бесовскими силами, описывая непроходимое болото на восточной границе Горюхина, *«где произрастает одна клюква, где раздаётся лишь однообразное кваканье лягушек и где суеверное предание предполагает быть обиталищу некоего беса»*.

Рисунок рака в рукописи романа «Евгений Онегин». 1825 г.

Другое земноводное, рак, увиденное во сне, по различным толкованиям, предвещает всякие несчастья и неурядицы: обман близкого человека, измену, раздор, печаль, обиду. Паук во сне считался предвестником перемен в жизни — плохих или хороших в зависимости от обстоятельства сна. В V главе «Евгения Онегина» в описании сна Татьяны упоминается «рак верхом на пауке» как одно из предвестий трагических событий. В рукописи произведения имеется на полях рисунок, изображающий

рака. И хотя комментаторы предполагают, что это, возможно, знак зодиака, рисунок выглядит реалистично.

Считалось, что рак приносит несчастье. В стихотворении «Утопленник» чёрные раки, впившиеся в тело, придают ещё более зловещий и устрашающий вид утопленнику, который стучится в окно крестьянина, спихнувшего его в воду из боязни приезда полиции и тем самым помешавшего его погребению по христианскому обряду.

Рак встречается в произведениях и письмах Пушкина не часто (5 раз). В традиционном смысле как животное, которое пятится назад, рак упомянут в сравнительном обороте в письме поэта к жене от 22 сентября 1832 года: *«Велосифер, по-русски поспешный дилижанс, несмотря на плеоназм, поспешал как черепаха, а иногда даже как рак. В сутки случилось мне сделать три станции»*. Эта же поведка рака, скорее всего, обыгрывается в черновом наброске «Общество московских литераторов» — пародии на редакцию журнала «Вестник Европы», название которого переименовано — «Азиатский рак». Это своего рода смысловой перевёртыш.

Почти полное «семейство» символических пресмыкающихся и земноводных содержится в иронических X–XI октавах «Домика в Коломне», где говорится о низких дрязгах в литературной среде:

*И табор свой писателей ватага
Перенесла с горы на дно оврага.*

*И там колышутся себе в грязи
Густой, болотистой, прохладной, клейкой,
Кто с жабой, кто с лягушками в связи,
Кто раком пятится, кто вьётся змейкой.*

* * *

В своих произведениях А.С. Пушкин использует названия пресмыкающихся и земноводных в метафорических, сравнительных, шутивно-иронических и пародийных оборотах в основном в переносном, символическом или двояком смысле, причём символика восходит преимущественно к библейским сюжетам, реже к фольклорным. Чаще других из этих классов животных в произведениях великого поэта упоминаются близкие по смыслу и символике змеи (40) и жабы (10).

Ссылки и комментарии

¹ Употребление слова «змей» в значении игрушки («воздушный змей») есть у Пушкина в «Истории села Горюхина» и в «Капитанской дочке». К миру пресмыкающихся они не относятся и здесь не рассматриваются. Также не рассматривается употребление слова «рак» в значении знака зодиака.

² Бонди С.М. О Пушкине. Статьи и исследования. — М.: Художественная литература, 1978. — С. 148.

³ Аринштейн Л.М. Пушкин. Непричёсанная биография. — М.: ИД «Муравей», 1998. — С. 154–161.

⁴ Иванов В.И. К проблеме звукообраза у Пушкина // Иванов В.И. Лик и личности России. — М.: Искусство, 1995. — С. 247–248.

⁵ Непомнящий В.С. Да ведают потомки православных. Пушкин. Россия. Мы. — М.: Сестричество во имя преподобномученицы великой княгини Елизаветы, 2001. — С. 54.

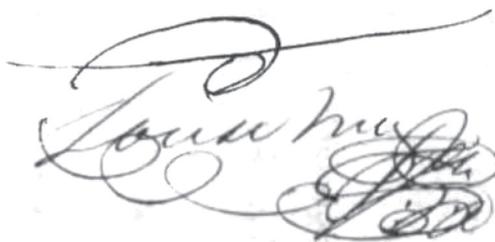
⁶ Цявловская Т.Г. Рисунки Пушкина. — М.: Искусство, 1983. — С. 40, 46.

⁷ Обзор комментариев к этому стихотворению содержится в статье: Белкин Д.И. О комментариях к стихам «Стамбул гяуры нынче славят..» // Болдинские чтения. — Горький: Волго-Вятское книжное издательство, 1983. — С. 119–128.

⁸ Керн (Маркова-Виноградская) А.П. Воспоминания. Дневники. Переписка. — М.: Правда, 1989. — С. 28.

⁹ Дмитриева Е.Т. О чём нас предупреждает Александр Сергеевич Пушкин. Комментарий к стихотворению «Песнь о вещем Олеге» // Русская народная линия. 23.04.2014. http://ruskline.ru/analitika/2014/04/23/o_chem_nas_preduprezhdaet_aleksandr_sergeevich_pushkin/

¹⁰ Шаяхметов Р.А. К интерпретации магического обряда в стихотворении Пушкина «Феодор и Елена» // II научная интернет-конференция с международным участием «Филология — культурология: диалог наук». 18 декабря 2011 года — 18 января 2012 года. Обнинск: ОГУ, 2012 // <http://www.litural.ru/?file=295>

A handwritten signature in black ink, likely belonging to Alexander Pushkin. The signature is highly stylized and cursive, starting with a large, sweeping flourish that extends across the top of the page. The name 'Пушкин' is clearly legible in the middle section, followed by a smaller, more intricate flourish at the end.

«Смилуйся, государыня рыбка...»

Самым ярким и важным образом водной фауны в произведениях А.С. Пушкина является, безусловно, золотая рыбка в «Сказке о рыбаке и рыбке»:

*В третий раз закинул он невод, —
Пришёл невод с одною рыбкой,
С непростую рыбкой, — золотою.
Как взмолится золотая рыбка!
Голосом молвит человечьим:
«Отпусти ты, старче, меня в море,
Дорогой за себя дам откуп:
Откуплюсь чем только пожелаешь».
Удивился старик, испугался:
Он рыбачил тридцать лет и три года
И не слыхивал, чтоб рыба говорила.
Отпустил он рыбку золотую
И сказал ей ласковое слово:
«Бог с тобою, золотая рыбка!
Твоего мне откупа не надо».*

Сюжетная основа этой сказки, как указывает М.К. Азадовский, позаимствована поэтом у братьев Гримм из «Сказки о рыбаке и его жене» и перенесена на русскую национально-историческую почву: «...устанавливается ряд очень характерных и убедительных совпадений, позволяющих установить прямую зависимость сказки Пушкина от гриммовского текста. Из деталей первой в тексте Гриммов отсутствует: мотив корыта (первое требование у Гриммов — новый дом), по-разному именуются рыбки: у Пушкина — золотая рыбка, у Гриммов — камбала, причём у Пушкина упущено указание, что рыбка — заколдованный принц. Наконец, Пушкин значительно усилил мотив покорности мужа. В сказке Гриммов старик только покорный муж, не смеющий ослушаться приказов жены и пользующийся вместе с ней дарами чудесной рыбы; у Пушкина — старик совершенно отделяется от старухи, чем достигается большая художественная и психологическая глубина. Текст немецкой сказки Пушкин переключил в план русской»¹.

В этой связи показательным является мнение протоиерея Николая Германского: «В образе простого и смиренного старика легко

угадывается Россия, призванная Богом пребывать в трудах и молитвах и желающая жить спокойно и праведно... И вот за своё долготерпение старик сподобляется поймать рыбку, готовую исполнять его желания. Но удивительно то, что он ничего не просит у неё для себя. Почему? Да потому что у него всё есть: и мир на душе, и любимое дело, и даже сварливая жена, которой постоянно чего-то не хватает и с которой он обречён жить бок о бок всю свою жизнь»².

«Сказка о рыбаке и рыбке» А.С. Пушкина является не единственным произведением русской литературы первой трети XIX века, источником которого послужила «Сказка о рыбаке и его жене». Стихотворное переложение сказки братьев Гримм сделала в 1824 году юная поэтесса-переводчица Елизавета Кульман (1808–1825), писавшая на русском, немецком и итальянском языках. Художественные достоинства её сказки «Рыбак и его жена» и «Сказки о рыбаке и рыбке», конечно, несравнимы. Талантливая девушка довольно точно следовала немецкому оригиналу, ввела лишь непринципиальные отличия, и её сказка осталась «заморской», как и указано в подзаголовке³.

Среди важных отличий пушкинской сказки от гриммовской называется замена поэтом последних требований жены рыбака — стать римским папой и Богом⁴. В черновой версии сказки А.С. Пушкина эти требования присутствуют⁵, но потом поэт их исключил, скорее всего, как неестественные для православной Руси. Однако, на наш взгляд, не это отличие от гриммовского текста является ключевым. Пушкинская сказка гораздо глубже исходной немецкой прежде всего благодаря центральному образу самой золотой рыбки. Неслучайно поэт опускает её видовую принадлежность и не соотносит с заколдованным принцем. Рыбка у Пушкина именно золотая, и это роднит её с золотым петушком из другой сказки. Золото у славянских народов символизирует божественную власть, богатство, исполнение желаний. Примером может служить былина о Садко, которому водяной даёт возможность выловить три рыбки с золотыми перьями, что приносит ему богатство:

*А не то ступай во Новгород
И ударь о велик заклад,
Заложь свою буйну голову
И выряжай с прочих купцов*

*Лавки товара красного,
И спорь, что в Ильмень-озере
Есть рыба — золоты перья.
Как ударишь о велик заклад,
И поди свяжи шелковой невод
И приезжай ловить в Ильмень-озеро:
Дам три рыбины — золота перья.
Тогда ты, Садко, счастлив будешь!*

Образную перекличку этой былины со «Сказкой о рыбаке и рыбке» подтверждает первый стих черновой редакции: «На Ильмене на славном озере»⁶. Важно также и то, что у древних христиан рыба была символом Христа Спасителя. Как полагает протоиерей Николай Германский, «и в сказке Александра Сергеевича она также символизирует Господа, который всегда «гордым противится, а смиренным даёт благодать», как сказано в Евангелии»⁷.

В «Сказке о рыбаке и рыбке» золотая рыбка соотносится с «владычицей морской», она немногословна и милостива, пока требования старухи не выходят за рамки разумного и возможного. Это в полном смысле «государыня рыбка», как обращается к ней старик. Состояние моря зависит от настроения рыбки и в сказке братьев Гримм, но у Пушкина эта зависимость более яркая, существенная, глубинная. Золотая рыбка не отвечает на наглое требование старухи стать владычицей морской. Молча скрываясь в своей стихии, она возвращает героев к разбитому корыту:

*Ничего не сказала рыбка,
Лишь хвостом по воде плеснула
И ушла в глубокое море.*

Так не отвечает Бог на человеческую мольбу, исполнение которой нанесло бы вред душе просителя.

Образ морской владычицы — прекрасной золотой рыбки — даже внешне резко отличается от упоминаемой в песни «Яныш королевич» (из цикла «Песни западных славян») Див-рыбы — морского чудовища, властителя глубин. В близком к этой песни по сюжету стихотворном наброске, который перекликается с драмой Пушкина «Русалка», влюблённый князь сравнивает русалку с золотой рыбкой:

*О, скоро ли она со дна речного
Подыметя, как рыбка золотая?*

Как видим, образ золотой рыбки появляется у Пушкина в 1826 году, за 7 лет до сочинения «Сказки о рыбаке и рыбке», и связан с исполнением желания князя встретиться с возлюбленной.

Миры русалок и рыб естественно переплетены между собой и в фольклоре, и у Пушкина, который использовал запись свадебной песни, сделанной в Михайловском, в драме «Русалка» в сцене княжеской свадьбы:

*По камушкам, по жёлтому песочку
Пробегала быстрая речка,
В быстрой речке гуляют две рыбки,
Две рыбки, две малые плотицы.
А слышала ль ты, рыбка-сестрица,
Про вести-то наши, про речные?
Как вечер у нас красна девица топилась,
Утопая, мила друга проклинала.*

Отметим также упоминаемую в реплике мельника рыбку-одноглазку, подобно мифическому циклопу, стерегущую деньги, отданные на сохранение дочери-русалке.

Издrevле у разных народов водные божества, традиционно обладавшие даром пророчества и целительства, умиротворялись дарами. Отсюда происходит обычай бросать монеты в воду (фонтан, море, бассейн), загадывая желание. Этот обычай опоэтизирован Пушкиным в «Бахчисарайском фонтане» при описании времяпровождения наложниц в гареме хана Гирея:

*На шёлковых коврах оне
Толпою резвою сидели
И с детской радостью глядели,
Как рыба в ясной глубине
На мраморном ходила дне.
Нарочно к ней на дно иные
Роняли серьги золотые.*

В своих произведениях Пушкин не склонен часто употреблять видовые названия рыб, даже если это касается рыбы как предмета промысла или как пищи. Выросший в Захарове поэт, несомненно, знал множество названий речной рыбы, но упоминает только некоторые из них, потому что в художественных произведениях это не всегда важно. Когда надо указать на разнообразие рыбы в водоёмах, Пушкину хватает трёх названий, как хорошему художнику бывает до-

статочно несколько мазков для изображения дальнего леса: «Пруд наполнен карасями, а в реке Сивке водятся щуки и налимы» («История села Горюхина»).

Старинное рыбное блюдо «щука в скатерти» (то есть щука, запечённая под тонким слоем теста) упоминается в известном отрывке «Послания к Юдину», посвящённом сельцу Захарову:

*Но вот уж полдень. В светлой зале
Весельем круглый стол накрыт;
Хлеб—соль на чистом покрывале,
Дымятся щи, вино в бокале,
И щука в скатерти лежит.*

Самыми яркими «гастрономическими» стихами великого поэта является отрывок «У Гальяни и Кальони...» из письма С.А. Соболевскому от 9 ноября 1826 года, где содержится стихотворный рецепт ухи из форели:

*Поднесут тебе форели!
Тотчас их варить веди,
Как увидишь: посинели,
Влей в уху стакан шабли.*

*Чтоб уха была по сердцу,
Можно будет в кипяток
Положить немного перцу,
Луку маленькой кусок.*

Поэт советует другу: «В Валдае спроси, есть ли свежие сельди?»

Из вкусной благородной рыбы Пушкин несколько раз упоминает осетра. В неоконченном романе «Рославлев» рыбные деликатесы на равных «соперничают» с французской писательницей мадам де Сталь за внимание гостей, привыкших к пустому времяпровождению в свете: «Наши умники ели и пили в свою меру и, казалось, были гораздо более довольны ухой князя, нежели беседою M^{de} de Stael... Внимание гостей 20 разделено было между осетром и M^{de} de Stael».

В «Исторических записках» Пушкин упоминает остроту князя Г.А. Потёмкина в отношении прославленного полководца А.В. Суворова: «Суворов наблюдал посты. Потёмкин однажды сказал ему смеясь: «Видно, граф, хотите вы въехать в рай верхом на осетре». Эта шутка, разумеется, принята была с восторгом придворными светлейшего».

Форелью, осетрами и стерлядью, упомянутой как угощение в письме к жене из Нижнего Новгорода от 2 сентября 1833 года, ограничивается разнообразие видов благородной рыбы в произведениях Пушкина. Из вкусных морских обитателей поэт упоминает устриц. По-видимому, Пушкин и его друзья обожали этот деликатес. В одесских строфах «Путешествия Онегина» есть такие жизнерадостные строки:

*Но мы, ребята без печали,
Среди заботливых купцов
Мы только устриц ожидали
От цареградских берегов.
Что устрицы? пришли! О радость!
Летит обжорливая младость
Глотать из раковин морских
Затворниц жирных и живых,
Слегка обрызнутых лимоном.*

В письме от 22–23 апреля 1825 года из Михайловского в Петербург брату Льву А.С. Пушкин передаёт весёлое пожелание гостившего у него барона А.А. Дельвига: «Приказывает тебе кланяться, мысленно тебя целуя 100 раз, желает тебе 1000 хороших вещей (например, устриц)».

Из крупных морских обитателей в произведениях Пушкина появляется только дельфин, да то и как бы мимоходом — в черновой строке стихотворения «Арион»: «Спасён Дельфином, я пою». По преданию, греческий поэт и певец Арион, живший в VI веке до н.э., был вынужден прыгнуть за борт судна в море, спасаясь от грабивших его моряков. Поэта подхватил дельфин и вынес на сушу.

Пушкинское стихотворение «Арион» относится к декабристскому циклу⁸. Оно приурочено к годовщине казни пятерых декабристов⁹ 13 июля 1826 года и лишь в некоторых общих чертах использует это предание, далеко выходя за его рамки:

*Погиб и кормщик и пловец! —
Лишь я, таинственный певец,
На берег выброшен грозою,
Я гимны прежние пою
И ризу влажную мою
Сушу на солнце под скалою.*

В окончательный текст упомянутая выше строка о дельфине не попала. Как писал Д.Д. Благой, «этот вариант, и

вообще вступающий в противоречие с реалистическим строем стихотворения, и, кроме того, способный вызвать чересчур прямолинейные ассоциации (по-французски слова «дельфин» и «дофин» — синонимы), Пушкина никак не мог удовлетворить. И вот он возвращается ко второму из вариантов, заменяя только слово «песни» подсказанным первым вариантом словом «гимны», которое находится в полном соответствии с историей (Арион считался создателем дифирамба как жанра) и, главное, даёт представление о высоком гражданском пафосе песен поэта, действительно в этом отношении являющихся «прежними». Другими словами, поэт не захотел, чтобы в стихах был намёк на то, что его спас от наказания по делу о восстании декабристов наследник («дельфин-дофин») Николай I, взойдя на престол. Арион у Пушкина «на берег выброшен грозою», что соотносится с волей небес (как бы Зевса Громовержца), потому поёт «гимны прежние»¹⁰.

В середине глубокого, многопланового религиозно-философского стихотворения «Пророк», которое по датировке и некоторым черновым вариантам стихов также можно условно отнести к декабристскому циклу, есть такие важные строки:

*И внял я неба содроганье,
И горний ангелов полёт,
И гад морских подводный ход,
И дольней лозы прозябанье.*

Пушкин здесь использует сложную антитезу для описания всевидения и всеслышания поэта-пророка: ему ведомо горнее и дольнее, происходящее в воздушной, земной и водной стихиях, крупное и малое, находящееся в быстром движении и стоящее на месте — словом, всё многообразие мира. Неотъемлемой частью этой образной антитезы является «гад морских подводный ход» — движение мелких тварей в водной стихии.

Водные животные в произведениях А.С. Пушкина упоминаются для образного описания противоположных начал: высокого, божественного, прекрасного, справедливого, желанного, сказочного (золотая рыбка) и низкого, мелкого, дольного (морские гады, рыба как пища).

Ссылки и комментарии

¹ Азадовский М.К. Источник сказок Пушкина // Временник Пушкинской комиссии. Вып. 1. — М.-Л., 1936. — С. 142.

² Германский Николай, протоиерей. Россия и судьбы мира // Наш современник. — 2015. — № 4. — С. 183.

³ Жаткин Д.Н., Гришина О.С. Ещё раз к вопросу об источниках пушкинской «Сказки о рыбаке и рыбке» (А.С. Пушкин и Е.Б. Кульман) // Пушкин на пороге XXI века. Провинциальный контекст. Вып. 10. — Арзамас: АГПИ, 2008. — С. 138–149.

⁴ Азадовский М.К. Источник сказок Пушкина... С. 141.

⁵ Бонди С.М. Новые страницы Пушкина: статьи, проза, письма. — М.: Кооперативное издательство, 1931. — С. 53–58.

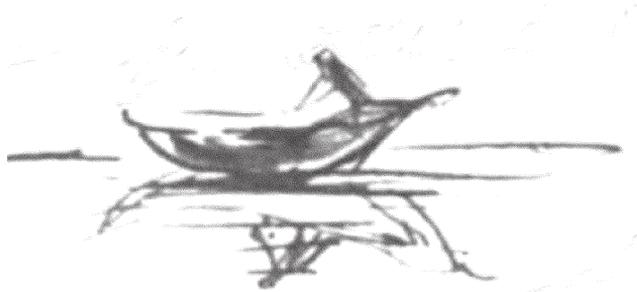
⁶ Азадовский М.К. Источник сказок Пушкина... С. 143.

⁷ Германский Николай, протоиерей. Россия и судьбы мира... С. 183.

⁸ Отнесение стихотворения «Арион» к декабристскому циклу не бесспорно. См.: Немировский И.В. Декабрист или сервист? Биографический контекст стихотворения «Арион» // Легенды и мифы о Пушкине. — СПб.: Академический проект, 1999. — С. 174–191.

⁹ Иезутова Р.В. К истории декабристских замыслов Пушкина. 1826–1827 гг. // Пушкин. Исследования и материалы. — Л.: Наука, 1983. — Т. 11. — С. 94–100.

¹⁰ Благой Д.Д. Творческий путь Пушкина. 1826–1830. — М.: Советский писатель, 1967. — С. 158–159.

«Моё собрание насекомых...»

Литературные образы насекомых и связанные с ними прозвища были неотъемлемой частью культуры пушкинского времени. И творчество Пушкина — яркое тому свидетельство.

Вступив в ранней юности в общество «Арзамас», поэт получил прозвище Сверчок, по мнению Ф.Ф. Вигеля, потому что уже тогда «в некотором отдалении от Петербурга, спрятанный в стенах Лицея, прекрасными стихами уже подавал оттуда свой звонкий голос»¹. И после распада общества Пушкин не забыл своё прозвище, упоминал его в письмах из Кишинёва «арзамасцам»².

Чаще всего из насекомых — 62 раза — великий поэт упоминает пчелу, в основном в названии журнала «Северная пчела», в письмах и публицистике. О самом трудолюбивом насекомом Пушкин пишет с явной симпатией. Вылет первых пчёлков после зимних холодов знаменует у него приход весны и преддверие расцвета природы:

*Как из чудного царства воскового,
Из душистой келейки медовой
Вылетала первая пчёлка,
Полетела по ранним цветочкам
О красной весне поразведать...*

С этим черновым наброском 1828 года перекликаются строки о наступлении весны в VII главе «Евгения Онегина»:

*Пчела за данью полевой
Летит из кельи восковой.*

Как пример прекрасных метафор эти два стиха стали хрестоматийными. Важно и то, что в контексте строфы они включены в цикл народных примет³, с которыми связано образное и точное описание сельской весны от начала апреля до первых чисел мая. Пчёлы обычно начинали вылетать в день Зосимы-пчельника (17/29 апреля): «На Зосиму расставляй улья». Также с народной приметой о хорошей ясной погоде связано упоминание жука в той же главе, сопровождаемое красивой звукописью (аллитерацией):

*Был вечер. Небо меркло. Воды
Струились тихо. Жук жуужжал.*

В «Евгении Онегине» пчела встречается ещё дважды. В V главе выходящие из-за стола гости на именинах Татьяны уподобляются пчелиному рою:

*Так пчёл из лакомого улья
На ниву шумный рой летит.*

Во II главе невинная прелесть юной Ольги, выросшей в сельской глуши, передаётся сравнением с лесным ландышем:

*Цвела как ландыш потаённый,
Не знаемый в траве глухой
Ни мотыльками, ни пчелой.*

Свою молодую музу в неоконченном черновом отрывке 1824 года «О боги мирные полей, дубров и гор...» Пушкин сравнивает с золотой пчёлкой, подчёркивая лёгкость, звучность и, можно предположить, трудолюбие:

*И своенравная волшебница моя,
Как тихой ветерок, иль пчёлка золотая,
Иль беглый поцелуй, туда, сюда летая...*

Подчёркивая широту литературной деятельности Н.И. Гнедича, переводившего героические эпосы Гомера и сочинявшего лирические стихи, в 1832 году в посвящённом ему стихотворении Пушкин писал:

*Ты любишь гром небес, но также внемлешь ты
Жужжанью пчёл над розой алой.*

Совсем в ином тоне отзывался поэт об издателях журнала «Северная пчела», где часто помещалась несправедливая критика на его произведения. Булгарина и Греча (а может быть, и сотрудника журнала Бориса Фёдорова — «Борьку»), норовивших «ужалить» Пушкина по малейшему поводу и без повода, он в письме М.П. Погодину от 1 июля 1828 года назвал «северными шмелями».

Немаловажную роль играют кусачие насекомые в «Сказке о царе Салтане...», в которой князь Гвидон, чтобы достичь «царства славного Салтана» вместе с корабельщиками, обращается поочерёдно в комара, муху и шмеля и кусает повариху, ткачиху и Бабариху. В сказке няни Арины Родионовны, записанной поэтом в Михайловском в конце 1824 года и взятой им за основу, царевич все три раза обращается в муху. Думается, Пушкин таким образом не просто разнообразил сказку, а с каждым циклом действия вводил в него насекомых, которые кусаются всё больше, увеличивая

напряжённость действия по мере приближения к кульминации.

Однако лишь в этой сказке муха и комар — «положительные герои». В жизни и в остальных произведениях они Пушкину вовсе несимпатичны. О посещении поэтом, влюблённым в А.А. Оленину, усадьбы её родителей Приютино, где было много комаров, П.А. Вяземский со свойственной ему иронией сообщал жене в мае 1828 года: *«Там нашли мы и Пушкина со своими любовными гримасами. <...> Пушкин был весь в прыщах и, осаждаемый комарами, нежно восклицал: сладко!»*

В стихотворении «Осень» (1833) великий поэт признавался:
*Ох, лето красное! любил бы я тебя,
Когда б не зной, да пыль, да комары, да мухи.*

Мух и комаров поэт упоминает чаще других неприятных насекомых — по 10 раз⁴ — и редко когда без отрицательной эмоциональной окраски⁵. Так, в поэме «Езерский» об одном из представителей рода сказано:

*При Калке
Один из них был схвачен в свалке,
А там раздавлен, как комар,
Задами тяжкими татар...*

Во II главе «Евгения Онегина» читаем:

*Он в том покое поселился,
Где деревенский старожил
Лет сорок с ключницей бранился,
В окно смотрел и мух давил.*

Выражение «мух давил» означает «пьянствовать». Этому занятию предавался дядюшка главного героя, оставивший после себя «наливок целый строй». Но и в прямом смысле покойный от скуки мог бить надоедливых мух.

В черновике IV главы встречаемся с мухами в переносном смысле: *«Кто бьёт хлопнушкой мух журнальных...»* Эта цитата как бы расшифровывается законченным немного позже стихотворением 1826 года «Совет»:

*Поверь: когда слепней и комаров
Вокруг тебя летает рой журнальный,
Не рассуждай, не трать учтивых слов,
Не возражай на писк и шум нахальный:
Ни логикой, ни вкусом, милый друг,
Никак нельзя смирить их род упрямый.*

*Сердиться грех — но замахнись и вдруг
Прихлопни их проворной эпиграммой.*

Остроумными эпиграммами Пушкин пригвождал своих литературных недругов или просто слабых, по его мнению, авторов и графоманов, придумывая им прозвища из мира насекомых. Самым ярким примером является стихотворение «Собрание насекомых», напечатанное в 1830 году в альманахе «Подснежник» и следом в «Литературной газете»:

*Моё собранье насекомых
Открыто для моих знакомых:
Ну, что за пёстрая семья!
За ними где ни рылся я!
Зато какая сортировка!
Вот ** — божия коровка,
Вот **** — злой паук,
Вот и ** — российский жук,
Вот ** — чёрная мурашка,
Вот ** — мелкая букашка.
Куда их много набралось!
Опрятно за стеклом и в рамах
Они, пронзённые насквозь,
Рядком торчат на эпиграммах.*

Уничижительность стихотворения подчёркнута эпиграфом из басни И.А. Крылова «Любопытный»:

*Какие крохотны коровки!
Есть, право, менее булавочной головки.*

Пушкин поставил звёздочки с прицелом на многозначность прочтения и не ошибся. Современниками предлагалось несколько их расшифровок, самой популярной из которых была данная М.П. Погодиным: «божия коровка» — Ф.Н. Глинка, автор духовных стихов; «злой паук» — М.Т. Каченовский, издатель «Вестника Европы», который вёл борьбу с арзамасцами; «российский жук» — П.П. Свиньин, издатель «Отечественных записок», путешественник (на слуху были его похождения в Бессарабии); «чёрная мурашка» — В.Н. Олин, писатель и издатель, иногда не по делу критиковавший поэта, и «мелкая букашка» — С.Е. Раич, поэтическое творчество которого Пушкин ценил невысоко.

Впрочем, в отношении двух последних «кандидатов» единодушия не наблюдалось: в числе претендентов назывались имена Рюмина (М.А. Бестужева-Рюмина, журналиста,

писателя, издателя), Б.М. Фёдорова и других. Рюмин и Олин опубликовали обидчивые отзывы, а в «Московском телеграфе» появилась пародия на стихотворение за подписью «Обезьянин», метившая в сотрудников «Литературной газеты». По этому поводу Пушкин писал в статье «Опровержение на критики» (к сожалению, недописанной и неопубликованной): *«Поэту вздумалось описать любопытное собрание букашек. — Сам ты букашка, — закричали бойкие журналы, и стихи-то твои букашки, и друзья-то твои букашки»*.

Сравнения с насекомыми порой окрашены положительно. Например, в поэме «Домик в Коломне» французский поэт Жак Делиль, автор большой поэмы «Сады, или Искусство украшать сельские виды», назван за трудолюбие и плодovitость «парнасским муравьём». Его поэму можно назвать стихотворным пособием по садовому искусству.

Небольшой размер насекомых и их незащищённость используются Пушкиным для придания образности тексту: *«Дорога наша сделалась живописна. Горы тянулись над нами. На их вершинах ползали чуть видные стада и казались насекомыми»* («Путешествие в Арзрум»). Жалостливое сравнение такого рода есть в одной из «Песен западных славян» — «Влах в Венеции»: *«Здесь я точно бедная мурашка, / Занесённая в озеро бурей»*. В подражании эпизодам «Ада» Данте читаем: *«Тогда я демонов увидел чёрный рой, / Подобный издали ватаге муравьиной»*. В зависимости от творческих целей автора иногда подобным сравнениям придаётся иронический характер, например, в реплике Дон Гуана о поверженном сопернике («Каменный гость») в поединке у замка Эскуриал, резиденции испанских королей:

*Когда за Ескурьялом мы сошлись,
Наткнулся мне на шпагу он и замер,
Как на булавке стрекоза — а был
Он горд и смел — и дух имел суровый...*

Естественную отрицательную окраску имеют в пушкинских произведениях вредные домашние насекомые — клопы, блохи, вши – и реальные, и метафорические. Заботливые хозяева в своих жилищах с ними боролись постоянно и довольно успешно, несмотря на отсутствие инсектицидов: мебель и одежду зимой вымораживали, а летом выжаривали на солнце. Однако на станциях и постоянных дворах эта неприятная живность процветала. *«Я бросился на диван,*

надеясь после моего подвига заснуть богатырским сном: не тут-то было! блохи, которые гораздо опаснее шакалов, напали на меня и во всю ночь не дали мне покою», — писал Пушкин во 2-й главе «Путешествия в Арзрум». В «Евгении Онегине» это обобщено на все почтовые тракты:

*Теперь у нас дороги плохи,
Мосты забытые гниют,
На станциях клопы да блохи
Заснуть минуты не дают...*

В некоторых запущенных помещичьих усадьбах клопов тоже хватало. В неоконченном романе «Русский Пелам» Пушкин с иронией писал о плохих французских губернёрах, нанимаемых к главному герою: «...третий, проживший у нас целый год, был сумасшедший, и в доме тогда только догадались о том, когда пришёл он жаловаться Анне Петровне на меня и на Мишеньку за то, что мы подговорили клопов со всего дому не давать ему покою и что сверх того чертёнок повадился вить гнёзда в его колпаке».

В стихотворении «Рефутация г-на Беранжера», направленном против бонапартистской песни (Пушкин не знал, что она сочинена П.-Э. Дебро, а не П.-Ж. Беранже), сравнение с блохами не просто саркастическое, а даже злорадное и одновременно патриотическое:

*Ты помнишь ли, как за горы Суворов
Перешагнув, напал на вас врасплох?
Как наш старик трепал вас, живодёров,
И вас давил на ноготке, как блох?*

В переносном смысле блохи (как вредные, отрицательные качества домашних слуг) упоминаются в письме к П.В. Нащокину от 3 сентября 1831 года: «Дома у меня произошла перемена министерства. Бюджет Александра Григорьева оказался ошибочен; я потребовал счётов; заседание было столь же бурное, как и то, в коем уничтожен был Иван Григорьев; вследствие сего Александр Григорьев сдал министерство Василию (за коим блохи другого роду)».

Ничего позитивного не несут в себе у Пушкина пауки: «злой паук» в «Собрании насекомых», «рак верхом на пауке» в «Евгении Онегине» (сон Татьяны). В «Пиковой даме» Германн, узнавший секрет трёх карт ценой смерти старой графини, буквально бредит ими: «Тройка, семёрка, туз — преследовали его во сне, принимая все возможные виды:

тройка цвела перед ним в образе пышного грандифлора, семёрка представлялась готическими воротами, туз огромным пауком». Показательно, что первые две карты несут в общем положительные образы, особенно тройка в виде куста гортензии, а туз — знак устрашающий, предвещающий трагический проигрыш главного героя в карты: именно вместо туза у Германна оказалась дама пик, побитая тузом Чекалинского.

Ещё одно насекомое — саранча — связано у поэта с негативными впечатлениями личной жизни. Речь идёт о командировке Пушкина генерал-губернатором Одессы графом М.С. Воронцовым на борьбу с нашествием саранчи в конце мая 1824 года. Поэт воспринял эту командировку как оскорбительную и поручения своего начальника фактически не выполнил. Правда, его отчёт в форме стихотворения «Саранча летела, летела...» является не более чем анекдотом⁶. После этой командировки отношения Пушкина и Воронцова, добивавшегося его высылки, вконец испортились, и поэт с юмором писал Д.М. Шварцу около 9 декабря 1824 года из Михайловского: *«Вот уже 4 месяца, как нахожусь я в глухой деревне — скучно, да нечего делать; здесь нет ни моря, ни неба полудня, ни итальянской оперы. Но зато нет — ни саранчи, ни милордов Уоронцовых*». Думается, саранча здесь употребляется в двойном смысле: и как вредное насекомое, и как одесские недруги.

Тем не менее впечатления о виденных полчищах саранчи в стадии ползания в мае и в стадии летания позднее (в 1824 году саранча была также и возле Одессы, её нашествие поэт мог видеть ещё под Кишинёвом летом 1823 года) нашли некоторое отражение в творчестве Пушкина. Дважды саранча упоминается в «Записках бригадира Моро-де-Бразе»: *«Тут увидел я в первый раз летучих кузнечиков (саранчу). Воздух был ими омрачён: так густо летали они! Не удивляюсь, что они разоряют земли, через которые проходят, ибо в Молдавии видел я иссохшее болото, покрытое высоким тростником, который съеден был ими на два вершка от земли*». В другом месте говорится о кургане над могилой молдавского государя: *«В заключение он нас уверял, что с тех пор, как саранча напала на их землю, всё было ею разорено, кроме пространства, заключённого в этих трёх милях окружности, куда она не залетала, хотя была везде, и с боков и с*

На холмах Грузии вечер был лунный
 Меланхолический, предвещавший
 Моему сердцу в лесу, перелеске и т. п.
 Печаль моя новая, забавная...
 Меланхолическая, меланхолическая — ^и ^{меланхолическая} ^{меланхолическая}
 Кемто не учено, не философски
 И не философски — и не философски
 Что меланхолическая моя меланхолическая

Рисунки

Психея. Рисунок в автографе стихотворения «На холмах Грузии...». 1829 г.

зади. Этой истории и её последствиям мы поверили только отчасти, хотя повествователь и хвалился быть дворянином и военным человеком». Впечатление от саранчи в ползающем состоянии выразилось в «Полтаве» в сравнении с нею погибших шведов:

*И падшими вся степь покрылась,
Как роем чёрной саранчи.*

Завершая настоящий обзор, вернёмся к более привлекательным насекомым — бабочкам и мотылькам. Их символика в пушкинское время неоднозначна. С одной стороны, бабочка была символом легкомыслия, суетности, переменчивости во мнениях. С другой стороны, у масонов бабочка обозначает Психею — душу. Не случайно поэт в автографе стихотворения «На холмах Грузии...» изобразил предположительно Н.Н. Гончарову, которую он называл Психеей, с крыльями бабочки. Очаровательные мотыльки символизировали также воплощение лёгкости, беспечности, свободы, счастья и высоких устремлений души. В качестве виньетки к изданию II главы «Евгения Онегина» поэт выбрал именно бабочку, возможно, из нескольких вариантов, предложенных издателем, тем самым предварив главу как бы графическим эпиграфом⁷.

В основном у Пушкина упоминания бабочек и мотыльков окрашены весьма положительно. Исключение составляет «бабочка–Филимонов» в ироническом и фривольном письме П.А. Вяземскому (около 25 января 1829 года). Издатель журнала «Бабочка» В.С. Филимонов удостоился такой «чести», по-видимому, за содержание своего журнала, куда поэт и его друзья не пожелали дать ничего из своих сочинений, хотя ради этого богатый в то время издатель собрал их на обед и хорошо угостил. *«Его бабочка, конечно, рублёвая парнасская Варюшка»*, — писал Пушкин, намекая на героиню фривольной поэмы своего дяди В.Л. Пушкина «Опасный сосед».

В черновой редакции «Евгения Онегина» Пушкин сравнивает пустых светских дам с легковесными мотыльками:

*Мы их любви в награду ждём,
Любовь в безумии зовём,
Как будто требовать возможно
От мотыльков иль от лилей
И чувств глубоких и страстей!*

Остальные случаи упоминания мотыльков и бабочек подчёркивают юную прелесть, наивность и хрупкость персонажей и адресатов стихов. Так, блаженное настроение Ленского, искренне верящего в любовь Ольги, описывается сравнением «как мотылёк, / В весенний впившийся цветок». Душевное состояние Татьяны перед объяснением с Онегиным в саду передано сочувственным сравнением с пойманным мотыльком:

*Так бедный мотылёк и блещет
И бьётся радужным крылом,
Пленённый школьным шалуном...*

Здесь проступают, скорее всего, детские и отроческие впечатления поэта⁸. С ними перекликается неоконченное стихотворение, написанное в 1825 году в Михайловском и, может быть, обращённое 15-летней Евпраксии Вульф:

*Играй, прелестное дитя,
Летай за бабочкой летучей,
Поймай, поймай её шутя
Над розой ..... колючей,
Потом на волю отпусти.*

Таким образом, насекомые, как и другие представители фауны, нередко встречаются в произведениях Пушкина, украшая собой картины природы, углубляя поэтические сравнения и делая более острыми сатирические и иронические строки.

Ссылки и комментарии

¹ А.С. Пушкин в воспоминаниях современников: в 2 т. — СПб.: Академический проект, 1998. — Изд. 3-е. — Т. 1. — С. 212–213.

² Письмо арзамасцам, 20-е числа сентября 1820 года; Письмо П.А. Вяземскому, март 1823 года.

³ Подробнее см.: *Медриш Д.Н.* Народные приметы и поверья в поэтическом мире Пушкина // *Московский пушкинист*. — М.: Наследие, 1996. — Вып. III. — С. 110–124.

⁴ Не считая того, что ещё дважды упоминается шпанская муха (мушка) — небольшой зелёный жучок: в «Дубровском» как лечебное раздражающее средство («Дубровский между тем лежал в постеле; уездный лекарь, по счастью, не совершенный невежда, успел пустить ему кровь, приставить пиявки и шпанские мухи»); в письме Н.Н. Пушкиной от 8 декабря 1831 года о миниатюрном домике П.В. Нащокина («Дом его (помнишь?) отделяется; что за подсвечники, что за сервиз! он заказал фортепья-

но, на котором играть можно будет пауку, и судно, на котором испразнится разве шпанская муха»).

⁵ Как, например, в повести «Выстрел», где говорится о меткости Сильвио: «Бывало, увидит муху и кричит: Кузька, пистолет! Кузька и несёт ему заряжённый пистолет. Он хлоп, и вдавит муху в стену!»

⁶ Подробности о командировке А.С. Пушкина на саранчу содержатся в статье: Сербский Г.П. Дело о саранче // Временник Пушкинской комиссии. — М. — Л.: Издательство АН СССР, 1936. — Вып. 1. — С. 275–289.

⁷ Подробнее см.: Цоффка В.В. Графический эпиграф Пушкина ко второй главе «Онегина» (Москва, 1826) // Русская словесность. — 2003. — № 4. — С. 14–18.

⁸ Подробнее о мотыльках и бабочках в романе «Евгений Онегин» см.: Михайлова Н.И. Из комментария к «Евгению Онегину» // Временник Пушкинской комиссии. — СПб.: Наука, 1996. — Вып. 27. — С. 122–132.

Послесловие

Кроме отдельных видов животных в произведениях А.С. Пушкина те же самые функции выполняют такие слова, как «животное», «тварь», «зверь» («зверёк»). Иногда они заменяют видовое название:

«Он ударил по лошади; бедное животное пошло было рысью...»

Метель

«Все народы почитали жабу ядовитым животным».

Примечание к «Песням западных славян»

«— Бога вы не боитесь. — Божия тварь погибает, а вы сдуру радуетесь, — и поставя лестницу на загоревшуюся кровлю, он полез за кошкою».

Дубровский

«...выли шакалы, звери в той стороне обыкновенные».

Путешествие в Арзрум

Порой в письмах поэт использовал слова «зверь», «животное» в шуточных выражениях и каламбурах:

«Вы на меня видно сердитесь, между тем как я пренебрегаю своим животным и без того».

Письмо невесте Н.Н. Гончаровой.

Около 29 октября 1830 г. Болдино

«Около меня Холера Морбус. Знаешь ли, что это за зверь? Того и гляди, что забежит в Болдино да всех нас перекусает».

Письмо П.А. Плетнёву.

9 сентября 1830 г. Болдино

Чаще всего Пушкин употребляет слова «зверь», «зверёк», «зверюшка» — 50 раз. Наиболее распространены сравнительные обороты:

То, как зверь, она завоет,

То заплачет, как дитя.

Зимний вечер. 1825

Нева вздувалась и ревела,

Котлом клокоча и клубясь,

*И вдруг, как зверь остевенясь,
На город кинулась.*

Медный всадник. 1833

*Где Терек играет в свирепом веселье.
Играет и воет, как зверь молодой,
Завидевший пищу из клетки железной...*

Кавказ. 1829

*Граф Нулин, из чужих краёв,
Где промотал он в вихре моды
Свои грядущие доходы.
Себя казать, как чудный зверь,
В Петрополь едет он теперь...*

Граф Нулин. 1825

*Здесь на тебя, как лютый зверь,
Глядит хозяин...*

Гусар. 1833

*Он мог бы чувства обнаружить,
А не щетиниться, как зверь...*

Евгений Онегин. Глава VI. Строфа X

*Посадят на цепь дурака
И сквозь решётку, как зверка,
Дразнить тебя придут.*

«Не дай мне бог сойти с ума...». 1833

Особенно примечательны произведения великого поэта, где встречаются названия сразу множества животных. Это и мистический сон Татьяны в романе «Евгений Онегин», и «Сказка о медведихе», и стихотворение «Моё собранье насекомых».

Вот конспективная запись сказки, сделанная Пушкиным со слов няни Арины Родионовны в Михайловском и содержащая упоминания многих представителей фауны: «Царь Кащей Бессмертный не хотел дочери своей выдать замуж, покамест сам будет жив. Дочь приступает к нему: «Где-де твоя смерть?» — «В баране, — отвечает Кащей, — в козле, в венике». — Дочь велит вызолотить рога барану и козлу, вызолачивает и веник — напрасно, Кащей жив. Наконец, он

объявляет, что смерть его на море, на океане, на острове Буяне, а на острове дуб, а в дубе дупло, а в дупле сундук, а в сундуке заяц, а в зайце утка, а в утке яйцо. Иван-царевич идёт за смертью Кащея. Голод. Попадается ему собака, ястреб, волк, баран, рак. — Иван-царевич говорит им каждому: «Я тебя съем», — но оставляет им живот. Приходит к морю, волк его перевозит, баран рогами сваливает дуб, собака ловит зайца, ястреб ловит утку, рак лапами выносит из моря яйцо. — Кащей тотчас занемог, дочь его получает яйцо; отец просит от неё месяца, недели, дня, и проч.».

В этом конспекте перечислено около десятка сказочных животных различных видов, причём каждое выполняет свою важную функцию.

Завершая наше литературное путешествие по пушкинскому миру фауны, отметим, что этот мир тесно связан с человеческим обществом и иногда на него проецируется. Названия животных используются в различных образных оборотах и фигурах речи — сравнительных, описательных, иронических и других, а также в переносном смысле. Некоторые звери являются полноценными героями пушкинских произведений: пёс Соколка («Сказка о мёртвой царевне...»), медведи (сон Татьяны в романе «Евгений Онегин», «Сказка о медведихе»), ручная белочка («Сказка о царе Салтане...»), конь («Песнь о вещем Олеге»). Поэт так вживался в мир животных, что иногда рисовал автопортреты в образах зверей: лошади, собаки, обезьяны.

Словарь терминов, редких и устаревших слов и выражений

Автограф — собственноручно записанное автором сочинение или подпись.

Аквилон — древнеримское название северо-восточного, иногда северного ветра.

Аллитерация — повторение в стихотворной речи (реже в прозе) одинаковых согласных звуков с целью усиления выразительности; один из видов звукописи.

Алчный — жадный, корыстолюбивый, в другом смысле — сильно желающий чего-либо.

Антитеза — стилистический приём, основанный на резком противопоставлении понятий и образов.

Античный — относящийся к древнему миру, к истории и культуре древних греков и римлян.

Апокалипсис — название последней книги Нового Завета «Откровение Иоанна Богослова» по её первому слову; описание катаклизмов и чудес, предшествующих Второму пришествию Иисуса Христа.

Аполлон (Феб) — в древнегреческой мифологии охранитель стад, света, наук и искусств, бог-врачеватель, предводитель и покровитель муз.

Аполог — литературный жанр, нравоучительный текст, построенный на иносказательном изображении животных или растений.

Арап — чернокожий человек, а также должность слуги при дворе российских императоров.

Арапник — длинный охотничий кнут на короткой рукоятке.

Арба — высокая двухколёсная повозка (в Средней Азии) или четырёхколёсная (на Украине, в Крыму, на Кавказе).

Аргамак — дорогостоящая лошадь арабской породы.

Армида — в древнегреческой мифологии девственная, всегда юная богиня охоты, плодородия, женского целомудрия, покровительница всего живого на Земле; в поэтической речи армидами называли привлекательных молодых девушек.

Аршин — русская мера длины, приблизительно равная 0,71 м, а также линейка такой длины.

Ассоциация — психологическая мысленная связь между несколькими ощущениями, представлениями, восприятиями, явлениями.

Аудиенция — официальный личный приём у лица, занимающего высокое положение или должность.

Баллада — лирическое поэтическое или музыкальное произведение песенной структуры с сюжетом эпического характера.

Барин — мужчина из высших сословий, господин; происходит от старорусского слова «боярин».

Барон — в средневековой Западной Европе крупный владетельный дворянин, позднее просто почётный дворянский титул.

Барыня — женщина из высших сословий, госпожа.

Барышня — девушка или девочка из высших сословий, госпожа.

Басурман — обозначение человека нехристианской веры: неправославный, иноверец, иноземец, недоброжелатель, варвар.

Бахический (вакхический) — относящийся к почитанию Вакха, бога вина и веселья в античном мире; в переносном смысле — шумный, разгульный.

Библия — книга, содержащая священные писания еврейской и христианской религий.

Благодетельный — спасительный, полезный, приносящий благо.

Благостыня — милость, щедрость, даяние.

Болонка — группа декоративных пород собак, обычно с длинной, густой и шелковистой шерстью; слово происходит от названия города Болонья в Италии.

Борзая — группа пород охотничьих ловчих собак для безружейной охоты (травли) на зверей; обычно борзая догоняет выгнанного из убежища зверя, хватает его и несёт хозяину.

Боян — легендарный певец-сказитель у восточных славян.

Бретёр — заядлый дуэлянт, готовый драться на дуэли по любому, даже самому ничтожному поводу.

Бригадир — военный чин выше полковника и ниже генерал-майора в вооружённых силах государства (пехоте или коннице).

Бурка — безрукавный войлочный плащ белого, чёрного или бурого цвета; распространён на Кавказе.

Вакханка — жрица Вакха, бога вина и веселья; в переносном смысле — женщина, бесстыдная в проявлении своей чувственности, сладострастия.

Ватага — дружная толпа, группа, артель; временное или случайное товарищество.

Велосифер — многоместная закрытая карета для перевозки пассажиров и почты, быстрый дилижанс.

Венценосный — носящий царский венец, царственный.

Вертопрах — легкомысленный, ветреный человек.

Вершок — старорусская единица измерения, первоначально равная длине основной фаланги указательного пальца, приблизительно 4,4 см.

Влахи — народы, говорящие на восточно-романских языках; название румын и всего восточно-романского населения Балкан и Карпат в Средневековье.

Вольнка — народный духовой музыкальный инструмент из нескольких трубок, вделанных в кожаный мешок или пузырь, через который вдувается воздух.

Вурдалак — мифическое существо, живой мертвец-вампир, кровосос, упырь.

Гарем — закрытая и охраняемая жилая часть дворца или дома, в которой жили жёны мусульман.

Гармония — слияние различных компонентов объекта в единое целое, слаженность звуков, чувств, образов, состояний и прочего.

Геликон — гора в Средней Греции (на юге Беотии), где, согласно мифам древних греков, обитали музы, покровительствовавшие искусствам; в другом значении — струнный или духовой музыкальный инструмент.

Генерал-аншеф — воинское звание в России в XVIII веке, полный генерал рангом ниже фельдмаршала.

Геркулес — древнеримское имя героя древнегреческих мифов Геракла, отличавшегося большой физической силой и выносливостью, отвагой, решительностью и другими положительными качествами.

Герцог — королевское должностное лицо в раннем Средневековье в Западной Европе, позднее дворянский титул в ряде стран, в том числе в Российской империи.

Гетман — предводитель, командующий войском; выборный глава казачьего войска; правитель, наделённый высшей военной и гражданской властью (например, на Украине с 1648 года).

Гончая — охотничья собака особой породы, которая выгоняет зверя из леса.

Горний — небесный, возвышенный, божественный.

Гортензия — цветковое растение, представляющее собой небольшое дерево или куст с пышными соцветиями.

Грандифлора — многолетнее кустарниковое растение, достигающее 3 м в высоту и около 3 м в диаметре, с плотной округлой кроной и пышными соцветиями, вид гортензии.

Графоман — человек, который стремится писать много произведений, не обладая соответствующими способностями, талантом.

Грация — изящество, красота движений.

Губерния — высшая единица административного деления и местного устройства в России, оформившаяся в XVIII веке; губернское территориальное деление в 1924–1929 годах заменено делением на области и края, а позднее и округа.

Гувернёр — домашний учитель, воспитатель.

Гусары — лёгкая кавалерия XV–XX веков.

Дездемона — героиня драмы Уильяма Шекспира «Отелло», дочь венецианского сенатора, вышедшая замуж за мавра Отелло, который её задушил из ревности, вызванной клеветой.

Декабристы — участники российского дворянского оппозиционного движения, члены различных тайных обществ второй по-

ловины 1810–х — первой половины 1820–х годов, организовавшие антиправительственное восстание 14 декабря 1825 года и получившие название по месяцу восстания.

Декламировать — выразительно читать, произносить текст.

Делибаш — удалой воин-наездник.

Деликатес — редкое вкусное блюдо, лакомство.

Денница — утренняя заря.

Десница — правая рука.

Диалект — разновидность общего национального языка, характерная для какой-либо местности.

Дилижанс — большая карета общего пользования для перевозки пассажиров и грузов.

Дифирамб — торжественная хоровая песнь в честь бога растительности, виноградарства и виноделия Диониса у древних греков, в переносном смысле — преувеличенная, восторженная похвала.

Дол — устаревшее и поэтическое название долины, низины.

Дольний — относящийся к долу, долине, в переносном смысле — земной, низменный.

Дофин — с XIV века титул наследника французского престола.

Дружка — у славян представитель жениха, главный распорядитель на свадьбе.

Дундук — глупый, бестолковый человек, болван.

Дьяк — начальник и письмоводитель канцелярии разных ведомств в России до XVIII века.

Европа (в мифологии) — дочь финикийского царя, похищенная влюблённым в неё Зевсом, принявшим образ белого быка с маленькими жемчужными рожками.

Жеманство — манерное, наигранное поведение.

Живот — часть тела человека и животных; в древнерусском языке — жизнь.

Жребий (в переносном смысле) — судьба, участь.

Заклад — залог, деньги, имущество и прочее, являющиеся предметом выигрыша или проигрыша при споре.

Затравить — на охоте: поймать и умертвить с помощью собак; в обществе: замучить преследованиями, гонениями.

Зевс (Зевес) — в древнегреческой мифологии верховный бог неба, грома и молний, ведающий всем миром.

Зеница — устаревшее название зрачка глаза.

Зефир (божество) — второстепенное древнегреческое божество, бог тёплого западного ветра, посланник весны.

Зефир (ветер) — тёплый и влажный западный ветер.

Злачный — обильный, богатый злаками; плодородный.

Зоил — древнегреческий оратор, философ, литературный критик

IV–III веков до н. э., порицавший произведения Гомера; в переносном смысле — придирчивый, недоброжелательный критик, злобный хулигатель.

Идиоматический оборот (идиома) — оборот речи, значение которого не определяется отдельными значениями входящих в него слов, например: бить баклуши, точить лясы.

Иноходец — лошадь, основным, естественным способом движения которой является иноходь, заключающаяся в односторонней перестановке обеих правых и обеих левых ног.

Кабак — питейное заведение, где продают и распивают спиртные напитки.

Кабатчик — содержатель кабака.

Каганат — средневековое восточное государственное образование, во главе которого стоял хан; например, Хазарский каганат, существовавший в 650–969 годах.

Каламбур — словосочетание, содержащее игру слов, основанную на использовании сходно звучащих, но различных по значению слов или разных значений одного слова, при этом комический эффект заключается в контрасте их смысла.

Камердинер — комнатный слуга при господине.

Кашубы — западнославянская народность, населяющая часть польского Поморья — Кашубию, в настоящее время большая часть проживает в Гдыне.

Келейка — маленькая келья (комната для проживания в монастыре).

Киприда — в древнегреческой мифологии одно из наименований богини любви и красоты Афродиты, указывающее на древнейшую связь мифа о ней с островом Кипр.

Кладезь — колодец.

Ковчег (судно) — легендарное судно, в котором, по библейскому рассказу, люди и животные спасались с Ноем во главе от всемирного потопа.

Кожемяка — древнее название профессии кожевника: человека, который профессионально занимается выделкой или продажей кож.

Колорит — общая эстетическая оценка цветовых качеств произведения искусства, характер цветовых элементов изображения, их взаимосвязи, согласованности цветов и оттенков; в литературе — своеобразие, выраженная особенность, общий тон произведения.

Коновал — ветеринар–ремесленник, традиционно занимавшийся обслуживанием и лечением домашней скотины в русских деревнях.

Конспект — краткое изложение или краткая запись содержания чего-либо.

Контекст — словесное (при разговорной речи) или текстовое окружение какой-либо фразы, позволяющее правильно воспринимать значение входящих в неё отдельных слов, словосочетаний, предложений.

Коннотация — дополнительные ассоциативные значения слова, часто имеющие яркую эмоциональную окраску.

Конфетный — конфетный.

Конюший — придворный чин (должность) дворовых людей в средневековой России, предполагавший руководство конюшнями монарха и всем, что было связано с конным делом.

Коран — священная книга мусульман.

Кормщик — рулевой; человек, стоящий у руля, обычно находившегося на корме судна.

Красный товар — текстиль, ткани.

Крепостничество — общественный строй, основанный на крепостной зависимости крестьян от помещиков (феодалов): прикреплении крестьян к земле, запрете на продажу и приобретение ими земли и возможности купли-продажи самих крестьян помещиками.

Кудесник — волшебник; тот, кто делает что-либо сверхъестественное; в переносном смысле — выдающийся мастер.

Кульминация — момент наивысшего напряжения в развитии сюжета литературного произведения.

Кумир — изваяние языческого божества (идол), царя или правителя; в переносном смысле — человек, служащий предметом восхищения, поклонения.

Лазарет — небольшая передвижная больница при войсковой части, каком-либо учреждении, в местах лишения свободы.

Левретка — малая итальянская борзая собака, самая низкорослая и изящная из группы борзых для охоты за мелкой дичью (кролики, куропатки и другие небольшие птицы).

Легавая — порода собак, тренируемых для охоты на пернатую дичь.

Леда — в древнегреческой мифологии жена царя Спарты, отличающаяся необыкновенной красотой, одна из возлюбленных верховного бога Зевса.

Лейтмотив — главный, ведущий мотив в музыкальном или литературном произведении.

Лексикон — собрание слов, сведений, выражений, справочник в форме словаря, а также запас слов, лексика.

Лилея — лилия.

Лошак — помесь жеребца и ослицы; внешне похож на крупного осла с умеренным размером ушей.

Лукавый — бес, нечистый, в функции прилагательного — хитрый, коварный.

Любоначалие — властолюбие, желание начальствовать.

Манифест — особый акт главы государства или высшего органа государственной власти, обращённый к населению в связи с каким-либо важным событием; в другом значении — публичное письменное объявление человеком, сообществом или организацией собственных принципов, намерений, программы.

Масонство — религиозно-этическое движение, возникшее в XIII веке, предположительно в Англии, и представляющее собой мистическую тайную организацию со своей символикой, обрядами и ритуалами; члены этого движения, масоны, объединены в различного уровня местные организации — ложи.

Маститый — почтенный, заслуживший своей долголетней деятельностью общее уважение; преклонных лет.

Меланхолия — состояние души, характеризующееся унылым настроением, общей угнетённостью, хандрой, грустью и упадком сил.

Метафора — вид образного приёма устной или письменной речи (тропа), словосочетание, характеризующее данное явление путём перенесения на него признаков, присущих другому явлению (например, «келья восковая» вместо «пчелиные соты»).

Мефистофель — дух зла, дьявол, сатана, бес.

Мистика — вера в существование сверхъестественных сил, с которыми таинственным образом связан и способен общаться человек; а также — религиозная практика, имеющая целью переживание непосредственного единения с Богом.

Молок (Молох) — семитское языческое божество с бычьей головой и рогами, которому приносили в жертву людей, прежде всего детей; в другом значении — демон, нечистый.

Моська — мопс, маленькая комнатная собачка.

Муза — в древнегреческой мифологии одна из девяти богинь, покровительниц различных искусств и наук, вдохновлявших поэтов и учёных в их творчестве.

Мул — помесь кобылы и осла, обычно больше походит на некрупную лошадь, но с более длинными ушами, отличается выносливостью, высокой работоспособностью и скоростными качествами.

Мулла — знаток и служитель мусульманского культа, мусульманское духовное лицо.

Мусульманство (ислам) — одна из мировых религий, основанная на семи догматах: вере в единого Бога — Аллаха, в ангелов, в книги Божьи, посланников Аллаха, в конец света, предопределение, воскресение мёртвых; возникло в Аравии в начале VII века и распространилось в Азии и Африке; вероучение изложено в Коране, который, согласно мусульманскому преданию, был ниспослан Аллахом пророку Мухаммеду через ангела Джебрайила (Гавриила).

Нива — большое поле, возделанное и засеянное, целенаправленно обработанное человеком, а также плодородное поле.

Ностальгия — тоска о родине, о прошлом.

Оазис — расположенный около источника воды островок растительности посреди пустыни.

Оне — устаревшая форма личного местоимения женского рода третьего лица множественного числа, которая употреблялась в отношении группы объектов лишь женского рода.

Опиум — сильнодействующий наркотик, получаемый из высушенного на солнце млечного сока, добываемого из незрелых коробочек спяточного мака; в переносном смысле — то, что одурманивает сознание.

Паладин — доблестный, храбрый рыцарь из высшего сословия общества, преданный какой-либо идее или какому-либо человеку.

Парки — богини судьбы в древнеримской мифологии.

Парнас — название горного хребта в Греции, в области Фессалия, на одном из склонов которого находился Кастальский источник, считавшийся «ключом поэтического вдохновения»; более 2000 лет считается символическим местом обитания поэтов и деятелей искусства.

Пафос — высшая точка воодушевления, восторга, достигнутая в произведении и в восприятии его аудиторией.

Пегас — в древнегреческой мифологии крылатый конь с шерстью белого, чёрного, коричневого или золотистого цвета, любимец муз.

Персона — личность, особа.

Пиетет — глубокое уважение, почтительное отношение.

Плащаница — полотно, которым было обернуто при погребении тело Иисуса Христа; а также полотно с вышитым или живописным изображением лежащего во гробе Иисуса Христа или усопшей Богородицы.

Плеоназм — излишество, употребление ненужных для понимания слов или фраз, например: пожилой старик, белоснежно-белый, молодой юноша.

Плюгавый — невзрачный, жалкий на вид, ничтожный, незначительный.

Плюмаж — украшение из перьев на головном уборе или сбруе лошади.

Полисемия — многозначность, наличие у слова двух и более значений, например: лицо как часть тела и лицо как персона.

Прелюбодеяние — супружеская измена.

Претензия — предъявление своих прав на кого-либо, что-либо, требование чего-либо; а также жалоба, выражение недовольства.

Притча — короткий назидательный рассказ в иносказательной форме, заключающий в себе нравственное поучение.

Протравить (на охоте) — занимаясь травлей зверя, упустить его.

Раёшный стих — древнейшая форма русского народного стихотворения с парной рифмовкой, в котором единственным организующим началом является членение на строки (обычно неравные) и рифма.

Рефутация — возражение, опровержение.

Риза — верхняя одежда, облачение священнослужителя, в другом значении — оклад иконы.

Рифма — созвучие в окончании двух или нескольких слов, определяемое как минимум одним гласным звуком и одним согласным звуком.

Рогатина — острое тяжёлое копьё с наконечником в форме лаврового листа и перекрестьем на конце.

Рубище — ветхая, старая, рваная или изношенная одежда из грубой материи.

Сакля — плетёное, каменное, глинобитное или саманное сооружение горцев Кавказа; деревянный дом в Крыму.

Салазки — небольшие деревянные ручные сани.

Салон — литературный, художественный или политический кружок избранных лиц, собирающихся в частном доме.

Самозванец — лицо, выдающее себя за другого человека, незаконно присвоившее чужое имя, звание, либо лицо, незаконно присвоившее себе чужие функции.

Свет (светское общество) — круг лиц, принадлежащих к высшему сословию.

Свора — борзые собаки, ведомые на одном ремне; несколько собак, собравшихся вместе; в переносном смысле — шайка, сброд.

Сенатор — член сената, высшего органа государственной власти и законодательства.

Сеттер — группа пород специализированных охотничьих собак, длинношёрстная разновидность английских легавых собак.

Синекдоха — образный стилистический приём, когда используются одни слова вместо других в переносном значении: «Все флаги в гости будут к нам» вместо «Корабли разных стран приплывут в гости к нам».

Скоморошина — произведение различных видов русского песенного (стихотворного) фольклора с явно выраженным сатирическим, комическим, шутейным, пародийным началом; в основном сочинялись раёшным стихом.

Смерд — крестьянин на Руси IX–XIV веков, земледелец; изначально свободные смерды (в отличие от холопов) по мере развития поместной системы землевладения были постепенно закрепощены; также в других значениях смерд — простолюдин, человек низкого

происхождения и презрительное обращение помещика к крепостному крестьянину.

Сословие — социальная группа, члены которой отличаются по своему правовому положению от остального населения.

Станица птиц — то же, что и стая птиц.

Стансы — лирическое стихотворение, состоящее из обособленных строк (чаще всего четверостиший), имеющих смысловую законченность.

Стезя — путь, дорога, а также жизненный путь, направление деятельности, развития.

Стихотворный размер — определённый порядок, в котором размещаются ударные и безударные слоги в стопе.

Стопа стихотворная — единица длины стиха; повторяющееся сочетание ударных и безударных слогов; группа слогов, на один из которых падает ударение.

Стремнина — место бурного и стремительного течения реки, потока.

Строфа — организованное сочетание стихов, закономерно повторяющееся на протяжении стихотворного произведения или его части.

Сура — одна из глав Корана.

Сфрагида — упоминание в стихотворении имени поэта, автора данных стихов.

Табун — стадо копытных животных (лошадей, оленей, верблюдов и некоторых других), пасущихся вместе; в переносном смысле — неорганизованная группа людей.

Тавро — знак, которым коннозаводчик метит свою лошадь; подобно фамильному гербу, тавро переходит из рода в род и только в редких случаях изменяется.

Телец — бык, телёнок.

Торс — туловище человека, а также скульптурное изображение туловища.

Тотем — животное, растение, предмет или явление природы, являющиеся объектом религиозного поклонения у некоторых родовых групп общества.

Трапеза — застолье, принятие пищи с соблюдением правил благочестия.

Трёхстопный стих — стих, содержащий три стопы.

Тризна — поминальная трапеза.

Троп литературный — слово, выражение или фраза, используемые в переносном значении с целью усилить образность языка, художественную выразительность речи.

Удила — приспособление для обуздывания лошади, деталь узды.

Уздень — свободный человек на феодальном Кавказе: крестья-

нин–общинник, а также слуга, прислужник князя, феодала; у некоторых народов уздени были дворянского звания.

Упырь — в славянской мифологии живой или мёртвый колдун, убивающий людей и сосущий из них кровь.

Уста — губы.

Феб — одно из имён бога Аполлона, в древнегреческой мифологии охранителя стад, света, наук и искусств, бога–врачевателя, предводителя и покровителя муз.

Фельдмаршал (генерал–фельдмаршал) — высшее воинское звание в армиях некоторых государств.

Филигранный — изготовленный в ювелирной технике филигранны; в переносном смысле — выполняемый, совершаемый с большим мастерством, тщательно и искусно, с вниманием к тонким деталям.

Флирт — манера поведения, привлекающая внимание лиц противоположного пола, кокетство.

Фольклор — традиционное народное творчество.

Фразеологический оборот — свойственное только данному языку устойчивое сочетание слов, значение которого не определяется значением входящих в него отдельных слов.

Фривольный — соблазнительный, легкомысленный, не вполне пристойный.

Харон — в греческой мифологии перевозчик душ умерших через подземные реки в подземное царство мёртвых.

Холоп — человек, находящийся в юридической зависимости от господина: раб, крепостной крестьянин, дворовый.

Хорей — двухсложный стихотворный размер с ударением на первом слоге.

Хронология — последовательность описываемых событий во времени, а также вспомогательная наука, изучающая системы исчисления времени, устанавливающая даты исторических событий и документов.

Целовальник — в Русском государстве название выборных должностных лиц, выполнявших работу по сбору податей, а также судебно–полицейские и другие функции.

Чванливый — кичливый, склонный к чванству, демонстрирующий высокомерное отношение к окружению.

Шабли — вино зеленоватого цвета из района Шабли, расположенного в северной части Бургундии, в Центральной Франции.

Шпиц — общее название ряда пород небольших собак, отличающихся острыми ушами, закрученным вверх хвостом и густой торчащей шерстью.

Экосез — старинный шотландский народный танец в умеренном темпе типа кадрили и парный бальный танец на его основе, а также музыкальное произведение в ритме этого танца.

Экспрессия — яркое проявление чувств, настроений, мыслей; в широком смысле — повышенная выразительность произведения искусства.

Элизиум — в древнегреческой мифологии часть загробного мира, обитель блаженных душ.

Эпиграмма — короткое сатирическое стихотворение, высмеивающее какое-либо лицо или какие-либо поступки.

Эпитафия — изречение (часто стихотворное), сочиняемое на случай чьей-либо смерти и используемое в качестве надгробной надписи.

Эпитет — слово или словосочетание, описывающее предмет, подчёркивая какое-либо его характерное свойство, качество.

Эрот (Эрос) — божество любви в древнегреческой мифологии, олицетворение любовного влечения, обеспечивающего продолжение жизни на Земле; часто изображается в виде нагого мальчика-младенца с луком и стрелой.

Язычество — нехристианские политеистические религии, для которых характерно обожествление природы, многобожие, идолопоклонство.

Яицкое казачье войско — группа казаков в Российской империи, проживавших по среднему и нижнему течению реки Урал (до 1775 года — Яик).

Ямб — двухсложный стихотворный размер с ударением на втором слоге.

Янычары — элитные боевые силы пехоты османских (турецких) султанов в 1365–1826 годах, являвшиеся основой гвардейских частей султана и выполнявшие функции его телохранителей.

Портретные рисунки в автографе стихотворения «Фазиль-хану»: предположительно, А.Н. Оленин, автопортрет в папахе, Наполеон и другие. 1829 г.

Упоминаемые исторические лица

Александр I Павлович (1777–1825), российский император в 1801–1825 годах.

Апулей, древнеримский писатель и поэт II века, философ, ритор, автор знаменитого романа «Метаморфозы» («Золотой осёл») в 11 книгах.

Арион (конец VII — начало VI в. до н. э.), древнегреческий лирический поэт, певец и музыкант; ввёл в поэзию жанр дифирамба.

Ариосто Лудовико (1474–1533), итальянский поэт и драматург.

Аристарх Самосский (ок. 310 — ок. 230 до н. э.), древнегреческий астроном, математик и философ, автор гелиоцентрической системы; «моим Аристархом» А.С. Пушкин называл профессора Н.Ф. Кошанского.

Батюшков Константин Николаевич (1787–1855), известный поэт, знавший А.С. Пушкина с детства.

Беранже Пьер-Жан де (1780–1857), французский поэт и сочинитель песен, известный сатирическими произведениями.

Берестов Валентин Дмитриевич (1928–1998), русский поэт, писавший для взрослых и детей, переводчик, мемуарист, пушкинист, исследователь.

Бестужев Александр Александрович (1797–1837), русский писатель –романтик, критик, публицист, декабрист; публиковался под псевдонимом Марлинский, в 1823–1825 годах издатель альманаха «Полярная звезда».

Бестужев –Рюмин Михаил Алексеевич (ок. 1800 — 1832), русский поэт, журналист и сатирик, издатель литературной газеты «Северный Меркурий» и нескольких альманахов.

Бобров Семён Сергеевич (1767–1810), поэт, автор напыщенных «сентиментальных» стихов.

Борисова Мария Васильевна, дочь тверского помещика, с которой А.С. Пушкин общался в 1828–1833 годах.

Боровиковский Владимир Лукич (1757–1825), русский художник, мастер портрета, академик Императорской академии художеств.

Бороздина Анастасия Николаевна (1809–1877), фрейлина, певица–любительница по прозвищу Бороздина–Соловейко, в замужестве Урусова.

Брюллов Карл Павлович (1799–1852), великий русский художник, академик Императорской академии художеств.

Булавин Кондратий Афанасьевич (1660–1708), войсковой атаман донских казаков, предводитель народного бунта (Булавинского восстания), во время которого погиб.

Булгаков Александр Яковлевич (1781–1863), чиновник по особым поручениям при московском генерал–губернаторе, в 1832–1856 годах — московский почт–директор.

Булгарин Фаддей Бенедиктович (1789–1859), русский писатель, журналист, критик и издатель польского происхождения, капитан наполеоновской армии; издатель газеты «Северная пчела», основоположник жанра авантюрного плутовского романа, литературный противник и персонаж многих эпиграмм А.С. Пушкина и поэтов его круга.

Вергилий Публий Марон (70–19 до н. э.), один из наиболее значительных древнеримских поэтов, создал новый тип эпической поэмы, автор неоконченного эпоса «Энеида», поэмы «Георгики» и других.

Вигель Филипп Филиппович (1786–1856), вице–губернатор Бессарабии, позднее градоначальник города Керчи, директор департамента иностранных вероисповеданий, известный мемуарист, знакомый А.С. Пушкина, член общества «Арзамас», автор популярных в XIX веке «Записок».

Висковатов Степан Иванович (1786–1831), член общества «Беседы любителей русского слова», драматург, поэт и переводчик.

Вольтер (Франсуа Мари Аруэ) (1694–1778), великий французский философ–просветитель и писатель.

Воронцов Михаил Семёнович (1782–1856), светлейший князь, генерал-фельдмаршал, герой Отечественной войны 1812 года, русский государственный и военный деятель, генерал-губернатор Новороссии с 1823 года, затем в 1844–1853 годах — кавказский наместник, библиофил.

Вревская Евпраксия Николаевна (1809–1883), в девичестве Вульф, тригорская приятельница и предмет увлечения А.С. Пушкина.

Вяземская Вера Фёдоровна (1790–1886), урождённая княжна Гагарина, жена П.А. Вяземского, друг А.С. Пушкина.

Вяземский Пётр Андреевич (1792–1878), русский поэт, литературный критик, историк, переводчик, публицист, мемуарист, государственный деятель, друг А.С. Пушкина.

Гампельн Карл Карлович (1794 — 1880-е), глухонемой художник, живописец-портретист, гравёр и литограф, член Венской академии художеств, в России жил и учился с 1817 года, в конце жизни жил в Лондоне, затем в Вене.

Ганнибал Абрам (Ибрагим) Петрович (1697–1781), русский государственный деятель, военный инженер, генерал-аншеф, крестник Петра I, прадед А.С. Пушкина по линии матери.

Ганнибал Евдокия Андреевна († 1754), урождённая Диопер, первая жена А.П. Ганнибала, с которой он развёлся из-за супружеской неверности после 23 лет судебного разбирательства.

Гейне Иоганн Генрих (1797–1856), великий немецкий поэт, публицист и критик.

Гёте Иоганн Вольфганг фон (1749–1832), великий немецкий поэт, государственный деятель, мыслитель и естествоиспытатель.

Глинка Фёдор Николаевич (1786–1880), государственный деятель, духовный поэт.

Гнедич Николай Иванович (1784–1833), поэт, переводчик «Илиады» Гомера, член Российской академии, был знаком с А.С. Пушкиным с 1817 года.

Годунов Борис Фёдорович (1551–1605), русский царь в 1598–1605 годах.

Гомер (VIII в. до н. э.), легендарный древнегреческий поэт-сказитель, создатель эпических поэм «Илиада» и «Одиссея».

Гонзага Томас Антониу (1744–1807), бразильский поэт, автор любовной лирики.

Гончарова Наталья Ивановна (1785–1848), урождённая Загряжская, мать Н.Н. Пушкиной.

Горчаков Александр Михайлович (1798–1883), лицейский товарищ А.С. Пушкина, дипломат, впоследствии министр иностранных дел, канцлер, светлейший князь.

Гретри Андре-Эрнест-Модест (1741–1813), французский ком-

позитор, внёсший решающий вклад в стиль французской комической оперы XVIII века.

Греч Николай Иванович (1787–1867), русский писатель, издатель, редактор, журналист, публицист, филолог, переводчик, основатель еженедельного журнала «Сын отечества».

Гримм Якоб (1785–1863) и **Вильгельм** (1786–1859), братья, немецкие лингвисты и исследователи немецкой народной культуры; собирали фольклор и опубликовали несколько сборников под названием «Сказки братьев Гримм».

Гудович Иван Васильевич (1741–1820), граф, русский генерал-фельдмаршал, в 1789 году отвоевавший у турок Хаджибей (ныне Одесса), в 1791 году овладевший Анапской крепостью, в 1807 году завоевавший каспийское побережье Дагестана.

Давыдов Василий Львович (1780–1855), русский офицер, поэт, декабрист, в 1826–1839 годах отбывал каторгу в Сибири, затем поселение в г. Красноярске.

Даль Владимир Иванович (1801–1872), военный врач, русский писатель, этнограф и лексикограф, собиратель фольклора, автор «Толкового словаря живого великорусского языка».

Данте Алигьери (1265–1321), итальянский поэт, мыслитель, богослов, один из основоположников литературного итальянского языка, политический деятель.

Дебро Поль-Эмиль (1786–1831), французский народный поэт.

Дегильи, бывший французский офицер, проживавший в Кишинёве в начале 1820-х годов.

Делавинь Казимир Жан Франсуа (1793–1843), французский поэт и драматург, автор текста бывшего французского гимна «La Parisienne».

Делиль Жак (1738–1813), французский поэт, автор поэмы «Сады, или Искусство украшать сельские виды».

Дельвиц Антон Антонович (1798–1831), барон, русский поэт, критик, журналист, издатель, близкий лицейский друг А.С. Пушкина.

Дмитриев Иван Иванович (1760–1837), сенатор, министр юстиции в 1810–1814 годах, поэт, баснописец; А.С. Пушкин встречался с ним в детстве в Москве, а затем в Петербурге до 1836 года.

Дондуков-Корсаков Михаил Александрович (1794–1869), князь, чиновник Министерства народного просвещения, вице-президент Санкт-Петербургской академии наук, тайный советник, цензор, адресат эпиграммы Пушкина, брат его лицейского товарища Н.А. Корсакова.

Екатерина II Великая (1729–1796), русская императрица в 1762–1796 годах.

Ермолов Алексей Петрович (1777–1861), военный и государственный деятель, генерал от инфантерии, командующий отдельным Кавказским корпусом в 1816–1827 годах, с 1827 года в опале.

В 1829 году, направляясь на Кавказ, А.С. Пушкин специально заехал в Орёл, чтобы познакомиться с Ермоловым.

Ефрем Сирин, преподобный, христианский богослов и поэт, один из Учителей Церкви IV века.

Жанна д'Арк (1412–1431), национальная героиня Франции, одна из командующих французскими войсками в Столетней войне; попала в плен, была передана англичанам, осуждена как еретичка и сожжена на костре; в 1456 году реабилитирована, в 1920 году причислена Католической церковью к лику святых.

Жихарев Степан Петрович (1788–1860), сенатор, писатель и драматург–переводчик; известен дневниками–письмами «Записки современника».

Задека Мартын, вымышленное лицо, мудрец–прорицатель, якобы живший в XI веке, которому приписывалась книга «Древний и новый всегдашний гадательный оракул, найденный после смерти одного стошестилетнего старца Мартина Задека, по которому узнавал он судьбу каждого чрез круги счастья и несчастья человеческого, с присовокуплением Волшебного зеркала или толкования снов...», по–видимому, переведённая с немецкого и выпущенная в свет в Москве в 1814 году.

Залетаев Владимир Сергеевич (1929–1998), доктор географических наук, профессор, член–корреспондент Российской академии естественных наук, академик Российской экологической академии, учёный–эколог, географ и зоолог.

Зубова Наталья Павловна (1801–1868), графиня, урождённая княжна Щербатова, петербургская знакомая А.С. Пушкина.

Измайлов Лев Дмитриевич (1763–1836), крупный землевладелец Рязанской и Тульской губерний, генерал–лейтенант в отставке, практиковавший жестокие «забавы» с животными.

Инзов Иван Никитич (1768–1845), русский генерал от инфантерии (пехотный генерал), участник Отечественной войны 1812 года, полномочный наместник Бессарабской области; под его началом служил А.С. Пушкин во время южной ссылки.

Ипсиланти Александр Константинович (1782–1828), генерал–майор русской армии (1817), командир 1–й гусарской бригады, активный участник борьбы за независимость и национальный герой Греции, кишинёвский знакомый А.С. Пушкина.

Ирвинг Вашингтон (1753–1859), классик американской литературы, мастер короткого романтического рассказа и исторических исследований, путешественник.

Калашникова Ольга Михайловна (1806 — после 1840), в замужестве Ключарёва, крепостная крестьянка семьи Ганнибалов, возлюбленная А.С. Пушкина в 1824–1825 годах, мать его рано умершего сына Павла, в замужестве дворянка.

Карл XII (1682–1718), король Швеции в 1697–1718 годах, полководец.

Каченовский Михаил Трофимович (1775–1842), русский историк, переводчик, литературный критик, редактор–издатель «Вестника Европы» (1805–1830), ректор Московского университета, литературный противник общества «Арзамас».

Керн Анна Петровна (1800–1879), урождённая Полторацкая, во втором браке Маркова–Виноградская, племянница П.А. Осиповой и Е.М. Олениной, двоюродная сестра А.А. Олениной, знакомая А.С. Пушкина, вдохновительница стихотворения «Я помню чудное мгновенье...».

Киселёв Сергей Дмитриевич (1793–1851) отставной полковник лейб–гвардии Егерского полка, с 1837 года московский вице–губернатор, знакомый А.С. Пушкина.

Коншин Николай Михайлович (1793–1859), правитель канцелярии главноуправляющего Царским Селом, участник Отечественной войны 1812 года, поэт, переводчик, издатель альманаха «Царское село» (1830), знакомый А.С. Пушкина

Корсаков Алексей Иванович (1751–1821), государственный деятель, генерал от артиллерии, директор Артиллерийского корпуса, президент Берг–коллегии, сенатор, коллекционер, знаток и ценитель предметов искусства.

Корсаков Николай Александрович (1800–1820), лицейский товарищ А.С. Пушкина, автор песен на его стихи, сослуживец А.С. Пушкина по Коллегии иностранных дел.

Кочубей Василий Леонтьевич (1640–1708), украинский государственный деятель.

Кошанский Николай Фёдорович (1781–1831), профессор русской и латинской словесности в Царскосельском лицее, доктор философии и свободных искусств, адресат стихотворения А.С. Пушкина «Моему Аристарху».

Крылов Иван Андреевич (1769–1844), известный баснописец, драматург.

Кульман Елисавета Борисовна (1808–1825), русская, немецкая и итальянская поэтесса, переводчица, 7 её стихотворений на немецком языке положены на музыку известным композитором Робертом Шуманом.

Кутузов Михаил Илларионович (1745–1813), князь Смоленский, великий полководец, генерал–фельдмаршал.

Лавиньи, см. Делавинь Казимир.

Лафонтен Жан де (1621–1695), выдающийся французский поэт, баснописец, драматург.

Лёвшин Василий Алексеевич (1746–1826), тульский помещик, писатель, экономист, фольклорист.

Лжедмитрий I (+1606), один из четырёх самозванцев, именовавших себя сыновьями Ивана Грозного и претендовавших на россий-

ский престол, предположительно, беглый монах Чудова монастыря Григорий Отрепьев; при поддержке Речи Посполитой взойшёл на престол в 1605 году, убит 17 мая 1606 года в результате боярского заговора.

Лобачёв Владимир Сергеевич (1936–2011), зоолог, орнитолог, кандидат биологических наук, ведущий научный сотрудник кафедры зоологии позвоночных МГУ.

Лотман Юрий Михайлович (1922–1993), советский литературовед, культуролог, доктор филологических наук, член–корреспондент Британской академии наук (1977), член Норвежской академии наук (1987), академик Шведской королевской академии наук (1989) и член Эстонской академии наук, лауреат академической премии им. А.С. Пушкина за книги «Александр Сергеевич Пушкин. Биография писателя» и «Роман А.С. Пушкина «Евгений Онегин». Комментарий».

Ломоносов Михаил Васильевич (1711–1765), первый русский учёный–естествоиспытатель и энциклопедист мирового значения, в числе его многочисленных заслуг — развитие литературного русского языка, реформа стихосложения, литературные и исторические труды, исследования по физике и химии, создание технологии мозаики и многое другое.

Мазепа Иван Степанович (1644–1709), гетман Украины.

Маркевич Николай Александрович (1804–1860), поэт, историк, одноклассник и друг брата поэта Л.С. Пушкина, с которым вместе учился в Благородном пансионе при Петербургском университете; поддерживал дружеские отношения с А.С. Пушкиным много лет.

Марон, см. Вергилий Публий Марон.

Махмуд II (1785–1839), 30–й султан Османской империи, правивший в 1808–1839 годах.

Мериме Проспер (1803–1870), французский писатель и переводчик, мастер новеллы, историк, этнограф и археолог.

Мирабо Оноре Габриэль Рикети (1749–1791), граф, деятель Великой французской революции, один из самых знаменитых ораторов и политических деятелей Франции, масон.

Мнишек Марина Юрьевна (ок. 1588 — 1614/15), из шляхетского рода Мнишеков, жена Лжедмитрия I, венчанная с ним в мае 1606 года, незадолго до его гибели, и коронованная как русская царица (единственная женщина, коронованная в России до Екатерины I); затем жена следующего самозванца, Лжедмитрия II.

Моро де Бразе Жак (1663–1723), французский кавалерийский капитан; с 1711 года состоял на русской военной службе полковником, участвовал в Прутском походе (1711), в отставку вышел в чине бригадира; оставил «Записки бригадира Моро–де–Бразе» о русско–турецкой войне (1713; русский перевод А.С. Пушкина, 1835) и мемуары в 3 томах (1716).

Моцарт Вольфганг Амадей (1756–1791), великий австрийский композитор и музыкант–виртуоз.

Нодье Жан Шарль Эммануэль (1780–1844), французский писатель и библиофил.

Наполеон I Бонапарт (1769–1821), французский государственный деятель, полководец, император Франции в 1804–1814 годах и в марте — июне 1815 года.

Нащокин Павел Воинович (1801–1854), воспитанник Благородного пансиона при Царскосельском лицее (одноклассник Л.С. Пушкина), служил в кавалерии, вышел в отставку в 1823 году в чине поручика, близкий друг А.С. Пушкина.

Никитенко Александр Васильевич (1805–1877), литературный критик, профессор русской словесности Петербургского университета, с 1833 года цензор, впоследствии академик, знакомый А.С. Пушкина.

Николай I Павлович Романов (1796–1855), российский император в 1825–1855 годах.

Олег Вещий (†912), князь Новгородский с 879 года и великий князь Киевский с 882 года, один из основателей Древнерусского государства; согласно летописи, погиб от укуса змеи.

Оленин Алексей Николаевич (1763–1843), государственный деятель, президент Академии художеств, директор Публичной библиотеки, член Госсовета, госсекретарь (с 1826 г.), был знаком с А.С. Пушкиным с 1817 года.

Оленина Анна Алексеевна (1807–1888), младшая дочь А.Н. и Е.М. Олениных, в замужестве Андро де Ланжерон, предмет неразделённой любви А.С. Пушкина в 1828 году, вдохновительница цикла стихотворений, в числе которых «Я вас любил, любовь ещё, быть может...».

Оленина Елизавета Марковна (1768–1838), урождённая Полторацкая, жена А.Н. Оленина.

Олин Валерьян Николаевич (1788–1841), писатель, журналист, переводчик, издатель, знакомый А.С. Пушкина.

Осипова Александра (Алина) Ивановна (ок. 1805 — 1864), в замужестве Беклешова, падчерица П.А. Осиповой, знакомая А.С. Пушкина, вдохновительница стихотворения «Признание».

Осипова Мария Ивановна (1820–1896), дочь П.А. Осиповой.

Осипова Прасковья Александровна (1781–1859), урождённая Вындомская, в первом браке Вульф, помещица сёл Тригорское и Малинники, друг А.С. Пушкина.

Панин Пётр Иванович (1721–1789), граф, генерал–аншеф, воспитатель наследника Павла Петровича, командовал подавлением Пугачёвского восстания и пленением Емельяна Пугачёва.

Перовский Алексей Алексеевич (1787–1836), русский офицер, участник Отечественной войны 1812 года, русский писатель

(псевдоним Антоний Погорельский), член Российской академии наук (1829), автор фантастической повести «Лафертовская маковница», сказки для детей «Чёрная курица, или Подземные жители» и других книг.

Пётр I Великий (1672–1725), русский царь в 1682–1721 годах, российский император в 1721–1725 годах.

Петрович Георгий (Чёрный, Карагеоргий) (1762–1817), предводитель Первого сербского восстания (1804–1813).

Платон (между 429 и 427 до н. э. — 347 до н. э.), древнегреческий философ, основатель идеалистического направления философии.

Плетнёв Пётр Александрович (1792–1865), поэт и критик, профессор российской словесности, ректор Петербургского университета в 1832–1849 годах, друг А.С. Пушкина.

Погодин Михаил Петрович (1800–1875), историк, писатель, журналист, редактор «Московского вестника» (1827–1830), профессор Московского университета с 1833 года, друг А.С. Пушкина.

Потёмкин Григорий Александрович (1729–1791), светлейший князь Таврический, русский государственный деятель, создатель Черноморского военного флота и его первый главноначальствующий, генерал–фельдмаршал, основатель ряда городов на юге Российской империи.

Пугачёв Емельян Иванович (1742–1775), донской казак, предводитель крестьянской войны 1773–1775 годов.

Пушкин Александр Сергеевич (1799–1837), великий русский поэт.

Пушкин Василий Львович (1766–1830), дядя А.С. Пушкина, поэт, баснописец.

Пушкин Лев Сергеевич (1805–1852), брат А.С. Пушкина, воспитанник Благородного пансиона при Царскосельском лицее (1814–1817) и Благородного пансиона при Петербургском университете (1817–1821, курса не окончил), впоследствии капитан Нижегородского и Финляндского драгунских полков, служил в Министерстве внутренних дел, в Одесской портовой таможне; А.С. Пушкин любил и опекал его.

Пушкин Сергей Львович (1767–1848), отец поэта, капитан–поручик Егерского полка до 1797 года, в 1802–1814 годах служил в Комиссариатской комиссии в Москве, затем до 1817 года — в Варшаве, статский советник, увлекался литературой, театром, писал стихи.

Пушкина Наталья Николаевна (1812–1863), урождённая Гончарова, жена А.С. Пушкина, во втором браке Ланская.

Пушкина Ольга Сергеевна (1797–1868), в замужестве Павлицева, старшая сестра А.С. Пушкина.

Пушкин Иван Иванович (1798–1859), декабрист, выпускник Царскосельского лицея, однокурсник и близкий друг А.С. Пушкина.

Радищев Александр Николаевич (1749–1802), российский прозаик, поэт, философ, участник Комиссии по составлению законов при Александре I; известен благодаря своему основному произведению «Путешествие из Петербурга в Москву», которое издал анонимно в июне 1790 года, за что был арестован и сослан в Сибирь на 6 лет.

Раевский Александр Николаевич (1795–1868), полковник, камергер, сын Н.Н. Раевского, участник Отечественной войны 1812 года, друг А.С. Пушкина.

Раевский Николай Николаевич (1771–1829), герой Отечественной войны 1812 года, генерал от кавалерии, член Госсовета, друг А.С. Пушкина.

Раич Семён Егорович (1792–1855), поэт, издатель, магистр словесных наук Московского университета, преподаватель словесности в Благородном пансионе, где активизировал деятельность Общества молодых любителей литературы, членом которого был М.Ю. Лермонтов.

Расин Жан-Батист (1739–1799), выдающийся французский драматург.

Ринкевич (Рынкевич) Ефим Ефимович (1772–1834), участник Отечественной войны 1812 года, действительный статский советник, московский вице-губернатор в 1817–1821 годах, вятский гражданский губернатор, владел домом в Москве на Волхонке (по современной нумерации дом 8 строение 7).

Робеспьер Франсуа Мари Исидор де (1758–1794), французский революционер, один из наиболее известных и влиятельных политических деятелей Великой французской революции, казнён по решению Конвента (высшего законодательного и исполнительного органа Первой французской республики во время Великой французской революции).

Румянцев-Задунайский Пётр Александрович (1725–1796), граф, русский полководец и военный теоретик, генерал-фельдмаршал, главнокомандующий действующей армией в ходе русско-турецкой войны 1768–1774 годов.

Сальери Антонио (1750–1825), итальянский и австрийский композитор, дирижёр и педагог, автор более чем 40 опер, многочисленных инструментальных и вокально-инструментальных сочинений; легенда об отравлении им Моцарта не соответствует действительности.

Самойлов Николай Александрович (1800–1842), граф, полковник, флигель-адъютант императора, известен как мот и кутила.

Свиньин Павел Петрович (1787–1839), русский писатель, издатель, журналист и редактор, художник, историк, географ протославянофильских убеждений; собиратель русских древностей, первый издатель журнала «Отечественные записки».

Семевский Михаил Иванович (1837–1892), тайный советник, гласный и товарищ городского головы Санкт–Петербургской городской думы, писатель–историк, педагог, археограф, библиофил, редактор–издатель исторического журнала «Русская старина».

Семёнова Нимфодора Семёновна (1787–1876), артистка оперной труппы Императорских театров, певица среднего уровня.

Смирнова Александра Осиповна (1809–1882), в девичестве Россет, фрейлина русского императорского двора, знакомая, друг и собеседник А.С. Пушкина.

Соболевский Сергей Александрович (1803–1870), библиофил, библиограф, друг А.С. Пушкина.

Сомов Орест Михайлович (1793–1833), писатель, критик, журналист, издатель, знакомый Пушкина, имевший с ним деловые контакты.

Сталь–Гольштейн Анна–Луиза Жермена де (1766–1817), французская писательница, теоретик литературы, публицист, имевшая большое влияние на литературные вкусы Европы начала XIX века, бывшая в оппозиции к Наполеону I Бонапарту; спасаясь от преследования швейцарских властей, в 1812 году приезжала в Россию, о чём оставила мемуары.

Суворов Александр Васильевич (1730–1800), великий русский полководец, генералиссимус.

Сумароков Александр Петрович (1717–1777), поэт, драматург, создатель и директор Российского театра, издатель первого русского литературного журнала «Трудолюбивая пчела».

Татищев Дмитрий Павлович (1767–1845), действительный тайный советник, обер–камергер, член Государственного совета, сенатор, чрезвычайный посланник и полномочный министр при разных дворах европейских государств, почётный член Императорской академии художеств, коллекционер и знаток искусства.

Урусов Николай Александрович (1808–1843), поручик лейб–гвардии Измайловского полка, адъютант великого князя Михаила Павловича, знакомый А.С. Пушкина; был женат на А.Н. Бороздиной.

Уткин Николай Иванович (1780–1863), русский гравёр, крупнейший мастер русской портретной резцовой гравюры первой половины XIX века.

Ушакова Елизавета Николаевна (1810–1877), в замужестве Киселёва, московская знакомая А.С. Пушкина.

Фёдоров Борис Михайлович (1798–1875), прозаик и стихотворец, журналист, издатель нескольких журналов.

Филимонов Владимир Сергеевич (1787–1858), поэт, прозаик, переводчик, журналист, издатель, участник Отечественной войны 1812 года, новгородский вице–губернатор (1817–1819), архангельский гражданский губернатор (1828–1831), рязанский помещик.

Фихте Иоганн Готлиб (1762–1814), немецкий философ–идеалист.

Фредерик IV Ольденбург (1691–1730), король Дании и Норвегии с 1699 года, при нём Дания в 1700–1721 годах участвовала в Северной войне против Швеции.

Хайям Омар Нишапури (1048–1131), великий персидский философ, математик, астроном и поэт.

Хвостов Дмитрий Иванович (1756–1835), граф, стихотворец–графоман, которого А.С. Пушкин высмеивал в своих произведениях.

Хемницер Иван Иванович (1745–1784), русский поэт и переводчик, член Российской академии (1784), известен как автор переводных и оригинальных басен.

Цявловская Татьяна Григорьевна (1897–1978), литературовед.

Шаликов Пётр Иванович (1768–1852), поэт, переводчик, журналист, издатель «Дамского журнала», редактор газеты «Московские ведомости», знакомый А.С. Пушкина.

Шварц Дмитрий Максимович (1797–1839), чиновник канцелярии М.С. Воронцова, одесский знакомый А.С. Пушкина.

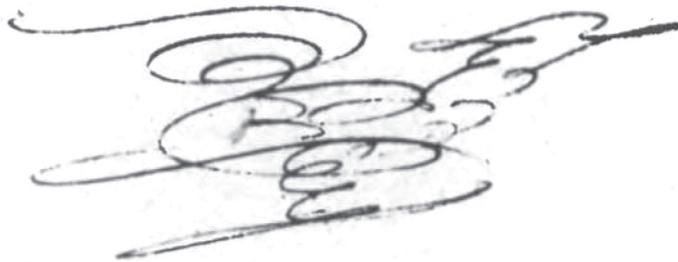
Шишкин Иван Иванович (1832–1898), выдающийся русский художник–пейзажист.

Щербатов Василий Фёдорович (1810–1878), чиновник Московского архива старых дел, коллежский секретарь, знакомый А.С. Пушкина.

Эзоп, легендарный древнегреческий поэт–баснописец, предположительно живший около 600 года до н. э.

Юсупова Прасковья Павловна (1795–1820), княгиня, урождённая княжна Щербатова, сестра Зубовой Н.П.; умерла при родах.

Языков Николай Михайлович (1803–1845), поэт, друг А.С. Пушкина.

Упомянутые географические названия

Анапа, курортный город на юге России, расположен на побережье Чёрного моря в Краснодарском крае, административный центр одноимённого муниципального образования.

Арагва (Арагви), река в Восточной Грузии, левый приток реки Куры; название переводится с грузинского как «быстрая».

Арагат, гора, самый высокий вулканический массив Армянского нагорья на востоке Турции; Большая вершина Арагата имеет высоту 5165 м, Малая — 3896 м; в Библии упоминается как «горы Араратские», на одной из которых сел на мель ковчег Ноя после всемирного потопа.

Арзамас, город (с 1578) в России, в Нижегородской области, городской округ.

Арзрум, см. Эрзурум.

Архангельская губерния, самая обширная административная единица европейской части Российской империи, Российской республики и РСФСР (до 1929 г.); в настоящее время эти территории находятся в Мурманской и Архангельской областях, Ненецком автономном округе, Республике Коми, Карелии.

Бессарабия, историческая область в Юго-Восточной Европе между Чёрным морем и реками Дунай, Прут, Днестр, в настоящее время входит в состав Украины и Молдавии.

Болдино (Большое Болдино), имение и усадьба Пушкиных в Лукояновском уезде Нижегородской губернии, ныне усадьба входит в состав Государственного литературно-мемориального и природного музея-заповедника А.С. Пушкина «Болдино».

Босния, историческая область, составляющая большую часть современной Боснии и Герцеговины; расположена на Динарском нагорье.

Венеция, город-порт в Северной Италии, расположенный на 118 островах в Адриатическом море на восточном побережье Апеннинского полуострова; острова разделены протоками и каналами, через которые переброшены около 400 мостов.

Волга, река в европейской части России (небольшая часть дельты, вне основного русла, находится на территории Казахстана), является одной из крупнейших рек на Земле и самой длинной в Европе.

Врев, древнее городище на территории Псковской области, расположенное между городом Остров и посёлком Пушкинские Горы; в настоящее время рядом с деревней Врев в Островском районе Псковской области.

Вязёмы, имение князей Голицыных, село, ныне посёлок Большие Вязёмы в Одинцовском районе, в усадьбе в 1987 году открыт Государственный историко-литературный музей-заповедник А.С. Пушкина.

Гергеры, крепость на Кавказе близ небольшого армянского села Гаргар, на Двальском (ныне Пушкинском) перевале.

Герцеговина, историческая область, расположенная на юге государства Босния и Герцеговина.

Голубово, деревня в Псковском районе Псковской области России, на реке Пскова.

Далмация, историческая область на северо-западе Балканского полуострова, на побережье Адриатического моря, на территории Хорватии (в основном) и Черногории.

Днепр, четвёртая по длине и площади бассейна река Европы после Волги, Дуная и Урала, имеет самое длинное русло в границах Украины.

Захарово, подмосковное сельцо и усадьба М.А. Ганнибал в 1804–1810 годах, ныне в Одинцовском районе Московской области, в составе Государственного историко-литературного музея-заповедника А.С. Пушкина.

Ильмень, озеро в западной части Новгородской области, с живописными берегами и многотысячелетней историей освоения; относится к бассейну Балтийского моря.

Калка, река, на которой в 1223 году произошла первая битва русских войск с монголо-татарами; точное место расположения не установлено; по одному из предположений — это река Конка, протекающая в Запорожском районе Украины, левый приток Днестра.

Карлсбад (Карловы Вары), город в Чехии (в исторической области Богемия), один из главных курортов Европы.

Кишинёв, столица и крупнейший город Молдавии, экономический и культурный центр, расположенный на реке Бык, с 1873 до 1917 года административный центр Бессарабской губернии.

Ключ, город в Боснии, в Средние века — мощная крепость, в настоящее время — административный центр общины с населением около 40 тысяч человек.

Константинополь, древний город у пролива Босфор, на Руси называвшийся Царьградом, столица Византийской империи, ныне г. Стамбул.

Краков, город на юге Польши, расположенный на реке Висле в 295 км от Варшавы, столица Польши до 1610 года, резиденция польских королей.

Кучане, озеро в Псковской области, через которое протекает река Сороть, недалеко от сельца Михайловское.

Литва (Великое княжество Литовское), древнее государство, возникшее в Прибалтике примерно в X веке и названное по племени литва, жившему частично на территории современной Литвы; в XIII–XIV веках территория Великого княжества Литовского стремительно росла и достигла берегов Чёрного моря,

включала основную часть современных Литвы, Белоруссии, Украины и частично России, Латвии, Эстонии и Молдавии; с 1385 года находилось в унии с Королевством Польским; в 1569 году стало частью федеративного государства Речь Посполита; прекратило своё существование в 1795 году, к 1815 году вся территория вошла в состав Российской империи.

Маленец, небольшое озеро в Псковской области близ сельца Михайловское.

Малинники, деревня в Старицком уезде на реке Тьме, в первой половине XIX века имение П.А. Осиповой, впоследствии принадлежало её потомкам.

Малороссия (Малая Русь), историческое название ряда регионов на территории Восточной Европы, преимущественно современной Украины, появилось в начале XIV века как византийское церковно-административное определение Галицко-Волынского княжества.

Михайловское, сельцо, родовое имение Ганнибалов в Псковской губернии; ныне в Пушкиногорском районе Псковской области в составе Государственного мемориального историко-литературного и природно-ландшафтного музея-заповедника А.С. Пушкина «Михайловское».

Молдавия, государство в юго-восточной части Европы, граничащее с Украиной и Румынией, в 1711–1917 годах в составе Российской империи, в 1918–1940 годах в составе Румынии, в 1940–1991 годах в составе СССР, с 1991 года — независимое государство Республика Молдова.

Москва, Первопрестольная (до 1712 года) и современная столица России (с 1918 года), самый крупный город Российской Федерации.

Московия, политико-географическое название Русского государства в западных источниках, употреблявшееся с XV до начала XVIII века, первоначально являлось латинским названием Москвы и Московского княжества.

Нижний Новгород, крупный город в Поволжье, промышленный и культурный центр России, административный центр Нижегородской губернии и Нижегородской области, в 1932–1990 годах носил название Горький.

Новгород Великий, город на северо-западе России, административный центр Новгородской области, основан в 859 году, второй по значимости после Киева центр Древнерусского государства, столица Новгородской республики до её подчинения Московскому княжеству в 1478 году.

Одесса, крупный город-порт на берегу Одесского залива Чёрного моря, основан Российской империей в 1794 году, в составе Укра-

инской ССР в 1919–1991 годах, затем областной центр в составе Украины.

Олонецкая губерния, административная единица Российской империи; губернский город — Петрозаводск; существовала с 1801 по 1922 год, эти территории в настоящее время входят в состав Карелии, Вологодской и Ленинградской областей.

Оренбург, город на юге Урала в России, административный центр Оренбургской губернии, с декабря 1934 года — Оренбургской области.

Персия, латинизированное название исторической области Фарс в Южном Иране, на берегу Персидского залива, название также распространяется на весь Иран.

Петербург, см. Санкт–Петербург.

Польша, государство в Центральной Европе, состав которого менялся в разные периоды его существования; в 1569–1795 годах — Речь Посполитая, куда входила также и Литва, часть земель современных России, Украины и Белоруссии; в 1795 году государство было разделено между Пруссией, Австрией и Российской империей, куда входили центральные области с административным центром городом Варшава; с 1918 года — самостоятельное государство.

Приютино, бывшая усадьба Олениных в 17 км от Санкт–Петербурга, ныне микрорайон города Всеволожска, построена в конце XVIII — начале XIX века; сохранившийся пейзажный парк и строения входят в состав Литературно–художественного музея–усадьбы «Приютино».

Рига, исторический город и столица Латвии, в 1796–1917 годах административный центр Лифляндской губернии России.

Санкт–Петербург, исторический город на северо–западе России, основан в 1703 году императором Петром I, с 1712 по 1918 год — столица Российской империи; именовался Петроградом (1914–1924), Ленинградом (1924–1991); ныне центр Ленинградской области, второй по населению и значению город Российской Федерации.

Симбирск, крупный город на берегах рек Волги и Свияги; губернский центр в 1796–1928 годах, с 1924 года — Ульяновск.

Стамбул, крупнейший город Турции, главный торговый, промышленный и культурный центр, главный порт страны, расположен на берегах пролива Босфор (до завоевания Турцией — Константинополь, столица Византийской империи).

Сороть, река в Псковской области России, правый приток реки Великой.

Тегеран, столица и крупнейший город Ирана и один из крупнейших городов Азии, известен с древнейших времён.

Терек, река на Северном Кавказе, берёт начало на склоне Главного Кавказского хребта, протекает по территориям Грузии, Северной Осетии, Кабардино–Балкарии, Ставропольского края, Чечни и Дагестана.

Тифлис, название города Тбилиси, столицы Грузии, в русской транскрипции до 1936 года, в Российской империи губернский город Тифлисской губернии.

Тригорское, усадьба Осиповых–Вульфов в Опочечком уезде Псковской губернии, в 3 км к западу от сельца Михайловское, ныне в составе Государственного мемориального историко–литературного и природно–ландшафтного музея–заповедника А.С. Пушкина «Михайловское».

Жива, древнейший город в Хорезмской области Узбекистана.

Хорватия, государство на юге Центральной Европы, частично на западе Балканского полуострова.

Царское Село, загородная императорская резиденция и город (с 1808 г.) в Приневской низине в 24 км от Санкт–Петербурга; ныне город Пушкин, административно подчинённый Санкт–Петербургу; крупный туристический, научный, учебный и военно–промышленный центр; дворцово–парковый ансамбль входит в состав Государственного художественно–архитектурного дворцово–паркового музея–заповедника «Царское Село».

Царьград, славянское название города Константинополя.

Швеция, государство в Северной Европе на Скандинавском полуострове.

Эрзурум, город на северо–востоке Турции, расположен на высокогорном плато на высоте 1900 м над уровнем моря, известен с IV века н. э.

Эскориал, монастырь, дворец и резиденция короля Испании Филиппа II (1527–1598).

Ссылки на автографы А.С. Пушкина

Ниже даются ссылки на автографы произведений А.С. Пушкина, где находятся его рисунки, опубликованные в тексте книги, согласно обозначениям Рукописного отдела Института русской литературы РАН (Пушкинского Дома) с указанием номера единицы хранения, номера листа и оборота (об.), если рисунок на оборотной стороне. Обозначение ПД означает: РО ИРЛИ РАН. Фонд 244. Опись 1.

С. 1. ПД № 74. Л. 2 об.	С. 71. ПД № 837. Л. 1 об.
С. 4. ПД № 829. Л. 29 об.	С. 80. ПД № 834. Л. 46
С. 6. ПД № 836. Л. 42	С. 85. ПД № 836. Л. 22 об.
С. 7. ПД № 911	С. 101. ПД № 839. Л. 45. об.
С. 8 в. ПД № 1763. Л. 75	С. 102. ПД № 102
С. 8 н. ПД № 1763. Л. 74 об.	С. 109. ПД № 1723. Л. 79 об.
С. 9. ПД № 835. Л. 60 об.	С. 110. ПД № 1096. Л. 4 об.
С. 10. ПД № 829. Л. 33	С. 112. ПД № 834. Л. 1
С. 12. ПД № 829. Л. 45 об.	С. 117. ПД № 835. Л. 9 об.
С. 13. ПД № 46. Л. 4	С. 118. ПД № 838. Л. 46 об.
С. 14. ПД № 842. Л. 6	С. 126. ПД № 831. Л. 33 об.
С. 18. ПД № 189	С. 128. ПД № 838. Л. 48 об.
С. 19. ПД № 838. Л. 52	С. 129. ПД № 842. Л. 13 об.
С. 20. ПД № 841. Л. 109	С. 133. ПД № 137. Л. 1
С. 22. ПД № 840. Л. 19 об.	С. 139. ПД № 858. Л. 54
С. 24 в. ПД № 838. Л. 62	С. 151. ПД № 1059. Л. 2
С. 24 н. ПД № 838. Л. 16 об.	С. 152. ПД № 929. Л. 1
С. 25. ПД № 1763. Л. 76	С. 154. ПД № 972. Л. 1
С. 32. ПД № 841. Л. 117 об.	С. 155. ПД № 836. Л. 12 об.
С. 34 н. ПД № 834. Л. 68	С. 160. ПД № 140. Л. 1
С. 36. ПД № 959. Л. 48 об.	С. 161. ПД № 838. Л. 12
С. 44. ПД № 74. Л. 2 об.	С. 162. ПД № 138. Л. 12.
С. 45. ПД № 1723. Л. 88.	С. 168. ПД № 835. Л. 74 об.
С. 51. ПД № 833. Л. 49	С. 170. ПД № 834. Л. 1
С. 56. ПД № 833. Л. 14	С. 178. ПД № 138. Л. 2
С. 57 в. ПД № 589. Л. 1 об.	С. 189. ПД № 834. Л. 1
С. 57 н. ПД № 838. Л. 39 об.	С. 192. ПД № 831. Л. 18
С. 58. ПД № 831. Л. 42	С. 204. ПД № 829. Л. 47 об.
С. 62 н. ПД № 1723. Л. 81.	С. 205. ПД № 841. Л. 27
С. 63. ПД № 1723. Л. 79 об.	С. 216. ПД № 886. Л. 1 об.
С. 64. ПД № 1723. Л. 71	С. 221. ПД № 841. Л. 33 об.
С. 65. ПД № 1723. Л. 79 об.	С. 228. ПД № 198
С. 67. ПД № 915. Л. 9 об.	

**Всероссийский творческий проект
«Следы невиданных зверей»**

Содержание

Предисловие	3
«Ретив и смирен верный конь...»	5
«Пёс за ней бежит, ласкаясь...»	33
«Кот учёный»	57
«Большой, взъерошенный медведь...»	73
«Суцая обезьяна лицом...»	84
«Белка там живёт ручная...»	94
«...Про скотный двор»	113
«Мы вольные птицы...»	127
«Птичка гласу бога внемлет...»	141
«И жало мудрыя змеи...»	157
«Смилуйся, государыня рыбка...»	171
«Моё собрание насекомых...»	179
Послесловие	190

<i>Словарь терминов, редких и устаревших слов и выражений .....</i>	<i>193</i>
<i>Упомянутые исторические лица .....</i>	<i>205</i>
<i>Упомянутые географические названия .....</i>	<i>217</i>
<i>Ссылки на автографы А.С. Пушкина .....</i>	<i>222</i>

Всероссийский творческий проект «Следы невиданных зверей»	223
--	------------

Елена Николаевна Егорова

«Следы невиданных зверей...»

Мир фауны в жизни и творчестве А.С. Пушкина

Научно-популярные очерки

Технические редакторы: В.Н. Киселева, Е.Н. Егорова
Корректор: Е.Ю. Биткова

**Литературное объединение «Угреша» имени Ярослава Смелякова
Московской областной организации Союза писателей России**

121069, г. Москва, ул. Б. Никитская, 50а/5, стр. 1. Тел. (495) 551-25-97.
www.lito-ugresha.narod.ru, e-mail: lito_ugresha@mail.ru

**Московская областная благотворительная общественная
организация «Общество «Семь Я»**

140090, Московская обл., г. Дзержинский, ул. Лермонтова, 11, кв. 46.
Тел. (495) 551-32-16. www.seveni.ru, e-mail: seveni1@mail.ru

ДМУП «Информационный центр»

140093, г. Дзержинский Московской обл., ул. Томилинская, 14а.
Тел. (495) 551-22-32.

Сдано в набор 05.11.2019. Подписано в печать 10.01.2020.
Формат 70х100/16. Гарнитура Bookman. Печ. л. 23,5.
Тираж 3000 экз.

Отпечатано
в ОАО «Можайский полиграфический комбинат»
143200, Московская область, г. Можайск, ул. Мира, 93.
Тел.: (496) 382-10-23, (495) 745-84-28.
www.oaompk.ru, e-mail: oaompk@oaompk.ru.
Заказ №

ISBN 978-5-6041100-3-4

9 785604 110034